

В ПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

ОТТЕНКИ ЗЛА

РАССЛЕДУЕТ
МИССИС КРИСТИ

ЭНДРЮ УИЛСОН

Annotation

Писательница Агата Кристи принимает предложение Секретной разведывательной службы и отправляется на остров Тенерифе, чтобы расследовать обстоятельства гибели специального агента, – есть основания полагать, что он стал жертвой магического ритуала. Во время морского путешествия происходит до странности театральное самоубийство одной из пассажирок, а вскоре после прибытия на остров убивают другого попутчика писательницы, причем оставляют улику, бьющую на эффект. Саму же Агату Кристи арестовывают по ложному обвинению. Благодаря своим поразительным дедуктивным способностям она приходит к выводу, что все эти события взаимосвязаны, однако несомненно и другое: тянуть за ниточки, чтобы распутать это дело, смертельно опасно. И очередная смерть не заставляет себя ждать...

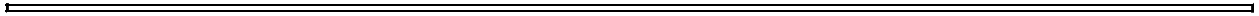
Впервые на русском языке!

- [Эндрю Уилсон](#)
  -
  -
  - [Глава 1](#)
  - [Глава 2](#)
  - [Глава 3](#)
  - [Глава 4](#)
  - [Глава 5](#)
  - [Глава 6](#)
  - [Глава 7](#)
  - [Глава 8](#)
  - [Глава 9](#)
  - [Глава 10](#)
  - [Глава 11](#)
  - [Глава 12](#)
  - [Глава 13](#)
  - [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)

- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Факты](#)
- [Благодарности](#)
- [notes](#)
  - [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
  - [8](#)
  - [9](#)
  - [10](#)
  - [11](#)

- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)

Эндрю Уилсон

Оттенки зла. Расследует миссис Кристи

Посвящается моим родителям

Andrew Wilson

A DIFFERENT KIND OF EVIL

Copyright © 2018 by Andrew Wilson Media Ltd

© Л. Н. Высоцкий, перевод, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство АЗБУКА®

* * *

Эндрю Уилсон – британский писатель и журналист, удостоенный многих литературных наград. Его работы появлялись в различных изданиях, включая «Guardian», «Washington Post», «Sunday Times», «Smithsonian Magazine», «Daily Telegraph», «Observer», «Daily Mail», «New Statesman», «Evening Standard».

Его перу принадлежат блестяще написанные биографии, в том числе Патриции Хайсмит и Александра Маккуина, книга «Shadows of the Titanic» («Тени "Титаника"»), а также романы «Лживый язык» и «Искусство убивать».

Стремительные повороты сюжета.

Publishers Weekly

Сильные характеры, остроумный замысел и умелое сочетание фактов и выдумки делают эту книгу неотразимой. Любители детективов не смогут оторваться от чтения!

Starred Review

В равной степени психологический триллер и детективная история. Читатели сразу почувствуют симпатию к главной героине, которой свойственны не только острый, находчивый ум, но и отзывчивость.

Library Journal

Блистательный, мастерски написанный роман, достойный самой королевы детектива.

Publishers Weekly

Глава 1

Пароход качало во все стороны. Я выглянула в иллюминатор – узнать, что видно на горизонте, но затянутое тучами небо слилось с морем в сплошное грязное пятно. Я села на койку и стала пить маленькими глотками воду, желая избавиться от тошноты и неприятных воспоминаний о прежних морских путешествиях.

Решив, что свежий воздух пойдет мне на пользу, я спустила ноги на пол, поправила волосы перед зеркалом, набросила кое-какую одежду и, зная, что на палубе холодно, взяла шаль тонкой ручной работы – подарок Флоры Кёрс.

У двери, соединявшей мою каюту с соседней, где спали Розалинда и Карло, я прислушалась и убедилась, что там все тихо. Я не стала беспокоить их, зная по опыту, что моя дочь и моя секретарша лучше всего переносят штормовую погоду, когда спят.

Пробираясь по коридору и придерживаясь за стенки, я молилась только о том, чтобы не повторились мои мучения по пути на Мадейру, пережитые несколько лет назад. Мы посетили этот остров в ходе кругосветного Имперского круиза, который совершали вместе с Арчи, и у меня случился такой жуткий приступ морской болезни, что я уже не надеялась выжить. Пассажирка из соседней каюты, случайно увидев меня через полуоткрытую дверь, решила, что я почила вечным сном.

Сейчас я вспоминаю те дни с улыбкой, но тогда не видела в этом ничего забавного. Я не покидала каюты четверо суток; организм, как у больной собаки, не принимал никакой пищи, усилия проглотить что-либо были напрасны. В конце концов судовой врач напоил меня какой-то гадостью, сказав, что это жидкий хлороформ, после чего я провалялась без еды еще сутки, а затем Арчи приготовил мне крепкий мясной отвар. Это было необыкновенно вкусно! К тому же я знала, что Арчи терпеть не может ухаживать за больными, и когда он кормил меня с ложечки подозрительной на вид субстанцией, я любила его еще больше.

Теперь наша любовь – его любовь, по крайней мере, – позади. Кризис, разразившийся в семье в конце прошлого года, лишил наш брак последних признаков жизни. Арчи остался в Стайлзе, но намеревался продать его, а Нэнси Нил, женщина, занявшая мое место в его жизни, временно уехала за границу. Родители Нэнси не хотели, чтобы ее имя трепали в связи с моим исчезновением, и отправили ее в ссылку. Ходили слухи, однако, что по ее

возвращении в Англию они с Арчи поженятся. Слово «развод» звучало грубо и вульгарно, и сама процедура была тягостной и постыдной, но пришлось пройти через это.

«Противиться этому так же бессмысленно, как бороться с мощным морским течением», – подумала я, выходя на палубу. Ветер хлестал поверхность воды, взбивая яростные гребешки белой пены, и бросал сеть мелких брызг в лицо, оставляя вкус соли на губах. По выходу из Саутгемптона мы пересекли Ла-Манш, держа курс на Португалию. Я морально приготовилась пережить все неприятности *mal de mer*^[1] в Бискайском заливе, но волнение было не сильнее, чем в пруду на птичьем дворе. И лишь оставив позади Лиссабон и повернув к югу, мы впервые столкнулись с непогодой.

Я шла по палубе, держась за леер и вглядываясь в даль. Где-то там был мой пункт назначения: Тенерифе, один из Канарских островов. Джон Дэвисон, с которым я познакомилась в конце прошлого года, уговорил меня помочь ему в расследовании убийства молодого агента, Дугласа Грина. Сначала я восприняла предложение сотрудничать с Секретной разведывательной службой как нелепую шутку и долго отказывалась, но после смерти Флоры Кёрс и подруги Дэвисона Уны Кроу я почувствовала, что обязана это сделать. Обе женщины погибли из-за меня. Я не имела права устраняться.

Убийство Дугласа Грина произошло при очень странных обстоятельствах: тело нашли в пещере на острове в частично мумифицированном виде; его покрывал слой блестящего вещества, похожего на кровь, но оказалось, что это сок произрастающего на острове драконова дерева. Его собственную кровь полностью выкачали из тела, но следов ее не обнаружили ни в пещере, ни вокруг нее.

Я с трудом верила ушам, когда Дэвисон рассказывал об этом, хотя и знала – может быть, лучше, чем многие, – что зло вполне реальная вещь. Меня удивляло, когда люди объясняли садистские склонности преступника или сексуальное насилие трудным детством либо неблагоприятными условиями жизни. Я была уверена: зло – врожденная черта отдельных людей, а не приобретенная. Те, кто спорил с этим, были, на мой взгляд, зашоренными идеалистами, боявшимися взглянуть на человеческую природу в неприкрашенном виде. Я столкнулась со злом в чистом виде в лице доктора Кёрса и никогда этого не забуду. Он излучал зло. Его стремление манипулировать мной и склонить к убийству вынудили меня временно исчезнуть, оставить дом и близких, довели до отчаяния и чуть ли не до сумасшествия. Боюсь, я уже не смогу стать прежней Агатой Кристи.

По ночам меня преследовали кошмары, воспроизводившие события тех одиннадцати декабрьских дней. Стоило закрыть глаза, и передо мной возникали лица Уны Кроу – девушки, вознамерившейся отыскать меня, и Флоры Кёрс, жены моего мучителя, которая пожертвовала жизнью ради меня.

Небо между тем темнело. Маленькой девочкой в Девоне я любила наблюдать за тем, как движется вода в заливе Торбей, как море и небо меняют цвет и как отражаются в волнах облака. Мне рисовались в воображении далекие экзотические страны, населенные необычными людьми, и я пыталась представить себе будущее. Не помню, чтобы мне приходила в голову идея стать писателем, а уж сотрудником секретного правительственного органа и подавно. Это казалось фантастикой, а между тем стало явью.

Дэвисон говорил какую-то чушь – мол, у меня первоклассные мозги. Думаю, дело было в том, что их отдел крайне нуждался в женщинах среднего возраста, не вполне приспособленных к жизни и незаметных, чьи вопросы трудно приписать чему-либо иному, кроме любопытства. Для Дэвисона я была лишней парой глаз и ушей. Отправляя меня в путешествие, он настаивал на том, чтобы я всячески избегала опасностей. Он не мог простить себе гибель Уны Кроу и старался принять все предосторожности на этот раз, а потому решил сопровождать меня в поездке на Тенерифе. На борту «Джелрии», которая должна была доставить нас до Лас-Пальмаса, как и на самом Тенерифе, Дэвисон выступал под вымышленным именем Александра Блейка. «Будет гораздо естественнее выглядеть, – сказал он, – если мы сделаем вид, что познакомились на пароходе».

Сначала я хотела оставить Розалинду в Эбни-холле, манчестерском доме моей сестры, на ее попечение, но когда сообщила дочери о возможном отъезде, она страшно расстроилась. В свои семь с половиной лет она уже успела почувствовать несовершенство нашего мира, и ей, несомненно, сразу вспомнились прошлогодние визиты полицейских, напряженная атмосфера в доме, озабоченные лица слуг, наш страх, что она увидит газету с очередной статьей обо мне или услышит мое имя, выкрикиваемое мальчишкой-газетчиком. К тому же мне кажется, она не простила меня до конца за то, что я бросила ее почти на год, уехав в кругосветное путешествие в тысяча девятьсот двадцать втором году. Так что мне пришлось скрепя сердце взять Розалинду с собой в поездку на Канары. Было решено, что Карло присмотрит за ней, а я постараюсь оградить ее от всевозможных опасностей. Не сразу получилось развеять опасения

родственников и врачей относительно трудностей морского путешествия, качества питьевой воды и непривычной пищи, но в конце концов они уверовали в то, что несколько недель, проведенных в целебном климате, приведут мою нервную систему в порядок и восстановят душевные силы.

Порыв ледяного ветра заставил меня плотнее закутаться в шаль. От свежего воздуха действительно полегчало, но он оказался при этом чересчур холодным. Я уже хотела вернуться в каюту, когда до меня донесся пронзительный крик, изданный, как мне показалось, чайкой. Я ухватилась за леер; крик повторился, и стало ясно, что кричит женщина где-то на корме. Я побежала в том направлении, надеясь позвать на помощь кого-нибудь еще, но палуба пустовала. К тому времени, когда я в панике примчалась на корму, крики стихли. На задней оконечности палубы стояла, обернувшись к морю, темноволосая женщина плотного сложения. В нескольких шагах от нее застыла другая женщина, стройная блондинка. При моем появлении она нерешительно шагнула к брюнетке и произнесла, протянув к ней руку:

– Нет, Джина, не надо! Я знаю, ты ненавидишь меня, а может быть, и нас обоих, но, поверь, дело не стоит того, глупо поступать так из-за нас.

Брюнетка в ответ перебралась через леер и стояла теперь на узком выступе, держась за деревянные перила.

– Пожалуйста, остановитесь! – крикнула я, не уверенная даже, что мои слова не заглушает ветер. – Как вас зовут? Вы, кажется, назвали ее Джинной? – обратилась я к блондинке, чье красивое лицо было залито слезами.

– Да, Джина, – подтвердила та. – Исчезла из дома, и никто не знал, где она. А оказалось, что она каким-то образом пробралась на этот пароход, когда узнала, что ее муж Гай...

Окончания фразы я не расслышала из-за порыва шквального ветра, заставившего меня сделать пару шагов назад. С потемневшего неба посыпались крупные тяжелые капли дождя.

– Вы не пытались позвать на помощь? – крикнула я. – Простите, а вас как зовут?

– Мисс Харт. Я хотела пройтись по палубе и случайно увидела ее, а рядом никого не было. И я стала кричать – что еще я могла сделать?

– Она близкий вам человек?

– Когда-то мы были близки. Но теперь, я уверена, она меня ненавидит. Понимаете, мы с Гаем, то есть с мистером Тревельяном...

Я поняла ее. Гай, по всей вероятности, изменял супруге с мисс Харт точно так же, как Арчи изменял мне с мисс Нил.

Я отвернулась от мисс Харт, стараясь скрыть презрение к ней.

– Джина, послушайте меня, – обратилась я к другой женщине. – Поверьте мне, завтра все будет выглядеть по-другому. Я была в таком же положении, как и вы, и мне приходила в голову мысль совершить нечто... непоправимое, но просто удивительно, как время – даже самый короткий срок – все меняет. В первые минуты вы думаете: ничто уже не имеет значения в жизни, – но на самом деле это не так. Остается очень многое, ради чего стоит жить. Я уверена, у вас есть друзья и родные – любимая бабушка, или тетушка, или собака, которая вас обожает. – Мне живо вспомнилась лохматая голова Питера у меня на коленях и восхитительное зловоние его дыхания. – Ваша жизнь очень дорога вашим близким. Может быть, сейчас вам так не кажется, но это правда.

Джина, казалось, была готова повернуться ко мне и даже перелезть через леер обратно. Но тут мисс Харт, подавшись к ней, снова завопила – на этот раз низко, гортанно, чуть ли не первобытно:

– Джина, нет! Только не сейчас! Подумай, что мы все пережили!

– Мисс Харт, прекратите! Отойдите от нее, пожалуйста, – бросила я.

Я опять хотела успокоить Джину, но все произошло слишком быстро. Она подняла руки и, постояв какой-то миг неподвижно, стала едва заметно раскачиваться, словно отдавшись во власть ветра. Затем она расставила руки, как тяжеловесная балерина, изображающая полет, и вновь уронила их. Мисс Харт в панике рванулась к ней, отчаяние в ее глазах напомнило мне взгляд животного на скотобойне, и в это мгновение Джина опять подняла руки и очень грациозно прыгнула в воду. Я инстинктивно кинулась к ней, как сделал бы всякий нормальный человек на моем месте, но мои ладони ощутили только дождь, туман, ветер и брызги, которые разбрасывало рассерженное море. Я склонилась над леером, но тела Джинины не увидела – его, очевидно, уже затянуло под корпус судна.

– Надо постараться спасти ее! – крикнула я, но, обернувшись, увидела, что мисс Харт застыла на месте в полной прострации. – Мисс Харт, надо сбегать за кем-нибудь из команды.

– Да-да, конечно, – отозвалась она, приходя в себя, – может быть, еще есть шанс.

Мисс Харт убежала, а я все пыталась разглядеть тело Джинины в воде и даже взывала к ней, хотя было ясно, что она не услышит меня из-за воя ветра и рева морских волн. Я промокла насквозь; морская вода смешивалась со слезами. Мне представлялось, как бедная женщина хочет вдохнуть воздух, но легкие ее наполняются соленой морской водой.

Я вспомнила, как много лет назад купалась с племянником Джеком в

бухточке в Торки, отведенной для женщин и детей. На некотором расстоянии от берега дрейфовал удерживаемый якорем плотик. Я поплыла к нему, посадив Джека на спину, так как он был еще слишком маленьким и не мог добраться до плота самостоятельно. Однако вскоре я обнаружила, что на море необычное волнение, из-за которого я не могла нормально дышать и наглоталась воды. Чувствуя, что ухожу под воду, я велела Джеку доплыть до плота, а сама потеряла сознание.

Моя жизнь не успела промелькнуть перед глазами; я не слышала звуков арфы или другой умиротворяющей классической музыки, у меня было лишь ощущение страшной пустоты, абсолютного ничто. Следующее, что я помню, – меня втащили вместе с Джеком в спасательную шлюпку и доставили на берег, где стали выкачивать из меня лишнюю воду.

Джину вряд ли ждал такой же счастливый конец. Но надо было попробовать. Куда подевалась эта женщина? Неужели так трудно найти кого-либо из команды? И в этот миг она прибежала вместе с мужчиной в нарядной синей форме, который представился как старший помощник капитана Уильям Макмастер.

– Женщина упала за борт, – сообщила я ему. – Вы не можете остановить пароход?

Макмастер склонился над водой и внимательно взгляделся в нее, затем повернулся к нам с выражением, говорившим само за себя.

– Конечно, мы остановим судно, – ответил он – Пойду, скажу капитану. Но, боюсь, спасти ее не удастся. Скорее всего, ее утянуло мощным течением на глубину. Даже олимпийский чемпион вряд ли мог бы выжить.

Мне не понравился его пессимистический тон.

– Это понятно, – сказала я. – Но все равно мы должны сделать все, что в наших силах.

– Разумеется. Однако я попрошу вас вернуться в каюту. Море в ближайшие часы будет довольно беспокойным, и мы задраим все выходы на палубу.

– Но если даже бедная женщина погибнет, может быть, удастся хотя бы выловить ее тело, чтобы похоронить как полагается?

Мисс Харт издала при этих словах горестное восклицание и опустила голову, словно хотела сдержать рыдание.

– Мы постараемся найти ее, – заверил меня старпом. – Но в такую погоду сделать это очень трудно. Давайте не будем терять времени и спустимся в каюты.

Мы последовали за Макмастером повесив головы, словно участницы похоронной процессии.

– Мне надо будет доложить капитану ваши имена, – сказал он, доставая из внутреннего кармана записную книжку.

– Меня зовут Агата Кристи, – ответила я, задумчиво притронувшись к обручальному кольцу.

Я не знала, сколько еще времени буду носить это имя.

Моряк приподнял бровь. Возможно, он читал мои книги, а скорее, ему попадались прошлогодние газеты, в которых смаковались подробности моего исчезновения. Боюсь, эта история будет преследовать меня всю жизнь.

Записав мое имя, Макмастер повернулся к красавице-блондинке.

– Меня зовут Хелен Харт.

Имя показалось мне знакомым.

– Благодарю вас. Чуть позже капитан наверняка захочет побеседовать с вами. А если мы что-то обнаружим в море, я дам вам знать.

Поблагодарив старшего помощника, я обратилась к мисс Харт:

– Это ужасно! Стать свидетельницей такой страшной сцены. Представляю, что вы пережили. Ваша подруга долго стояла там?

– Не имею понятия, – ответила мисс Харт, откинув прядь волос со лба. – Не знаю, как вы, а я насквозь промокла.

– Да, я тоже, – ответила я, глядя, как на ковре под ногами расплываются лужи. – Давайте переоденемся, а позже поговорим в библиотеке. Вряд ли кто-нибудь там будет в это время.

Договорившись с мисс Харт встретиться через полчаса, я вернулась в каюту. Карло и Розалинда все еще спали. Наполнив умывальник горячей водой, я умылась, вытерла волосы полотенцем и прошла по ним расческой. Тем не менее выглядела моя прическа ужасно, так что пришлось надеть шляпу. В это время ко мне вбежала проснувшаяся Розалинда, которой не терпелось рассказать сон.

– Мама, мне приснился такой кошмар! Я потеряла Синего Мишку и нигде не могла его найти!

– Да, это, конечно, обидно. Но ведь это было только во сне, – сказала я, погладив ее по голове.

– Да, слава богу! Было бы очень грустно потерять его на самом деле. Что он делал бы без меня? – Помолчав, она вдруг посмотрела на меня так, будто видела первый раз в жизни. – Мама, а какие сны тебе снятся? Бывают печальные?

– Иногда, – ответила я, вспомнив кошмарные видения, преследовавшие меня в последнее время, после которых я просыпалась в холодном поту. – Но я всегда напоминаю себе, что это всего лишь сон.

– Сны – такая интересная штука, правда?

– Да, действительно, – улыбнулась я. – Но смотри, вот и Карло.

– Доброе утро, – сказала гувернантка. – Я проснулась, и мне показалось, будто пароход остановился. Тебе тоже? – Подойдя к иллюминатору, она выглянула наружу. – Так и есть, мы стоим. И погода отвратная.

– Дорогая, почему бы тебе не посмотреть, как там Синий Мишка? – обратилась я к Розалинде, поцеловав ее. – А я через пару минут приду и помогу тебе одеться.

Закрыв дверь за Розалиндой, я рассказала Карло о случившемся.

– Какой ужас! – сказала она. – И особенно плохо, что тебе пришлось стать свидетельницей всего этого. Ты уверена, что не хочешь отдохнуть? Ты ведь знаешь, что сказали врачи.

– Нет, если я сейчас лягу, у меня, скорее всего, начнется очередной приступ морской болезни. Я и встала-то для того, чтобы подышать свежим воздухом.

У Карло был задумчивый вид.

– Должно быть, ее довели до полного отчаяния.

– Наверное.

– И ты говоришь, что у этой мисс Харт была, по-видимому, связь с мужем этой несчастной?

– Да.

– Знакомая ситуация.

– Да уж. – Я посмотрела на часы. – А сейчас, между прочим, у меня как раз должна состояться беседа с мисс Харт.

– Мы не встречались с мужем здесь, на судне? Как, ты говоришь, его зовут?

– Гай Тревельян. Нет, мы вроде бы не разговаривали с ним.

– Может, он был с этой шумной компанией молодежи вчера во время обеда?

Я вспомнила, как накануне мне резанул слух бесцеремонный гогот в дальнем конце столовой. Возможно, виноват был мой возраст – я давно уже не хохотала так громко – или подавленное настроение, только я сердито посмотрела в их сторону и столкнулась с насмешливым взглядом красивого темноволосого мужчины, сидевшего рядом с эффектной блондинкой, которую, как я теперь знала, звали Хелен Харт.

Когда я вошла в библиотеку, Хелен Харт стояла возле книжных полок спиной ко мне в дальнем конце комнаты.

– Выбор у них не бог весть какой, правда? – заметила она. – Хотя, если

бы у них и было что-нибудь стоящее, я вряд ли взяла бы какую-нибудь книгу.

– Боюсь, я еще не успела... – отозвалась я.

– Ох, простите, я не слышала, как вы вошли, – сказала мисс Харт. – Я обращалась к мистеру Тревельяну.

С зеленого кожаного кресла поднялся высокий мужчина довольно брутального вида. Когда он подошел ко мне, я заметила, что вчерашний презрительно-насмешливый взгляд сменился серьезным и даже меланхоличным.

– Гай, это миссис Кристи, о которой я тебе говорила. Она пыталась помочь мне...

– Я искренне благодарен вам за то, что вы сделали сегодня утром, – сказал Гай. – Ужасное происшествие.

– К сожалению, на самом деле я ничем не смогла помочь. – Вы уже говорили с мистером Макмастером?

– Да, он заходил ко мне в каюту. Увы, им не удалось найти ее, – ответил Тревельян. – Капитан хочет простоять на этом месте еще несколько часов, но это всего лишь жест вежливости. – Лицо его, столь яркое накануне в столовой, сегодня померкло; под глазами виднелись тени. – Бедная Джина. Если бы только...

– Ты не должен винить себя, Гай, – сказала Хелен. – Конечно, мы вели себя не безупречно, но Джина всегда была немного неуравновешенной, разве не так?

– Что вы имеете в виду? – осторожно поинтересовалась я.

– Хелен, давай не будем сейчас обсуждать это, – взмолился Гай. – Я знаю только, что мы довели несчастную до самоубийства. – Слезы выступили на его темных глазах; он прикусил костяшки пальцев, чтобы не разрыдаться.

– Дорогой, ты же знаешь, что это не совсем так, – сказала Хелен, успокаивающе положив руку ему на плечо.

Руки у нее были крупными и на вид сильными, с короткими ногтями без маникюра, вокруг которых виднелся черный ободок забившейся под кожу грязи.

И тут я поняла, почему ее имя показалось знакомым: я видела выставку ее скульптур в лондонской галерее. В основном это были странные примитивные фигуры, фрагменты обнаженных торсов и тому подобное. Они производили сильное впечатление, а некоторые даже шокировали. Несомненно, взгляд мисс Харт проникал в самые темные уголки человеческой натуры. Помню, я даже позавидовала художнице.

Одно время, уже давно, я тоже вынашивала бредовую идею стать скульптором и взяла несколько уроков, но была вынуждена признать, что у меня нет шансов чего-то достичь в этом искусстве.

– Мне очень нравятся ваши работы, мисс Харт, – сказала я, чтобы разрядить обстановку.

– Правда? – отозвалась она, блеснув голубыми глазами.

– Да, я была на вашей выставке в галерее «Пэн» в начале прошлого года. Не могу сказать, что все поняла, но вы, безусловно, обладаете исключительной способностью передавать самую суть вещей.

– Это очень любезно с вашей стороны – не так ли, Гай? – сказала мисс Харт. – Ваше имя тоже знакомо мне, но, увы, я не читала ваших романов. Чтение не мое хобби. Я воспринимаю мир зрением – формы, цвета, – а письменные тексты вызывают у меня аллергию. Вы, наверное, сочтете меня бездарной собеседницей.

– Напротив, мисс Харт, – возразила я. – Отрадно поговорить с человеком, который не читал моих книг.

– Почему бы вам не пообедать сегодня с нами? – предложила мисс Харт. – И пожалуйста, называйте меня просто Хелен.

– Да-да, – присоединился к приглашению Гай Тревелиян без особого энтузиазма, но когда Хелен бросила на него сердитый взгляд, добавил более энергично: – Конечно, пообедайте с нами, миссис Кристи. Простите меня, но я никак не могу поверить, что Джинны больше нет.

– Да, неожиданная гибель – это всегда тяжело, – сказала я. – Однако в данном случае все произошло так быстро, что она, я уверена, не страдала, – добавила я, сама не вполне себе веря.

– Спасибо хоть за это, – сказал Тревелиян. – Но все равно это не укладывается у меня в голове. Я знал только, что она убежала из нашего дома на Брук-стрит, не оставив записки. Я думал, она проведет ночь у какой-нибудь подруги в Мэйфейре, а на следующий день вернется. Такое уже не раз бывало. В нашем браке не все шло гладко.

– И вы говорите, у нее был горячий темперамент?

– Это мягко сказано, – откликнулась Хелен.

– Но, Хелен, ты не представляешь, в каком напряжении она жила, – возразил Тревелиян, и Хелен замолчала, предоставив ему слово. – Нервы у нее действительно были не в порядке. Она могла вести себя совершенно нормально несколько недель, а потом вдруг без всякой видимой причины впадала в какое-то маниакальное состояние. Целыми ночами танцевала, болтала или бродила по улицам. Говорила, что чувствует необыкновенный прилив энергии, творческого вдохновения. Как-то сообщила мне, что

написала за ночь целый роман, но когда я стал читать ее записи, то увидел лишь какую-то тарабарщину, набор бессмысленных фраз и непристойностей. А после этого она могла так же неожиданно броситься в слезах на постель, угрожая нанести себе увечье, покончить с собой. Все это было поистине невыносимо.

– А когда ваша жена исчезла из дома?

– Первого января. Ночью у нас была куча гостей, все слишком много пили и слишком много... позволяли себе. Возможно, Джина что-то увидела или что-то вообразила. И вот она куда-то удрала. Я сообщил об этом в полицию, они поместили объявления в газетах, расклеивали их на улицах, искали ее – но все напрасно.

– Она знала о ваших отношениях с мисс Харт?

– Не знаю. Хелен хотела, чтобы я сказал ей, но я никак не мог выбрать подходящий момент. То Джина находилась в экстазе, то погружалась в депрессию. В нормальном состоянии она почти не бывала.

Хелен Харт издала вздох, который звучал красноречивее десятка невысказанных фраз и невыраженных желаний.

– Ну что ты вздыхаешь, Хелен? – раздраженно бросил Гай. – Что я мог сделать? Сказать жене, что у нас с тобой роман? Ты хотела, чтобы я толкнул ее на самоубийство? – Гнев сверкнул в его глазах и прогремел в голосе. Широко шагая, он прошествовал к дверям библиотеки, открыл их и обернулся. – Если ты этого хотела, ты своего добилась. Надеюсь, ты довольна.

С этими словами он захлопнул дверь и оставил нас в растерянности посреди турецкого ковра с изысканным узором.

– Как видите, миссис Кристи, Гай все еще не пришел в себя, – сказала Хелен.

У нее самой белая, как фарфор, кожа на шее покрылась красными пятнами.

– Горе может воздействовать на людей самым неожиданным образом, – сказала я, стараясь преодолеть замешательство, в котором оказались мы обе.

– Ох, только не надо мне сочувствовать, – процедила сквозь зубы Хелен. – Я счастлива, что стерва умерла.

Я была настолько потрясена этим высказыванием и злобой, с какой оно было произнесено, что не смогла вымолвить ни слова.

– Я знаю, говорить так ужасно грешно, но это правда. Ее нет, и мы можем наконец вздохнуть свободно.

Глава 2

С приближением шторма все выходы на палубу временно закрыли. Мы стали плавучим островом, отрезанным от мира и оставившем в океане труп своего островитянина.

Большинство пассажиров проводили время в каютах. Еще до полудня ко мне постучал стюард и вручил записку от Гая Тревельяна. Тот благодарил за доброту и предлагал в связи с ненастьем отложить наш совместный обед. Помимо того, что он страдает от морской болезни, писал Гай, он будет не в силах выдержать сочувственные взгляды пассажиров. Вместо этого он приглашал меня пообедать на следующий день в более интимной обстановке отдельного кабинета. Он собирался позвать еще несколько интересных людей и выразил надежду, что я останусь довольна обедом и прощу ему недостаточно учтивое поведение накануне.

Я отослала ему ответ с согласием и легла на койку, хотя знала, что не усну. Я думала о Джине Тревельян и о том, как грациозно она порхнула с палубы навстречу смерти. Из газет я узнала, что она была наследницей огромного состояния, оставленного отцом, производителем минеральных удобрений. О ее недавнем исчезновении я не знала, поскольку по совету врачей избегала в последнее время читать газетные новости. Медики боялись, что какой-нибудь бульварный писака вдруг вздумает откопать прошлогоднюю историю моего исчезновения.

Возможно, во время встречи Нового года на Брук-стрит Джина заметила, что происходит между ее мужем и мисс Харт, или заподозрила их и стала следить за ними повсюду. Очевидно, она узнала, что они купили билеты на пароход до Тенерифе, и пробралась на борт «Джелрии» зайцем. Однако во время путешествия, по-видимому, произошло что-то, побудившее ее покончить с собой. Может быть, Хелен обнаружила ее и, не скрывая враждебности, подтолкнула к этому поступку. Не исключено было также, что с помощью этой патетической сцены Джина хотела разрушить отношения, сложившиеся между ее мужем и Хелен. Некоторые и мне приписывали такие же намерения: я якобы инсценировала свое исчезновение, чтобы раздуть скандал, который отдалит Арчи и мисс Нил друг от друга. Мне приходилось мириться с компрометирующими сплетнями, поскольку раскрыть правду о том, как доктор Кёрс пытался привлечь меня к убийству, было абсолютно невозможно.

Однако не стоило ворошить прошлое – это не принесло бы ничего,

кроме лишней боли. Я знала, что не всегда имеет смысл слишком заикливаться на чем-либо. Это было одной из причин, по которым я согласилась помочь Дэвисону в его секретной работе. А сейчас, когда все разошлись по каютам, наступило, пожалуй, подходящее время, чтобы встретиться с ним. Когда я лежала, мое самочувствие только ухудшалось, значит лучше оставаться на ногах и заняться делом. Карло и Розалинда снова легли; у них в каюте стояла тишина. Я выскользнула в коридор и, убедившись, что там никого нет, подошла к двери Дэвисона и тихо постучала.

– Миссис Кристи! Приветствую вас, – произнес Дэвисон, пригладив пятерней русые вихры.

– Надеюсь, я не помешала? А то...

– Нет-нет, заходите, пожалуйста, – ответил он, распахнув дверь и выглянув из предосторожности в коридор.

– Не могу лежать, когда качает. Все плывет перед глазами, и меня тошнит. А вы как переносите качку?

– Сносно. Правда, я принял порцию коньяка. Не желаете выпить тоже?

– Нет уж, благодарю.

– А, ну да, я забыл, вы же не употребляете алкоголя. Но ваш любимый напиток, молоко со сливками, тоже, наверно, не стоит сейчас заказывать? – спросил он, улыбаясь.

При мысли об этом напитке меня замутило.

– Ох, перестаньте, Дэвисон. Разрешите, я просто присяду.

Каюта Дэвисона была больше и комфортабельнее моей. Она состояла из спальни и маленькой гостиной; около большого иллюминатора разместились два кресла. На столике стояли графин с коньяком и сифон с содовой водой.

– Послушайте, а что это за слухи насчет самоубийства? – спросил он, передавая мне стакан воды.

– Ох, это было ужасно, – ответила я и рассказала об утренних событиях.

– И все это случилось у вас на глазах?

– Почти все. Что меня поразило, так это отсутствие какого бы то ни было страха у Джинны Тревельян. Перед тем как прыгнуть, она подняла руки точь-в-точь как балерина, выходящая на сцену. Ее прыжок можно было бы назвать красивым, не будь он смертельным.

– Да, это действительно выглядит странно, – заметил Дэвисон, помрачнев. – А тело, как я понимаю, не нашли?

Может, это напомнило ему об Уне Кроу? Уж ее-то смерть никак нельзя

было назвать красивой.

– По словам мистера Тревельяна, команда сделала все, что могла, но спускать спасательную шлюпку в такую погоду не рискнула.

– Да, это разумно, – отозвался Дэвисон, глядя в иллюминатор на волны величиной с дом, обрушивавшиеся на судно. – Мой стюард сказал, к концу дня должно проясниться, но что-то не похоже. Когда он сообщил, что они задраили все выходы на палубу, мне пришла в голову забавная мысль: океанский лайнер мог бы стать идеальным местом действия какого-нибудь вашего романа. Ограниченное число действующих лиц в замкнутом пространстве, злодейское убийство и ряд подозреваемых, и каждый скрывает темный секрет.

– Подобный замысел у меня был, – ответила я, чуть улыбнувшись. – А почему бы вам самому не попробовать написать такую историю? Сейчас у вас это, возможно, получилось бы лучше, чем у меня. Я безнадежно увязла в работе над чертовым «Голубым экспрессом»^[2].

– Может быть, на Тенерифе вдохновение придет к вам.

– Кстати, о Тенерифе. Я прочла ваши записи по этому делу и хотела бы кое-что уточнить.

– Валяйте.

– Вы пишете, что тело Дугласа Грина нашли в пещере и оно находилось на ранней стадии мумификации.

– Да, так и было. Бедняга, – ответил Дэвисон дрогнувшим голосом. – Он был блестящим молодым агентом. Спортсмен; окончил Кембридж; свободно говорил по-испански и знал еще с полдюжины языков. То, что с ним случилось, просто ужасно. Мне пришлось ехать в Девон и сообщать об этом его родителям. Мать, закаленная жизнью сельская труженица, задубелая, как старый ботинок, сумела перенести это известие, но для отца оно стало настоящим ударом. Разумеется, о таких деталях, как мумификация, я им не рассказывал.

– А что он делал на Тенерифе? Вряд ли поправлял здоровье.

– Мы послали его на остров проверить наше подозрение, что там действует большевистский шпион.

– И сколько времени он пролежал в пещере?

– Трудно сказать точно. Что-то около пяти месяцев. О его исчезновении сообщила местная жительница, которая вела его домашнее хозяйство и готовила для него еду. Люди решили, что он переехал на другой остров.

– Известно, как он погиб?

– Врач, осматривавший тело, предположил, что его ударили тупым

предметом по голове.

– А кто нашел тело?

– Профессор Макс Уилбор, археолог и антрополог. Он изучает исчезнувшую культуру гуанчей, которые населяли Канарские острова начиная с тысячного года до нашей эры. Он рылся в пещерах на побережье в поисках костей и прочих древностей и наткнулся на Грина.

– Уилбор по-прежнему живет на Тенерифе?

– Да, насколько мне известно. Как вы, вероятно, догадываетесь, на острове далеко не такие мощные полицейские силы, как у нас в Англии. Организация примитивная, и действуют они по-простому, домашними методами.

– Вы, как я понимаю, уже бывали на Тенерифе?

– Да, ездил на остров в сентябре прошлого года погостить у приятеля – точнее, приятеля моего приятеля, у него там дом. Климат на Тенерифе, как вам известно, очень полезен для людей, страдающих туберкулезом, астмой и прочими легочными заболеваниями. В долине Ортава живет целая английская диаспора. Там своего рода тропический вариант наших курортов вроде Борнмута или Торки.

– С дополнительной, так сказать, услугой в виде вулкана, – улыбнулась я, вспомнив величественную снежную вершину горы Тейде, которую видела пять лет назад с борта парохода «Килдонский замок» по пути в Южную Африку.

Это было счастливое путешествие, сопровождавшееся интересными открытиями. Я совершила его вместе с Арчи. Мы играли в бридж и подвижные игры вроде метания колец, танцевали и даже участвовали в уборке на судне – я помню, что едва не визжала от восторга, когда наступала моя очередь. Однако, какими бы приятными ни были воспоминания, нельзя жить прошлым – это верный путь к психическому расстройству.

– У вас нет никаких предположений относительно убийцы Грина? – спросила я, возвращаясь к главной теме разговора.

– Вы знаете, есть, – ответил Дэвисон, глубоко вздохнув.

Он сделал такую длинную паузу, словно потерял дар речи.

– В чем затруднение? – спросила я.

– Прошу прощения, думаю, как лучше выразить то, что я хочу сказать.

Умные серые глаза Дэвисона блеснули, он сжал губы. Затем начал говорить, запнулся, сделал вторую попытку и замолчал.

– Дэвисон, к настоящему времени вы должны знать меня достаточно хорошо, чтобы понимать: меня почти невозможно чем-либо удивить.

– Я понимаю, и это одна из причин, почему вы идеально подходите для подобной работы. Однако я хочу сообщить вам нечто крайне неприятное.

– Пусть вас это не смущает. Если из-за волнения на море я сейчас не в лучшей физической форме, то на мои умственные способности оно не повлияло, уверяю вас.

– В Оротаве проживает некий джентльмен по имени Джерард Гренвилл. Вы не слышали о нем?

– Нет. А должна была?

– Не обязательно. Гренвилл довольно широко известен в узких кругах. Он увлекается оккультизмом.

– Вроде этого неразборчивого в средствах Кроули?^[3]

– Вот-вот.

– И это все? – рассмеялась я. – Моя мама, я убеждена, обладала уникальной интуицией, она инстинктивно угадывала все, относящееся к людям и местам. Меня эти вопросы тоже всегда интересовали. – Я подумала о нескольких рассказах с участием сверхъестественных сил, которые опубликовала в журнале «Гранд мэгэзин».

– Но у Гренвилла это увлечение носит, боюсь, совсем иной, зловещий характер.

– Вот как?

– Мы наблюдали за ним в течение некоторого времени. Похоже, он поселился на Тенерифе для того, чтобы привлечь туда людей такого же, как он, склада – оккультистов, увлеченных черной магией. Он стремится создать общину единомышленников. Мне доводилось читать его памфлеты, и чтение это, прямо скажем, удовольствия не доставляет. Так, он описывает магические обряды, во время которых совершаются определенные... – он кашлянул, – акты.

– Понятно. Но не сводятся ли эти обряды к желанию нарушить моральные нормы под прикрытием магии? И какое отношение они имели к убийству Грина?

– Я как раз собирался рассказать об этом, – ответил Дэвисон, чуть покраснев. – Незадолго до смерти Грин написал обстоятельный отчет о деятельности Гренвилла. У него был осведомитель среди прислуги Гренвилла, молодой испанец Хосе, который сообщил, что конечной целью оккультиста было высвободить дух зла, обитавший в вулкане Тейде.

– Дух зла из вулкана? Это еще что такое?

– Местное население, гуанчи, вроде бы поклонялось духу зла Гуайоте. Согласно здешней легенде, Гуайота был заключен внутри вулкана за

многочисленные прегрешения, в том числе похищение бога солнца Маджека.

– Но это же, как вы говорите, выдумки, легенда.

– И тем не менее Хосе сказал Грину, что Гренвилл действительно собирался освободить его. Каким образом – точно неизвестно, но были подозрения, что ритуал должен проводиться с принесением человеческих жертв.

Жуткие подробности убийства стали проясняться.

– Так вы полагаете, что убийство Грина было частью ритуала? Гренвиллу требовалась его кровь?

– Вот именно. Ее выпустили из тела до последней капли.

– Все это выглядит совершенно неправдоподобно. Вы верите, что подобное возможно?

– Сначала, получив отчет Грина, мы не поверили ему. Решили, что парню напекло голову. Но состояние, в котором обнаружили тело Грина, заставило нас задуматься.

– Какие-то невероятные ужасы. Никогда не слышала ничего подобного. А какую роль вы отводите мне в этом расследовании?

Пока Дэвисон обдумывал ответ, я почувствовала, что меня начинает подташнивать – и отнюдь не из-за качки.

– Мы хотим, чтобы вы выяснили, что представляет собой Гренвилл и каковы его планы.

– И как же я могу это сделать?

– У него есть дочь двадцати трех или четырех лет, Вайолет. Мать ее умерла во время родов. Попробуйте сблизиться с девушкой. Может быть, она раскроет вам что-нибудь и вы найдете свидетельство, доказывающее связь Гренвилла с убийством.

– Вы хотите, чтобы я участвовала в сатанинских обрядах? – воскликнула я в притворном негодовании. – Нет уж, увольте.

– Не волнуйтесь, мы все-таки не требуем от людей невозможного, – сухо бросил Дэвисон.

– Я понимаю, что вам не до шуток, но согласитесь, все это выглядит крайне несуразно.

– К сожалению, это реально, – ответил он с горечью. – Наш сотрудник погиб, а тело его осквернили самым возмутительным образом. И преступник должен предстать перед законом. Пожалуй, можно сказать, что преступные замыслы Гренвилла осуществились и он выпустил на свободу зло, заточенное в вулкане.

Глава 3

Над роскошным обеденным столом со сверкающими бокалами тонкого стекла, блестящими серебряными приборами и оранжерейными цветами нависла мрачная тень самоубийства Джины Тревельян. Все шесть человек, сидящих за столом, думали о случившемся, но никто, понятно, не хотел затрагивать эту тему. Говорили вяло и принужденно, пока миссис Брендел, подруга матери Гая Тревельяна, не принялась рассказывать о том, как ей удалось спастись с тонущего «Титаника». Судя по гриве седых волос и красно-коричневым пятнам на коже, миссис Брендел было около семидесяти, и меня несколько покорибил тот факт, что Тревельян, по-видимому, пригласил ее к обеду в качестве пары для меня. «Можно подумать, я какая-нибудь старая дева», – подумала я, когда он предложил сесть рядом с ней.

На мысль о «Титанике» миссис Брендел натолкнул неутихающий шторм. И хотя со времени знаменитой катастрофы прошло пятнадцать лет, издаваемые нашим судом стоны живо напомнили ей о минувшем событии.

– Сундуки с прекрасными нарядами и мои лучшие ювелирные изделия покоятся на океанском дне, – посетовала она, перебирая костлявой рукой бусины большого жемчужного ожерелья, свисавшего со сморщенной шеи, словно желая удостовериться, что хоть какие-то украшения у нее остались. – И теперь с ними забавляются рыбы и прочие существа – подумать только! Мои бриллианты были украшением лучших парижских салонов, а теперь валяются там в грязи и иле.

Все смолкли, слушая рассказ миссис Брендел. Лицо пожилой дамы покраснелось в порыве актерского вдохновения. Я подозревала, что она уже не раз разыгрывала эту сцену.

– Для вас это, наверное, было настоящим ударом, – заметила Дейзи Винниат, молодая жена сидевшего рядом с ней писателя Говарда Винниата, маленького худого человека в очках.

– Ох, да, это было просто ужасно! – вдохновенно подхватила миссис Брендел. – Я ведь везла с собой из Парижа штук двадцать сундуков с дорогими платьями и тканями. Шелк, шифон – и всё от лучших парижских кутюрье. Я потребовала возмещения убытков, составила соответствующий документ страниц на двадцать, но компания «Уайт стар» наотрез отказалась платить.

– «Эти жемчужины были его глазами»^[4], – пробормотал Винниат, поправив очки и записывая что-то в блокнот.

– Вы имеете в виду жемчуг вашей супруги? – спросила миссис Брендел. – Он действительно великолепен, моя дорогая.

– Благодарю вас, – отозвалась Дейзи, прикоснувшись к своей жемчужной нити, на вид чрезвычайно дорогой.

– Нет, это строчка из шекспировской «Бури», – ответил Говард.

– Ах, ну да, конечно, – сказала миссис Брендел. – Я видела «Бурю» в выдающейся постановке Герберта Бирбома Три в Театре Ее Величества. А вы знаете, что он жил в театре? Соорудил целый банкетный зал прямо под величественным театральным куполом. Его «Буря» – это было нечто потрясающее. На сцене высился потерпевший крушение корабль – как настоящий. Зрителю казалось, что это он выброшен на необитаемый остров. И вот вчера, когда буря швыряла корабль туда и сюда, у меня возникло точно такое же чувство... Но я просто не могла поверить, что повторится история с «Титаником». Вторично потерять все свои ценности – нет, я этого не перенесу.

Миссис Брендел продолжала болтать в том же духе, а Винниат продолжал строчить в своем блокноте, и это в конце концов привлекло ее внимание.

– Что вы там все пишете? – спросила она. Ответа не последовало, и она повторила вопрос: – Мистер Винниат, могу я узнать, чем вы заняты?

– О, простите, я должен был объяснить с самого начала, – ответил тот, поправив на носу очки в проволочной оправе. – Я писатель.

– Совсем как миссис Кристи, – сказала она, обернувшись в мою сторону.

– Вот как? И что за книги вы пишете? – спросил меня Винниат.

– Детективные романы, триллеры и тому подобное, – ответила я, улыбаясь.

– Мог я слышать о чем-нибудь, написанном вами?

– Недавно был опубликован роман «Убийство Роджера Экройда», – ответила я.

Это не произвело никакого впечатления на Винниата.

– Чего только теперь не пишут, – заявил он, адресуясь ко всем присутствующим, – и кого только не печатают! Просто удивительно.

Я даже не сразу сообразила, что это, в общем-то, беспардонное оскорбление. Покраснев, я не нашлась с ответом. К счастью, миссис Брендел возобновила поток красноречия:

– Скоро долина Ортава гостеприимно встретит нас. Говорят, она

очень благоприятно действует на организм. Вчера я чувствовала себя так скверно, что даже не хотелось вставать с постели. Но, несмотря на этот ужасный шторм, я очень рада, что решила поехать – по наитию, в самую последнюю минуту. Когда Мэри Тревельян сказала, что ее сын едет на Канары, я подумала, что это прекрасная идея. Вы ведь не возражаете, что я поехала, правда? – Тревельян ответил ей натянутой улыбкой. – Я обещаю не надоедать вам на острове. Представить страшно, как они сейчас мерзнут в унылой старой Англии! Им еще несколько месяцев надо терпеть холодную зиму. А у нас впереди залитый солнцем Тенерифе с чудесными цветами. Мне не терпится увидеть экзотические цветы, которые у нас попадают разве что в ботаническом саду, – гибискус, райскую птицу. – Миссис Брендел сделала паузу, чтобы набрать в грудь воздуха, и опять обратила внимание на строчившего в блокноте Винниата. – Но я не понимаю, почему вы пишете во время обеда, – сказала она. – Разве нельзя подождать до тех пор, пока вы не окажетесь за письменным столом или, скажем, удобно расположитесь в кресле на палубе? Или на вас нашло вдохновение?

– О нет, – ответил тот. – Вся эта болтовня о вдохновении – чепуха. Поймать момент жизни – вот что требуется. Я пишу книгу совершенно нового типа, она будет свободна от противоестественных оков сюжетного повествования.

Заявление Винниата было крайне высокопарным и самонадеянным, но я воздержалась от комментариев.

– Простите, я не вполне поняла вас, – произнесла миссис Брендел, проглотив несколько ложек черепахового супа.

– Я создаю устную эпическую историю, построенную на массе деталей из реальной жизни. Я хочу воспроизвести жизнь во всей ее полноте, со всеми светлыми и темными сторонами. Я улавливаю истину, передавая все, что люди говорят и как они говорят. Это просто регистрация жизни, но регистрация реальная, живая и яркая, не искаженная авторским восприятием и вымышленным сюжетом.

Миссис Брендел недоумевающе поморгала:

– Значит, если я правильно поняла вас, вы сейчас вот записывали то, что я говорила?

– Совершенно верно.

– Говард уже собрал для книги массу материала объемом около двухсот тысяч слов, – вступила в разговор миссис Винниат. – И материал этот весьма интересный. Описание жизни других людей – увлекательное чтение. Он никогда не растает с блокнотом – так ведь, Говард?

– Это очень умно с вашей стороны, мистер Винниат, – обратилась к нему миссис Брендел, прервав Дейзи. – Мне давно уже хочется написать книгу – воспоминания о том, что я пережила на злосчастном корабле, – но я не могла найти человека, который помог бы мне сделать это. Однако сегодня, надеюсь, мои поиски увенчались успехом. – Глаза ее затуманились, она вновь предалась воспоминаниям о кораблекрушении, и в голосе ее зазвучали мелодраматические нотки.

Миссис Брендел, таким образом, сочла, что может наконец доверить свои воспоминания мистеру Винниату и его блокноту, однако у меня возникли сомнения относительно того, как будет выглядеть в будущем произведении она сама. Откровенно говоря, я относилась с большим недоверием к идее этого сотрудничества, но сохраняла позицию постороннего наблюдателя, подавая время от времени реплики вроде «Да, действительно» или «Очень любопытно». Однако было ясно, что надо подсказать миссис Брендел, что к чему.

– В ту ночь погибли полторы тысячи людей, и я уверена, что их души обитают в том месте, где корабль затонул, – сказала она. – Как же иначе? Ведь энергия никуда не исчезает.

– Вы верите, что есть особый мир, в котором существуют души людей? – спросила Хелен.

– О да, я участвовала в нескольких спиритических сеансах и не сомневаюсь, что в мире есть вещи, о которых мы ничего не знаем.

– Моя мать тоже верила в это, – вступила я в разговор, рассказав о ее необыкновенном даре предвидеть события, интуитивно постигать людей и суть происходящего.

– Я думаю, вы унаследовали этот дар от матери, – сказала миссис Брендел, похлопав меня по руке.

– Сомневаюсь, – ответила я, подумав о том, что не смогла предугадать беды, выпавшие на мою долю в конце прошлого года.

– Вам надо познакомиться с Джерардом Гренвиллом, – заметила мисс Харт. – Он живет на острове в собственном доме с дочерью Вайолет.

Я не хотела проявлять слишком большое любопытство и предоставила миссис Брендел развивать эту тему.

– Но как же?.. – произнесла она дрогнувшим голосом. – О нем говорят такие ужасные вещи. Будто бы еще мальчиком он убил жившего у них котенка и изобрел девять жутких способов убийства, чтобы проверить достоверность поговорки «у кошки девять жизней».

– Наверное, не стоит верить всему, что говорят, – обронил Гай.

– Но кто же тогда совершил это злодеяние, если не он? – спросила

миссис Брендел. Глаза ее округлились при мысли о пугающей репутации Гренвилла. – И что он делает в долине Оратава? Неужели он действительно поклоняется дьяволу? И ест лепешки, приготовленные из цыплячьей крови?

Не дав Гаю Тревельяну ответить, вмешался Винниат, желавший поделиться собственными соображениями:

– Я читал, что он полагает, будто принятая в обществе мораль годится лишь для обыкновенных людей. И должен сказать, что отчасти согласен с ним – чисто теоретически, разумеется.

– Он, кажется, совершил однажды магический обряд внутри пирамиды Хеопса? – спросила миссис Брендел.

– Я думаю, он совершил много обрядов в разных уголках земного шара, – сказал Гай. – Он ведь известен как выдающийся альпинист. Наверное, вулкан Тейде – вот что привлекло его на Тенерифе.

– Ох, хватит уже о Гренвилле, – взмолилась миссис Брендел. – От одной мысли о нем меня бросает в дрожь. У меня нет абсолютно никакого желания видеть его. И на вашем месте, Гай, я прекратила бы знакомство с ним. Конечно, и на «Титанике» были люди, которые служили предвестниками несчастья, – это чувствовалось. Я помню, один пассажир...

Мы продолжали поглощать изысканные блюда: говяжье филе, филе камбалы и чудесную яблочную шарлотку со сливками. В беседе по-прежнему доминировал монолог миссис Брендел, но я с некоторым беспокойством заметила, что Хелен это надоело. В глазах у нее зажегся вызывающий огонек.

– Знаете, миссис Брендел, – прервала она излишняя пожилой дамы, – ваш рассказ производит безотрадное впечатление. Вы оказались среди тех, кому повезло, кого спасли, но ведь столько людей погибло. И большинство, я думаю, утонули не потому, что не могли плыть, а умерли в воде от холода.

– Да, бедняги... Из спасательной шлюпки были слышны их ужасные крики. Это было похоже на...

– Наверное, многие прыгали в воду, когда корабль пошел на дно.

– Да, верно, некоторым в отчаянии пришлось пойти на крайние меры.

– Совсем как бедной Джине, – бросила Хелен. И за столом повеяло холодом. – Я все время думаю о ней, представляю, как она лежит там, на морском дне.

– Я знаю, что ты расстроена, Хелен, – сказал Гай, накрыв ее руку своей, – но сейчас не время и не место поднимать эту тему.

Она резко повернулась к нему, голубые глаза вспыхнули ледяным

блеском.

– А когда же наступит подходящее время? Во время дознания? И какое может быть дознание, если нет тела? Оно осталось в море и служит приманкой для всех проплывающих...

– Хелен, – сердито оборвал ее Гай, – пожалуйста, возьми себя в руки.

– Ну да, наверное, то же самое ты говорил все время Джине, не так ли? «Дорогая, постарайся успокоиться, возьми себя в руки». И до чего это довело бедную женщину?

Гай оскорбленно отвернулся и встал.

– Наверное, пора уже расходиться, – сказал он. – Простите нас. Мы еще не вполне пришли в себя после вчерашнего.

– Это легко понять, – отозвалась миссис Брендел; все с ней согласились.

Гай взял Хелен за руку, но она старалась высвободиться. Он, однако, продолжал крепко держать ее руку, и тогда Хелен вырвалась с такой силой, что даже покачнулась. Ее другая рука задела бокал с вином, стоявший перед Винниатом. Темно-красная жидкость выплеснулась на скатерть и на лежавший рядом писательский блокнот. Все вскрикнули одновременно: Хелен с ноткой извинения, Винниат сердито и протестующе, остальные удивленно и испуганно.

– Вот черт! – проворчал Винниат и, схватив салфетку, стал промокать вино, попавшее на страницы блокнота. – Такие ценные записи!

– Очень сожалею, – сказал Гай. – Разрешите, я помогу вам.

– Спасибо, мы сами справимся, – ответила ему Дейзи Винниат, вытирая блокнот своей салфеткой.

– Слушай, ты только хуже делаешь! – пробурчал Винниат, когда винная лужа разлилась по странице. – Чернила расплываются, слова исчезают! – воскликнул он с отчаянием, а я в душе позлорадствовала.

На лице Хелен застыла страдальческая маска.

– Прекратите! – вскричала она и, схватив со стола бокал, швырнула его об пол. Вспышка ярости произвела ошеломляющий эффект. Все застыли, боясь вздохнуть. – Это же просто слова, ничего не значащие слова, написанные под диктовку! – продолжила она. – Как можно видеть в них что-то значительное?

Винниат и его супруга сидели, опустив глаза, оскорбленные и растерянные. Миссис Брендел судорожно втянула воздух. Хелен, видимо, осознала, что зашла слишком далеко, и, сбавив тон, проговорила уже более мягко:

– Я прошу прощения, но только вчера погиб человек. Несчастную

довели до того, что она прыгнула в воду. И это мы, это я довела ее. – Она с удивлением посмотрела на осколки стекла на полу, как будто бокал разбил кто-то другой. – Меня все это мучает уже давно, я так не выдержу. Придется завтра пойти к капитану, я не могу больше носить это в себе. Я должна признаться, что убила Джину Тревельян.

Глава 4

Отчаянное заявление Хелен подействовало как небольшой взрыв, встряхнувший нас и раскидавший в разные концы судна. Гай немедленно увел Хелен, Винниаты тоже отправились в свою каюту, споря о методах выведения винных пятен. Миссис Брендел, приняв мой недоумевающий взгляд за знак глубокого потрясения, пригласила меня к себе восстановить душевное равновесие с помощью крепких напитков. Я не стала отказываться, рассчитывая выведать у нее информацию о Гае Тревельяне и его несчастной жене.

– Я настаиваю на том, чтобы вы глотнули чего-нибудь взбадривающего, – сказала она, усадив меня в кресло. – Виски? Коньяк?

Я покачала головой:

– Боюсь, они плохо на меня подействуют.

– Значит, немного eau de vie?^[5]

Получив мое согласие, она налила стопку бесцветной жидкости.

– Ничего нет полезнее алкоголя, чтобы прийти в себя от потрясения, – сказала миссис Брендел. – А вы потрясены, я вижу. Когда меня пересадили на «Карпатию» – что, кстати, было очень унижительно, – после ночи, проведенной в уютной лодчонке посреди замерзающей Атлантики, мне дали выпить коньяка. Я в считанные минуты согрелась и пришла в себя. И сейчас, я думаю, будет очень неплохо выпить. Обычно я не употребляю спиртного, но в некоторых случаях, думаю, оно рекомендуется в чисто медицинских целях. По правде говоря, только поэтому мне и удастся переносить морское путешествие. Уверена, мой доктор одобрил бы это. Да уж, эта дикая выходка мисс Харт за обедом подействовала угнетающе не только на вас, но и на меня. Выпейте.

Я поднесла стаканчик ко рту, и одних лишь алкогольных паров хватило, чтобы ожечь губы. Я притворилась, что сделала глоток.

– Не пройдет и минуты, как вы почувствуете себя лучше, – проговорила она, глотнув изрядную порцию коньяка. – Я прямо не знала, куда деться, честное слово. Ужасная сцена. А такой был хороший вечер, правда? Надеюсь, мистер Тревельян не будет в претензии на меня из-за того, что я так расстроилась.

– Уверена, что не будет, – ответила я.

– Когда мисс Харт сказала, что убила Джину, я поглядела на вас и увидела, что вы очень побледнели, – продолжала она.

– Да, это меня порядком озадачило.

– Озадачило? Почему?

Я не стала объяснять, что патетическое самообвинение в смерти Джинны Тревельян, высказанное Хелен за обедом, противоречит предыдущему признанию в том, что она рада ее гибели.

– Понимаете, самоубийство произошло у меня на глазах, и я могу засвидетельствовать: мисс Харт никак не участвовала в нем. Она не толкала Джину и не побуждала ее прыгать в воду. Наоборот, она старалась удержать ее от этого.

– Значит, вы полагаете, что мисс Харт слишком сгустила краски?

– Ну да, угрызения совести замучили.

Серые глаза миссис Брендел блеснули.

– О, я понимаю, на что вы намекаете.

Я предоставила ей возможность выговориться. И она с радостью рассказала все, что знала.

– О связи между Гаем и Хелен было известно всему Лондону. – Миссис Брендел выпила еще коньяка. Лицо ее покраснелось, глаза блестели. – Это ни для кого не было секретом. И те, кто знал Гая, не могли его винить. Жизнь с Джинной – тяжкое испытание. Она была психически неуравновешенна. Бедный Гай не подозревал, насколько это серьезно, когда женился на ней, – ее родители постарались скрыть это от него. Вам стоило бы послушать, что говорит по этому поводу Мэри Тревельян, мать Гая!

– Представляю, – отозвалась я, когда миссис Брендел сделала паузу, чтобы перевести дыхание.

– Поначалу казалось, что Гай может справиться с выходками Джинны, перепадами ее настроения и прочим. Разумеется, деньги в немалой степени скрашивали его существование. Тревельяны – знатный род, но средства их таяли с каждым поколением. Их рудники в Корнуолле приносят совсем не такой доход, как прежде. Спрос на олово упал. Видели бы вы, как туго пришлось Мэри после смерти ее дорогого Альберта. Мы все стремились помочь ей, но она слишком горда, чтобы зависеть от кого-либо материально. А геологические изыскания Гая в Лондонском университете оплачиваются не очень щедро.

– Значит, мистер Тревельян женился на Джине ради денег? – спросила я.

– Ну, я не стала бы утверждать это так прямо. – Миссис Брендел посмотрела на меня удивленно, словно ее неприятно поразила моя склонность к досужим сплетням. – Как бы то ни было, после смерти родителей Джинны ее болезнь начала прогрессировать, и бедному Гаю стало

совсем не в состоянии. Он обращался к специалистам, психиатрам, но от них было мало толку. Однажды, когда Джина находилась на лечении в клинике, Гай познакомился с мисс Харт. Вроде бы это произошло на ее выставке. Я никак не могу поверить, что Джина мертва. Но в конечном итоге, я думаю, это к лучшему.

Я была потрясена, но постаралась скрыть это:

– К лучшему?!

– Видите ли, душевное состояние Джинины становилось сущим бедствием. Она зашла в тупик и, возможно, нашла единственно правильный выход.

– Не уверена, что это правильный выход, – бросила я.

Самоубийство, на мой взгляд, часто служило орудием медленного убийства близких, постепенно отравляя их жизнь. Смерть Джинины уже сказывалась на Хелен и Гае...

– А как же родные Джинины, ее друзья? – спросила я.

– Родители умерли, как я уже упомянула, а сестер и братьев у нее нет. И, как мне кажется, в последние годы она настолько зависела от мужа, что уже не нуждалась в друзьях.

– Понятно, – задумчиво произнесла я. – А как она выглядела?

– О, она была когда-то необыкновенно красивой девушкой с прекрасной фигурой и пластикой, как у балерины.

Мне вспомнились изящные жесты Джинины перед прыжком.

– Она вроде даже подумывала раньше о том, чтобы стать балериной. Но из этого ничего не вышло, так как она слишком расплелась. Впрочем, трудно ее винить, учитывая, сколько проблем возникало в ее жизни.

Я слишком хорошо знала, что такое обманутые надежды и разбитые мечты. Мне пришлось не только отказаться от мысли стать скульптором, но и признать, что из меня никогда не получится оперной певицы или выдающейся пианистки. Учителя говорили, что у меня есть способности, но я была не в состоянии преодолеть страх перед сценой, выйти на нее и выступить на глазах сотен людей.

– Дорогая, вы совсем не пьете и опять побледнели, – заметила миссис Брендел, посмотрев на меня. – Похоже, вы не собираетесь глотнуть ни капли eau de vie, и в таком случае вам надо глотнуть свежего ночного воздуха. Море успокоилось – шторм, вероятно, прошел. Вы не против пройтись по палубе?

– Замечательная идея, – согласилась я.

Мы вышли на палубу, где нас окутала бархатная ночная темнота. Воздух заметно потеплел. Чувствовалось, что мы приближаемся к южным

широтам. После английской сырости и мрака я мечтала о ярком солнце.

Миссис Брендел взяла меня под руку, и мы стали прогуливаться под звездами. Она вернулась к своим воспоминаниям, уже хорошо мне знакомым:

– Кораблекрушение произошло ночью. Было холодно, но очень красиво, все небо в звездах...

Я пропускала ее изливания мимо ушей, думая о последних минутах жизни Джинны Тревельян и пытаюсь представить себе, что она чувствовала в эти мгновения. Неясны были также практические аспекты расследования. Если оно будет проводиться, то каким государством? Чьей юрисдикции подлежит это дело – Португалии, какой-нибудь африканской страны, – или же океан – это ничья земля, своего рода лимб между двумя мирами?

– Вы что-то опять притихли, дорогая, – обратилась ко мне миссис Брендел, высвободив мою руку. – Простите меня, я, наверное, утомила вас своей болтовней.

– Нет-нет, все это очень интересно, и мне очень хотелось бы еще послушать про ту ночь и про то, как вы потеряли имущество. Но, признаюсь, я невольно задумалась о смерти миссис Тревельян.

– И что же вы об этом думаете?

Я начала объяснять ей, что меня заботит, но перед нами выросла фигура высокого темноволосого мужчины. При свете палубного фонаря мы увидели, что это Гай Тревельян и он с трудом сдерживает гнев. Миссис Брендел остановилась и сочувственно коснулась рукой его плеча.

– Да что такое с женщинами? – проворчал он, смахнув ее руку.

– Гай, вы, конечно, ужасно расстроены, но...

– И чем же, по-вашему?.. И моя мать не лучше. Да все вы такие, – заявил он, сердито взглянув на меня.

– Гай, я вас не понимаю, – произнесла миссис Брендел.

– Поймете со временем. Рано или поздно все это прояснится до конца. И про кобру, и про гималайскую медведицу, и про скво из племени гурунов или чокто^[6].

– Что все это значит, Гай? Вы меня пугаете. Может быть, вам надо обратиться к врачу?

– Я только что виделся с ним, он дал успокоительное – не мне, а Хелен.

– Это очень разумно, полагаю. Наверняка утром, когда она проснется, ей все представится в другом свете. Это был страшный удар для вас обоих.

– Проснется утром... – повторил он дрогнувшим голосом. – А вот Джина никогда уже больше не проснется. – На глазах его появились

слезы. – «Эта речь проникает внутрь, разъедает, отравляет!»^[7] – произнес он шепотом и, подняв воротник, спрятал за ним лицо и растаял в ночной тьме.

– О господи, я ровным счетом ничего не поняла, – пожаловалась миссис Брендел. – А вы? У него что-то не в порядке с головой, и он несет сущий бред. Очевидно, смерть жены расстроила его психику. Бедная Мэри... Не хватало только, чтобы ее сын окончательно свихнулся.

Но я помнила Киплинга.

– Он не свихнулся, миссис Брендел.

– Вы так думаете?

Как там говорится у поэта о спящей на солнце кобре? О том, что самец чует беспечный шаг прохожего и отползает в сторону...

– «Но ни дюйма не уступит, не отступит до конца самка кобры, что намного смертоноснее самца», – продекламировала я.

Глава 5

Мы приблизились к острову Гран-Канария, когда восходящее солнце окрасило нежно-розовым цветом скалистые горные вершины, составлявшие хребет острова. Порт Лас-Пальмас расположился на мысу, который вытягивался в море наподобие сжатого кулака, грозившего миру как некий разгневанный древнегреческий бог.

На первый взгляд остров совсем не походил на субтропический рай, какой мне обещали, так что я была несколько разочарована тем, что не попала в райские кущи. Я вспомнила, как в детстве родители возили меня в деревушку, расположенную у подножия Пиренеев. Папа вывел меня на террасу отеля и широким жестом продемонстрировал панораму со снежными вершинами. Однако я ожидала увидеть более величественное, даже несколько устрашающее зрелище, и представшая передо мной картина не произвела особого впечатления. Я хорошо помнила охватившее меня тогда чувство жестокого разочарования и последовавшее за ним чувство вины за неспособность воспринять пейзаж с должным энтузиазмом. Сейчас же, несмотря на некоторую досаду, я была рада покинуть «Джелрию» после шести дней, проведенных в море, и ступить на землю Гран-Канарии. Такие развлечения, как палубный теннис и шаффлборд, метание колец в цель и скачки на деревянных лошадях, собаках и лягушках, хороши в меру. Спортивный дух никогда не был силен во мне, да и атмосфера на судне после самоубийства Джинны Тревельян не очень подходила для игр. Так что мне хотелось поскорее сойти на берег и приступить к расследованию обстоятельств смерти Дугласа Грина.

Пассажиры стали покидать «Джелрию», но капитан попросил меня, Хелен Харт, Гая Тревельяна и Уильяма Макмастера задержаться и ответить полицейским на вопросы, связанные с самоубийством Джинны. Я предложила Карло взять Розалинду и подождать меня в портовой гостинице, а дочери пообещала, что скоро присоединюсь к ним и мы не опоздаем на пароход, который должен был перевезти нас в Санта-Крус, порт на Тенерифе.

Мы собрались в библиотеке, занимая время болтовней о перемене погоды, о том, как мы рады теплему климату и как собираемся провести ближайшие две недели. Хелен Харт и Гай Тревельян, которые, похоже, вполне оправились от потрясения, сообщили, что будут жить в доме Хелен у моря. Хелен рассчитывала поработать этой зимой над новыми

скульптурами, чтобы показать их на будущей лондонской выставке. Гай же хотел продолжить изучение вулканических пород на острове, отыскать особо интересные образцы и увезти в Лондон. У Макмастера не было творческих планов, выполнению которых он мог бы предаться на досуге, поскольку «Джелрия» уходила в плавание в этот же день, держа курс на Пернамбуку – Рио-де-Жанейро – Монтевидео – Буэнос-Айрес.

Дверь открылась, и появился красивый молодой человек, слишком бледный для местного жителя. У него были русые волосы, белая кожа и пронзительно голубые глаза. Подойдя к нам, он снял шляпу и представился как инспектор полиции Артеми Нарцисо Нуньес.

– Доброе утро, леди и джентльмены, – произнес он достаточно бегло на правильном английском языке, в котором, однако, чувствовался акцент. – Как капитан Хьюитт уже сказал, я должен задать вам несколько вопросов о трагической смерти миссис Тревельян. Для начала я хотел бы побеседовать с каждым из вас по отдельности – капитан, я полагаю, отвел помещение для этого, – а затем, если вы не возражаете, пригласить вас пройти вместе со мной к месту, где это произошло. Постараюсь отпустить вас как можно скорее, чтобы вы могли сойти с парохода и продолжить путешествие.

Он вызывал нас по очереди; оставшиеся в библиотеке хранили молчание. Когда помощник инспектора назвал мое имя и повел по коридору, я внезапно разволновалась. Но увидев Нуньеса, который поблагодарил меня еще раз и пригласил сесть, я поняла причину волнения: у него была такая же ямочка на подбородке, как у Арчи.

– Прежде всего, миссис Кристи, – сказал Нуньес, – должен признаться, что я ваш горячий поклонник. Когда я жил в Лондоне – я учился там несколько лет в университете, – читал одни только детективные романы и таким образом учил английский язык.

– Боюсь, мои книги служат плохим учебником, – улыбнулась я.

– Что вы, очень деятельным – если это правильное слово. И потом, их так легко и интересно читать. «Убийство Роджера Экройда» – просто совершенство!

Доктору Кёрсу этот роман тоже нравился больше всех остальных, написанных мной. Но я не хотела думать о нем.

– Благодарю вас, – быстро сказала я.

– Вы напрасно нервничаете, миссис Кристи. Вы же понимаете, я хочу всего лишь установить факты. Это произошло, кажется, у вас на глазах?

– Ох, да. – Я рассказала обо всем, что видела. – Но мне показалась странной последовавшая за этим реакция мисс Харт.

– В каком отношении странной?

– Она вела себя немного непоследовательно. Сначала утверждала, будто довольна тем, что Джинны – то есть миссис Тревельян – больше нет. А потом стала винить себя в ее самоубийстве, кричала, что это она убила ее.

– То же самое мисс Харт говорила капитану, – заметил Нуньес, – но он, я думаю, правильно оценил ее состояние. Очевидно, она чувствовала, что способствовала самоубийству, но ведь и ваши показания подтверждают: на самом деле она пыталась остановить миссис Тревельян. Во всяком случае, я не собираюсь выступать в роли поборника морали и осуждать или поощрять чье-либо поведение.

– И правильно, – согласилась я.

– Конечно, подобные происшествия зачастую тяжело обходятся людям. Джина Тревельян, как мне сообщили, страдала нервным расстройством, которое в конце концов и погубило ее.

– Да, насколько можно судить. Однако не могу не отметить, что вид у нее был – по крайней мере, в самый последний миг – вполне удовлетворенный и счастливый, а прыгнула в воду она так, словно совсем не боялась смерти. Это было изящное балетное па. – Помолчав, я спросила: – Тело так и не нашли?

– Нет, к сожалению, – ответил Нуньес. – Разрешите поинтересоваться, раньше вы никогда не встречались с мистером или миссис Тревельян в Англии?

– Нет, но мне попадались сообщения о миссис Тревельян в газетах, и я многое узнала от нашей попутчицы миссис Эдит Брендел. Она дружит с матерью мистера Тревельяна, и я уверена, она была бы счастлива помочь вам.

– Почему вы улыбаетесь?

– Потому что больше всего на свете она любит выступать перед слушателями. Когда я сказала ей, что полиция собирается расспросить меня об инциденте, она пришла в негодование: «С их стороны очень большое упущение не пригласить меня!» Я думаю, она с удовольствием изложила бы вам предысторию этого самоубийства.

– Благодарю вас, – произнес Нуньес, вставая. – Вы нам очень помогли.

– К сожалению, я могла сообщить только то, что сама видела.

– Вас такие случаи, должно быть, очень разочаровывают.

– Простите, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду, – сказала я удивленно.

– Вы, как автор детективных романов, привыкли контролировать ситуацию, придумывать поступки персонажей. А когда вы сталкиваетесь с подобными инцидентами в жизни, то, наверное, чувствуете досаду оттого,

что не знаете всей подоплеки событий. Простите, я, должно быть, плохо выражаю свою мысль по-английски.

– Да нет, я и сама вряд ли выразила бы это лучше, – отозвалась я, не желая, чтобы он падал духом.

Мне надо было задать ему один важный вопрос.

– Я полагаю, подобные преступления – единичные случаи на острове?

– Да, тут, конечно, не Лондон. Наши обычные преступления – драки между супругами, пьянство, жульничество, кража лодки и тому подобное. В основном мы имеем дело с местными жителями – островитянами, как вы сказали бы. Вы, наверное, остановитесь в отеле «Таоро»?

– Совершенно верно.

– Тогда вы можете ни о чем не беспокоиться. Заведение высшего класса. А долина Оратава – райский уголок. Я, кстати, буду там где-то на следующей неделе, – добавил он, улыбнувшись.

– Рада слышать это, – отозвалась я и продолжила, стараясь не слишком отклоняться от истины. – Меня, разумеется, интересует – с профессиональной точки зрения, – бывают ли у вас убийства. В путешествиях я записываю, где какие убийства обычно совершаются, у каких народов. Звучит это, конечно, несколько кровожадно.

– Хорошо вас понимаю, миссис Кристи, – сказал инспектор. – Недавно у нас действительно был запутанный случай с убийством, мы до сих пор не можем разобраться с этим делом.

– Вот как?

– Только это исключительно между нами, как вы понимаете. Я не хочу, чтобы гости острова думали, будто им здесь что-то угрожает.

– Само собой разумеется. Я не пророню ни слова.

– Так вот. Несколько месяцев назад пропал один молодой человек. Он прожил около года в доме в долине Оратава. По всем данным, это был образованный и воспитанный молодой человек из довольно состоятельной семьи. Звали его Дуглас Грин.

Я, естественно, не призналась, что имя мне знакомо.

– И что случилось?

– Жил он довольно замкнуто и общался в основном лишь с двумя местными юношами. Когда он пропал, все решили, что он куда-то переехал. Однако спустя некоторое время... – Нуньес на миг остановился в нерешительности и нахмурился. – Спустя некоторое время в пещере рядом с пляжем Мартианес нашли тело, которое сначала не могли опознать, но потом выяснилось, что это Грин.

– А почему его не могли опознать?

Нуньес опять нерешительно замолчал.

– Боюсь, это будет слишком даже для ваших ушей.

– Я была медсестрой во время войны и описываю всевозможные убийства в книгах, так что можете рассказывать мне всё, не опуская подробностей.

– Его хотели мумифицировать и выпустили всю кровь из тела.

– Какой ужас! – воскликнула я, прикрыв рот рукой. Хотя я уже знала, в каком состоянии нашли тело, при повторном упоминании этих подробностей мурашки опять забегали по коже. – А кто это сделал? Вы знаете?

– Главный подозреваемый – некий Джерард Гренвилл, проживающий на острове. Вы слышали о нем?

– Имя знакомое.

– Увлекается оккультизмом. Родился в Англии, но ныне поселился в долине Ортава. Совершенно безнравственный тип. Называет себя чудотворцем. Говорят, что он собирается проводить ритуалы, требующие человеческой крови. Звучит совершенно невероятно и вполне может быть выдумкой – доказательств у нас нет. Трудность также в том, что... – Нуньес запнулся, поморщившись, как от боли, и словно сомневаясь, стоит ли продолжать.

– В чем? – спросила я.

– Да... не важно. Это личный вопрос, – ответил инспектор, решив не раскрывать тайны следствия. – К тому же, помимо Гренвилла, нас интересует еще один человек. Он исчез с острова вскоре после убийства Грина.

При этих словах на лбу у меня выступил пот.

– Еще один образованный культурный англичанин, – добавил Нуньес.

В горле у меня пересохло.

– Лет тридцати, блондин с серыми глазами. Вроде бы питомец Кембриджа.

– А как его зовут? – спросила я шепотом, страшась услышать ответ.

– Его имя вряд ли скажет вам что-нибудь. Насколько я помню, его зовут Джон Дэвисон.

Глава 6

От переезда с острова Гран-Канария на Тенерифе у меня в памяти остались лишь отдельные образы и обрывки. Синее море. Стайки белых домиков на голых холмах. Зубчатые скалы и одиночные горные пики.

Я все время думала о том, что мне сказал инспектор Нуньес. Можно ли всерьез подозревать Дэвисона в убийстве Дугласа Грина? Ведь они работали в одной упряжке, и Дэвисон, как мне казалось, искренне горевал о гибели товарища. Он просил меня помочь выявить убийцу. Но, может быть, Грин был предателем – двойным агентом, как принято говорить? С другой стороны, если Дэвисон имел отношение к убийству, зачем ему понадобилась моя помощь? Нет, это бессмыслица. И что подразумевал Нуньес, сказав, что Грин завязал дружбу с местными мальчишками не только ради упражнений в языке? Возможно, Дэвисона тоже не интересовали женщины. Это объясняло бы тот факт, что я всегда чувствовала себя в его обществе так безмятежно.

Дэвисон сам сказал, что был на Тенерифе в сентябре. И перед отъездом в Англию убил Грина? Но когда я впервые встретилась с ним в начале декабря, он казался таким добродушным и жизнерадостным – непохоже было, что его грызло чувство вины за убийство коллеги. После гибели Уны он, естественно, стал другим. По службе ему наверняка приходилось совершать поступки, которые лучше было не предавать огласке. На этот раз он ехал на Тенерифе под вымышленным именем. Объяснялось ли это тем, что так легче разоблачить убийцу, или же желанием избежать преследования?

– Дорогая, ты же приехала сюда, чтобы развеяться, а не погружаться в тягостные раздумья о прошлом, – упрекнула меня Карло, когда мы сидели на палубе. – Смотри, какие горы, какое потрясающее синее море! Сколько птиц! Вдыхай целебный воздух!

Бодрые шотландские нотки ее голоса радовали меня, но я не могла объяснить, что меня заботит.

– Ты права, конечно, – ответила я. – Я думала о том, что сейчас делается дома.

– Об Арчи?

Я кивнула.

– Тебе не кажется, что пора его забыть? – Она оглянулась, убеждаясь, что ее не слышит Розалинда, игравшая неподалеку с Синим Мишкой

вместе с другой девочкой. – Доктора ведь говорили, чтобы ты не напрягала извилины.

– Да-да, ты права. – Я глубоко вдохнула морской воздух. Шарлотта не знала истинных причин моего исчезновения прошлой зимой, и я не собиралась раскрывать их. – А бедная Джина Тревельян... – произнесла я.

– Ну вот. Я понимаю, что нелегко отделаться от мыслей о печальном происшествии, но постарайся все же не думать об этой несчастной, да упокой Господь ее душу, – сказала Карло. – Отныне следует сосредоточиться на морских купаниях, ненавязчивом чтиве, прогулках по окрестностям, хорошем питании и отдыхе на полную катушку.

– Ты все же кое о чем забываешь, – улыбнулась я.

– О чем же?

– О том, что мне надо сдавать книгу.

– Книга может подождать, в отличие от здоровья. А без здоровья вообще ничего не напишешь.

– Но я обещала Корку, что отдам ему по возвращении законченную рукопись «Голубого экспресса».

– Отдашь через несколько недель после возвращения. Какая разница?

– Я думаю, работа как раз отвлечет меня от мрачных мыслей. Так уже было в прошлом, почему бы и не сейчас?

– Ну, так и быть, если ты настаиваешь, мы включим в распорядок дня несколько часов возни с рукописью, – сдалась Карло, слегка улыбувшись. – Но при одном условии: я выполняю тяжелую часть работы, стуча по клавишам, а ты только диктуешь.

До сих пор я прибегала к такому методу лишь при сочинении первого чернового варианта рассказа, но никак не при работе над романом.

– Да ради бога, – согласилась я и в этот миг заметила Тревельяна и Хелен Харт, прошедших по палубе и свернувших за угол. – Прости, я отойду на минуту, добуду сока для Розалинды. Ей наверняка хочется пить.

– Конечно, конечно, – сказала Карло. – Я присмотрю за ней.

Я последовала быстрым шагом за парочкой, сохраняя дистанцию. Они миновали группу местных детишек и нескольких бледнолицых монахинь и остановились у леера. Издали я не могла разобрать, о чем говорят Гай и Хелен, а приближаться к ним в открытую было рискованно, так что я нырнула в проход, ведущий к противоположному борту парома, где прокралась мимо ряда пустующих шезлонгов, прячась за ними, и наконец добралась до места, откуда стал слышен разговор.

– Никак не могу прийти в себя от потрясения, – пожаловалась Хелен.

– Что ж в этом удивительного, если ты стала свидетельницей ее

самоубийства, – мягко ответил Тревельян.

– Я чувствую себя поганкой. Я столько раз желала ей смерти и даже воображала, что убиваю ее. Согласись, это ужасно. Мне представлялось, как я капаю яд ей в коктейль или сталкиваю ее с верхней площадки лестницы на Брук-стрит. Господи, словно какая-нибудь закоренелая злодейка.

– Тсс... – остановил ее Гай. – Зато теперь мы можем спокойно жить вместе, начать с новой страницы.

– Думаешь? И мы не будем прокляты навечно?

– Да за что же?

– Ну, не знаю. Может быть, нам надо было вести себя с ней иначе. Показать ее другому доктору или обратиться к американскому специалисту. У меня такое чувство, будто мы ее предали.

– Мы же не виноваты, что влюбились друг в друга. Что мы могли поделать?

– А помнишь, был момент, когда мы могли прервать нашу связь?

– Помню, – ответил он. – Но для меня это не было моментом выбора.

Голоса стихли, и послышался звук поцелуя. Я почувствовала, что краснею, и стала осторожно выбираться обратно. Подслушивала интимный разговор влюбленных – позор. Они все еще переживали неожиданную смерть Джинны Тревельян, а я вела себя, как те две ищейки в дешевых костюмах, называвшие себя журналистами, которые неотрывно следовали за мной и писали обо мне всякие гадости в газетах, когда меня постигло несчастье.

Стыдя себя, я вернулась на противоположную сторону паромы. Я не могла узнать ничего нового из разговоров Гая Тревельяна и Хелен Харт. Надо было оставить их в покое. Пускай приходят в себя, смирившись с той ролью, которую сыграли в случившемся. Глядя на остров, появившийся на горизонте, я гадала, что сейчас делает Арчи. Проводит время в обществе этой женщины? Интересно, не надеялся ли он втайне, что я покончила с собой, когда я исчезла в конце прошлого года? А мисс Нил, новая возлюбленная Арчи, наверное, молилась по ночам, чтобы я никогда не вернулась. Но я вернулась, и это, должно быть, расстроило их планы. Карло, врачи и моя сестра убеждали меня не думать об этом – да я и сама хотела бы забыть все, но не могла. Эти воспоминания останутся со мной навсегда, как отвратительное кровавое пятно, которое ничем нельзя смыть.

Глава 7

В отличие от пустынного ландшафта Гран-Канарии, северная оконечность Тенерифе, покрытая пышной растительностью, выглядела земным раем. По пути от пристани к долине Оротавы мы видели из автобуса бескрайние банановые плантации, плодородные террасы на склонах холмов и массу цветов, чья яркость резала глаза. Если при первом взгляде на Канарские острова меня постигло разочарование, то теперь оно сменилось восторгом. Мне не терпелось окунуться с головой в этот мир, так что приходилось напоминать себе, с какой целью я сюда прибыла. Я не была обыкновенной взвинченной дамочкой, которой нужно привести в порядок расстроенные нервы на фешенебельном курорте. У меня было задание: расследовать убийство. Мне смутно вспомнилась цитата из Книги Бытия о том, что Бог создал красивые деревья, приносящие также пищу^[8]. И хотя посреди рая выросло древо жизни, даже там, рядом с ним, притаилось зло.

Мои попутчики на «Джелрии» говорили, что гранд-отель «Таоро» – один из лучших в Европе. Приближаясь к нему с востока, мы убедились, что он представляет собой впечатляющее зрелище. Отель стоял на холме среди ухоженных садов на некотором удалении от моря, к которому спускались пешеходные дорожки. Здание имело форму буквы «U», чья открытая сторона обращалась вглубь острова, а там, насколько хватал глаз, простирались сады.

– Мама, смотри: вулкан! – воскликнула Розалинда, указывая на возвышающуюся вдали снежную вершину Тейде. Она почерпнула кое-какие сведения об острове из иллюстрированных книг паровой библиотеки, хотя понимала не все слова, особенно научные и технические термины. Однако ее завораживала мысль, что мы будем жить под сенью вулкана. – А он будет извергаться? – спрашивала она. – Мы увидим потоки лавы?

– Вряд ли, – ответила ей Шарлотта, улыбаясь. – Он наверняка потух.

– Нет, Карло, ты совершенно не права, – сказала Розалинда. – Он запросто может извергнуться опять. По-моему, лет двести назад он разрушил целый город, который здесь был.

– Правда? – искренне удивилась я, выходя из автобуса. – Но нам, надеюсь, ничто не грозит? – Я посмотрела на вершину, которую, как говорилось в книгах, гуанчи называли «Адская гора».

– Нет-нет, вы в *крайней* безопасности, – произнес с немецким

акцентом служащий «Таоро» в голубой униформе, стоявший в дверях отеля и слышавший наш разговор. – Ученые уверили нас, что от вулкана нам не будет никакого вреда. Меня зовут Густаво. Добро пожаловать в «Таоро», знаменитый курортный отель. Chicos, las maletas^[9].

Два смуглых мальчика лет четырнадцати-пятнадцати, также одетые в голубую униформу, схватили наши чемоданы и повели нас вместе с миссис Брендел и Винниатами по широкой лестнице вглубь этого дворца. Мы проходили через просторные залы с высокими потолками, где солнце отражалось от мрамора и зеркал. Густаво записал наши данные в регистрационный журнал, после чего рассказал об отеле, которым очень гордился.

– «Таоро» оборудован всеми современными удобствами, – распевал он. – На нашей территории есть своя электростанция. Воду из источника, которым владеет семья Пердомо, подают по трубам прямо в отель. Она отличается максимальной чистотой. Сантехническое оборудование было установлено профессиональными английскими сантехниками под наблюдением опытного и квалифицированного английского врача. Отель расположен посреди сорока двух акров садов, которые я рекомендую вам для прогулок. На территории отеля есть английская церковь, а также, у южного входа в сады, английская библиотека. А для тех, кто любит приключения, – добавил он, адресуясь к Розалинде, – мы можем организовать восхождение на гору, если погода позволит. В вашем распоряжении есть также теннис, крокет, морская рыбалка.

Я мечтала окунуться в море, почувствовать, как вода струится по плечам. Я выглянула в окно, надеясь увидеть хоть кусочек океана, но окна холла выходили на противоположную сторону, где посреди садов стояла площадка с фонтаном в центре. По периметру площадки тянулись открытые галереи с колоннадой, а в самом дальнем углу в плетеном инвалидном кресле сидел бледный мужчина, рядом с которым была хорошенькая, но бедно одетая девушка с тускло-каштановыми волосами. Мужчина вынул носовой платок и, прикрыв рот, закашлялся. Он что-то сказал девушке – но что именно, не было слышно. Девушка огорченно опустила на колени и взяла его руки в свои.

– Да, я сразу должен был сказать вам, – произнес Густаво, проследив за моим взглядом, – что благодаря благоприятному расположению отеля сюда приезжают на зиму инвалиды. Отелю *придан* очень уважаемый врач, доктор Тренкель. Он немец, но его мать, мне кажется, из Англии, так что он говорит и пишет на отличном английском языке. Также у нас имеется живущая здесь медсестра. Людям, которые страдают астмой, бронхитом и

другими легочными нарушениями, тут очень хорошо. Некоторые из них вылечиваются, другим, – сказал он, посмотрев на инвалида в галерее, – везет меньше... Но разрешите мне и моим помощникам проводить вас в ваши номера.

Густаво велел молодым людям сопровождать Винниатов и миссис Брендел в их комнаты на первом этаже под номерами сто семь и сто семнадцать соответственно, а сам поднялся с нами на второй этаж. Он провел нас длинным коридором к номерам двести семь и двести восемь, расположенным в западном крыле отеля, откуда открывался вид на вулкан Тейде. Я предпочла бы морской пейзаж, но Розалинда запищала от восторга, увидев горную вершину, и сказала, что будет все время сидеть у окна и наблюдать за вулканом, чтобы не пропустить момент, когда он начнет извергаться. Густаво с двумя коридорными, принесшими наш багаж, удалились, и Карло взяла меня под локоть.

– Не слишком ли шикарно тут во всех отношениях? – прошептала она обеспокоенно. – Ты уверена, что мы это потянем?

– Я только что продала несколько рассказов одному американскому журналу, который выплачивает неправдоподобно щедрые гонорары. – Это была полуправда, потому что львиную долю затрат на наше пребывание на острове взяло на себя министерство Дэвисона. – И к тому же не говорила ли ты, что для поправки здоровья никаких денег не жалко?

– Говорила, говорила, – ответила она, пряча улыбку.

– Кстати, о поправке здоровья. Я чувствую, что после морского путешествия мне надо пройтись. Ты не против, если я брошу вас с Розалиндой на несколько часов?

Мне хотелось взглянуть на пещеру около пляжа Мартианес, где, по словам Нуньеса, нашли тело Дугласа Грина.

– Конечно, я не против. А мы вряд ли уйдем далеко отсюда, – сказала Карло, глядя на Розалинду, прижавшуюся носом к оконному стеклу.

Я умылась, надела легкое платье и более удобные туфли, сунула в карман коробок спичек, который валялся на столике, и пошла искать Густаво. Я сказала ему, что хочу прогуляться по берегу моря и, может быть, посмотреть на черные пески Мартианеса, о которых была наслышана.

– Только, пожалуйста, не соблазняйте поплавать там, – предупредил Густаво, объяснив, как туда пройти и снабдив картой-схемой. – В прошлом году там утонул английский мужчина, очень хороший пловец. Там *очень предательское* течение, а подводные скалы еще хуже. Если вы захотите купаться, то в дальнем конце пляжа есть замкнутые водоемы среди скал. Там можно лечь, и волны будут перекатываться через вас. Но плавать в

море категорически нельзя.

Я выразила сожаление, так как поплавать было бы совсем неплохо, и направилась по извилистой тропинке, полого спускавшейся к морю. Мне не хотелось идти дорогой, ведущей к скоплению белых домиков, окружавших гавань, и я выбрала тропу, по которой можно было пройти мимо живописного коттеджа под названием «Ситио Литре» и спуститься к полукруглому черному пляжу Мартианес. По мере того как я приближалась к нему, ветер дул все сильнее, обрушивая волны на гряду зазубренных черных скал, протянувшуюся в море. Морская стихия обладала здесь необыкновенной силой, в ней чувствовалось что-то устрашающее, жестокое и первобытное. Это проявлялось не только в ярости, с какой волны набрасывались на берег, но и в ужасном грохоте, с каким они отступали, волоча за собой в глубину черные камни, сталкивавшиеся друг с другом и гремевшие, как сотня черепов.

На берегу не было никого, кроме компании местных ребяташек, бултыхавшихся в упомянутых Густаво водоемах в дальнем конце пляжа. Я прошла вдоль кромки воды и увидела крутую тропинку, которая, похоже, вела на вершину утеса. Начав подниматься, я на полпути остановилась, чтобы отдышаться. Снизу доносился рев бушующего океана. За выступы скал цеплялись в борьбе с ветром грушевые деревца и разнообразные кактусы, чьи мясистые побеги искривились и согнулись наподобие ведьминых пальцев. Поднявшись чуть выше, я увидела впереди темный зев пещеры.

Поколебавшись, я все же вошла в пещеру. Она разделялась на галереи, ведущие в разных направлениях. Я двинулась наугад по одной. Стены пещеры источали сырость; по мере удаления от входа становилось все темнее. Неуверенными пальцами я зажгла спичку, и при ее тусклом свете на стенах заплясали причудливые тени. Когда я прошла чуть дальше, из глубины пещеры донесся звук. Спичка погасла, я зажгла вторую, третью, но ничего не увидела. Зато слышались шаги. Кто-то шел к выходу по одной из разветвлявшихся галерей.

– Кто это? – спросила я охрипшим от страха голосом. – Кто здесь?

Я почувствовала неприятный металлический запах, напомнивший зловонное дыхание доктора Кёрса, едва не погубившего меня в прошлом году. Я стала доставать еще одну спичку, но руки плохо слушались, их будто холодом свело, и, к своему ужасу, я уронила коробок. Нагнувшись, я стала шарить по земле в поисках коробок, и в это время услышала, что шаги уже приближаются к выходу. Я кинулась назад, чтобы увидеть этого человека на выходе, но успела заметить лишь неясный силуэт, тут же

скрывшийся из вида.

Я вернулась к тому месту, где рассыпала спички, и собрала их, сколько смогла найти. Зажигая спички одну за другой, я рассмотрела глубокие ниши в пещере, но никого не обнаружила. Тогда я прошла к выходу из пещеры и осторожно выглянула наружу. На тропинке, ведущей к пещере, я никого не увидела; на пляже тоже были только дети. Подойдя к краю крутого обрыва, я ухватилась за ветку старой смоковницы, росшей на каменной скале, и посмотрела вниз, хотя часть мелких камешков посыпалась из-под ног с обрыва.

У подножия утеса я заметила прижавшегося к скале мужчину. Он был без шляпы, и сверху я видела только русую голову и спину белого хлопчатобумажного пиджака. Тем не менее я была почти уверена, что узнала его. Это был Дэвисон.

Глава 8

Я отошла от обрыва и перевела дух около скалы, а затем поспешно стала спускаться на пляж, сердито и недоуменно фырча.

– Дэвисон! Дэвисон! – крикнула я. – Что вы здесь делаете?

Я настигла его лишь на середине пляжа. На его непроницаемом, как всегда, лице я не заметила ни намека на чувство вины.

– Что все это значит? – вопрошала я. – Что вы вытворяете?

– Что вы имеете в виду? – изрек он, демонстрируя утонченное произношение, отшлифованное в стенах Итона и Кембриджа; и голос его был невинным, как у маленького мальчика, еще не успевшего вкушать плодов какого-либо греха.

– Если вы хотели напугать меня, то могу вас обрадовать, вам это удалось, – сказала я, чувствуя, что краснею.

– Агата... миссис Кристи, я не понимаю вас.

– Там, в пещере... – указала я.

– Ну да. Именно там нашли тело Грина.

– Это ведь вы были там только что? Стояли и молчали.

Дэвисон какое-то время раздумывал над ответом.

– Признаюсь, я следовал за вами от самого отеля, – сказал он наконец. – Потому как боялся – и боюсь, – что с вами может что-нибудь случиться. – Он поморгал. – Я так и думал, что вам захочется взглянуть на пещеру, и хотел убедиться, что с вами все будет в порядке. Но в пещеру я не поднимался, ждал вас здесь.

– Значит, это не вы там прятались?

– Там – нет. Когда я услышал, что кто-то выходит из пещеры – я думал, вы, – спрятался под скалой.

Можно ли было ему верить? Ведь, в конце концов, он не захотел раскрыть мне все подробности, связанные с гибелью Грина. А инспектор Нуньес подозревал, что Дэвисон как-то причастен к этой смерти.

– По-видимому, тот человек пошел верхним путем в сторону Ла-Паса, – продолжил он, взглянув наверх, – но сейчас там никого нет.

– Может быть, он все-таки спустился?

– Но и внизу никто не появлялся.

– Вот то-то и оно, – отозвалась я.

– Ох, я вижу, вас просто трясет.

Он сделал шаг ко мне, я отступила.

– Для вас это было потрясением. Вам надо вернуться в отель, – сказал он. – Я пойду, постараюсь найти...

– Нет, подождите, не уходите пока, пожалуйста. Мне надо поговорить с вами.

– Похоже, по серьезному вопросу, – заметил он.

– Да, боюсь, это действительно серьезно, – сказала я. – Как вы, наверное, помните, когда вы предложили мне поехать сюда, я сначала отказывалась.

– Да, я помню. И я рад, что вы все-таки согласились. Как я уже говорил, мы с моим шефом Хартфордом считаем, что вы...

– Мне надо было прислушаться к внутреннему голосу и не связываться с вашей организацией. Я согласилась потому... ну, из-за того, что произошло с Флорой Кёрс и Уной. У меня возникло чувство, будто я должна что-то сделать, чтобы их гибель не была напрасной, и поэтому, очевидно, я не смогла трезво оценить все обстоятельства этого дела. А теперь я чувствую, что совершила большую ошибку. Разумеется, я возьму стоимость парохода и пребывания в отеле. Мы отправимся обратно первым же рейсом, а пока переедем в более дешевую гостиницу. Мне очень жаль, но так уж складывается.

– Послушайте, я понимаю, вы напугались. Кто-то оказался вместе с вами в пещере. Кто это был и что он там делал – неизвестно. Вполне естественно, что после этого вам не по себе, но...

Я не смогла удержаться от вопроса, который мучил меня:

– Это вы убили Дугласа Грина?

Дэвисон страшно побледнел:

– Что-что?

– Это вы его убили?

Дэвисон молчал.

– Понимаете, именно из-за этого я не могу больше вам помогать. Я знаю, что вам по долгу службы приходится иногда принимать трудные решения, связанные с жизнью и смертью людей. Но я не могу...

– Вы, по всей вероятности, разговаривали с инспектором Нуньесом, да?

– Да. Он приходил на борт «Джелрии», чтобы расспросить нас о самоубийстве Джинны Тревелиян.

– И он, очевидно, сообщил вам этот вздор насчет того, что хочет задержать меня и допросить по поводу убийства Дугласа Грина.

– Да, – ответила я. – Так и было.

– И вы поверили ему?

– Видите ли, мне было непонятно, почему вы путешествуете под вымышленным именем. Я подумала, что Грин, возможно, был предателем, двойным агентом. Прошу прощения, но я не знала, что и подумать.

– Неужели вы действительно верите, что я мог причинить ему хоть какой-то вред?

Лицо его потемнело от боли, и я начала понимать почему. Дэвисон жестом пригласил меня сесть на камень рядом с ним и под грохот разбивавшихся о скалы волн рассказал мне о дружбе с Грином, о их глубоких чувствах друг к другу.

– Мы познакомились в Лондоне и, я думаю, сразу поняли, что будет дальше. Это была возникшая с первого взгляда тяга друг к другу, противиться которой невозможно. Он тоже окончил Кембридж, но на несколько лет позже меня. Разумеется, мы старались сохранять наши отношения в секрете и, я думаю, оба делали вид, что не принимаем их всерьез – что мы перерастем их... Однако в глубине души мы знали: все не так просто.

– А потом Грина послали сюда?

– Да, в конце тысяча девятьсот двадцать пятого года. Мы ничего не могли с этим поделать. Служба есть служба. Мне удалось навестить его пару раз на Тенерифе. Это было волшебное время. Мы говорили о будущем – детский лепет, конечно, но мы были счастливы, думая о том, что нас может ждать впереди. А в начале этого года дошла весть, что Дуглас убит. Его тело нашли в этой проклятой пещере... Простите.

Голос его пресекся, на глазах выступили слезы.

– Понятно. Но почему инспектор Нуньес думает, что вы имеете отношение к убийству?

– Когда я приезжал сюда в последний раз в сентябре, то узнал, что Дуглас подружился с парой местных юношей. Никчемные типы, по сути. Их интересует только всякая мишура и пара лишних банкнот в кармане. Во мне, очевидно, проснулась ревность. Как-то мы с Дугласом выпили чуть больше, чем надо, и тут как раз пришел один из этих парней, Диего. Меня это вывело из себя, и разразился грандиозный скандал. Кое-что в доме разбилось и поломалось. Это была безобразная сцена, я ее стыжусь. Затем я бросился вон из дома, переночевал в гостинице, а наутро перебрался паромом на Гран-Канарию, где взял билет на пароход до Лондона. А Дуглас вроде бы исчез как раз в это время. Когда полиция стала выяснять подробности его исчезновения, Диего рассказал Нуньесу о нашей ссоре. Нуньес нашел в доме мое письмо к Дугласу. Я велел ему сжигать все мои письма, но это как-то уцелело.

– Но почему же вы не пошли к Нуньесу и не рассказали, как было дело?

Дэвисон недоуменно посмотрел на меня, и я поняла, что сморозила глупость.

– Понятно, – проговорила я. – Вы боялись, что это дойдет до Хартфорда и всякое доверие к вам пропадет.

– Да. И к тому же я стану лакомой добычей для любого грязного шантажиста. А если мне удастся выяснить, кто на самом деле убил Дугласа, это, по крайней мере, восстановит мою репутацию в глазах местной полиции. – Он устремил на меня доверчивый и понимающий взгляд. – Простите, что не рассказал этого раньше. Я боялся упасть в ваших глазах.

– Не глумите, это ерунда, – ответила я, коснувшись его руки. – Я хочу лишь, чтобы вы больше мне доверяли.

– Да, я был не прав. Вы простите меня за это?

Я сделала паузу и, повернувшись к нему, лукаво произнесла:

– Вы знаете, я уже пожалела о своем решении покинуть гранд-отель. Он такой симпатичный и комфортабельный.

– Совершенно верно, – улыбнулся Дэвисон. – Путешествующая дама должна придерживаться определенных стандартов. А теперь не хотите ли вы познакомиться с пещерой поближе?

Глава 9

Дэвисон достал из кармана электрический фонарик и осветил темную пещеру. Она разделялась на три коридора, уходивших в толщу скалы. Я узнала место, где рассыпала спички, – часть их все еще валялась там. Затем я увидела цепочку следов, тянувшихся по коридору к выходу.

– Похоже, здесь действительно кто-то был, – заметил Дэвисон.

– А вы думали, у меня была истерическая галлюцинация или я сочинила это?

– Нет, что вы. Просто радуюсь, что нашлось свидетельство, подтверждающее ваши слова. Это всегда полезно, – ответил он, рассматривая следы. – Вы говорите, что не смогли рассмотреть его – или ее?

– Да. Я видела только силуэт у выхода.

– И даже не можете сказать, мужчина это был или женщина?

– Увы, не могу.

Мы углубились в пещеру, направляясь к месту, где, по словам профессора Уилбора, нашли тело Грина. Немного не дойдя до него, Дэвисон в нерешительности остановился. Хотя глаза его скрывала темнота, нетрудно было догадаться, что он с печалью смотрит туда, где друг обрел вечный покой. Я стала ощупывать землю в поисках чего-нибудь, оставленного человеком, но рука моя натыкалась только на острые камни и кости животных.

– Ужасно умирать в таком месте, – едва слышно пробормотал Дэвисон. – Если бы мы не поссорились, этого могло и не произойти. Кому это понадобилось? И что Дуглас думал, когда...

– Нет смысла сокрушаться о прошлом, – прервала я его намеренно резко. Вряд ли Дэвисон был бы благодарен мне, начни я растравлять рану своим сочувствием. Более того, я была уверена, что, если он не перестанет делиться своими интимными чувствами со мной, то скоро мое общество начнет тяготить его. – Я понимаю, вы хотите сделать что-то для Грина, так вот и надо постараться выяснить, что произошло здесь.

– Да, конечно, – согласился он, потупившись. – Вы правы.

– Давайте поищем, не осталось ли здесь чего-нибудь необычного, – предложила я. – Я пороюсь на этом участке, а вы займитесь тем, что в углу.

– Хорошая мысль. – Он опустился на колени и пристроил фонарик на камне между нами. – Полиция, вероятно, осматривала это место, но они,

как я уже говорил, все делают кое-как, если не сказать хуже. Кстати, какое впечатление произвел на вас инспектор Нуньес?

– Самое благоприятное. Но это, возможно, из-за того, что ему очень нравятся мои книги. Так он сказал.

– Неужели?

– Он, мне кажется, неглуп и говорит по-английски очень неплохо. Наверное, потому, что он прожил какое-то время в Лондоне.

Дэвисон промолчал.

– Мне что-то не везет, – сказала я, покопавшись в черном песке. – А вы нашли что-нибудь?

– О да. Коллекцию старых козьих зубов.

– Между прочим, как вы собираетесь скрываться от Нуньеса? Он сказал, что приедет в Оротаву на следующей неделе. И хотя вы пребываете здесь под вымышленным именем, он ведь обязательно распространит вашу фотографию, не так ли?

– Когда он сделает это – если сделает, – я найду способ решить проблему, – заявил Дэвисон.

– Похоже, у вас в рукаве припасен козырь.

– Возможно, – ответил он уклончиво.

– Ну ладно, я не буду больше допрашивать вас, раз ответы ставят вас в затруднительное положение. Надеюсь только, что когда-нибудь – когда будет можно – вы раскроете мне свои профессиональные секреты.

– Конечно, – ответил он. – Обещаю.

– Послушайте, – сказала я, – эти розыски ничего не дают. Давайте подойдем к вопросу с другой стороны. Подумаем, что за человек мог бы это сделать.

– Давайте, – согласился он. – Как я уже говорил, из того, что я читал об оккультизме и слышал о Джерарде Гренвилле, можно сделать вывод, что он вполне способен додуматься до этого.

– Нуньес тоже его подозревает. Непонятно только, почему он в таком случае попросту не арестует его и не покончит с делом.

– Возможно, потому, что Нуньес влюблен в его дочь Вайолет.

Дэвисон описал ее внешность, и мне вспомнилась девушка на террасе, ухаживавшая за инвалидом.

– Но она не отвечает ему взаимностью, – заметила я.

– Откуда вы знаете? – поразился Дэвисон.

– Я ведь говорила вам о необычайной интуиции моей матери. Думаю, я унаследовала ее.

Он улыбнулся, чему я порадовалась.

– Да, она, судя по всему, влюблена в Эдмунда Фоссе. Симпатичный парень, но у него туберкулез в последней стадии.

– Очевидно, именно их я видела сегодня на террасе отеля. Очень милая девушка, но очень печальная.

– Вполне возможно, это она. А Эдмунда, должно быть, лечит Тренкель, врач, работающий в «Таоро». Он лучший на острове. Но мы увлеклись обсуждением местных слухов и забыли о деле.

– Действительно, – пробормотала я и вновь принялась обшаривать землю.

Однако я по собственному опыту знала, что неразумно пренебрегать слухами. Они вовсе не бесполезны и могут порой дать ключ к разгадке тайны.

Провозившись еще с полчаса, мы не нашли ничего существенного, не считая нескольких старых монет, костей какой-то птицы – Дэвисон, будучи в некотором роде экспертом по таким вещам, объявил, что это курица, – а также потрепанного кожаного браслета, который, судя по его виду, пролежал тут несколько десятилетий.

– Вы знаете, что в подобных пещерах гуанчи хоронили умерших? – спросил он, прокашлявшись. – Так что мы, возможно, роемся на кладбище.

– Вот как? – отозвалась я, вставая и отряхиваясь от земли и мусора.

– Так говорит профессор Уилбор. И если мы как следует поищем, то можем найти их останки.

Дэвисон достал из кармана перочинный ножик и принялся ковырять землю в том месте, где лежало тело Грина. Всего через несколько секунд он откопал осколок старой кости.

– Похожа на бедренную, – заметила я, вспомнив старые уроки анатомии.

– Да, и возможно, ей уже несколько тысяч лет, – сказал Дэвисон, продолжая орудовать ножом. – Не удивлюсь, если, потрудившись, найдем тут и череп гуанча.

– Может, как-нибудь в другой раз, – отозвалась я, чувствуя некоторую усталость и тошноту. – Боюсь, мне пора возвращаться в отель. Карло и Розалинда, наверно, удивляются, куда это я...

– Эй, а это что такое? Очень любопытно. Посветите-ка здесь фонариком, – попросил Дэвисон.

Я выполнила его просьбу, но сама не разглядела ничего, кроме комка сырой земли.

– Видите? – спросил он, очищая носовым платком предмет, который держал в руках.

- Вижу примитивную глиняную статуэтку.
- Это изображение Тибисены.
- А это еще кто?
- Гуанчи верили, что на острове орудует демон, обитающий в пещере и принявший вид исполинской черной собаки с красными глазами.
- На собаку это несколько не похоже, – возразила я, разглядывая фигурку с крошечной головой и оскаленными зубами. У нее были две руки, напоминавшие ручки кувшина с глубокими вырезами, а средняя часть выглядела не то как лицо с искаженными чертами, не то как рот. – Вы полагаете, ее закопали здесь гуанчи?
- Предполагаю. Но, конечно, может быть и другое объяснение. – Он подул на статуэтку и, поплевав на платок, протер ее голову, в результате чего на свет появились два маленьких свирепых глаза. – Да, это чрезвычайно любопытно.
- Вы не объясните почему?
- Дэвисон ответил не сразу.
- Простите, я задумался на миг. Видите ли, человек, обладающий самой большой на острове коллекцией артефактов культуры гуанчей, – это не кто иной, как...
- Джерард Гренвилл, – закончила я за него.

Глава 10

Поднявшись по тропинке на самый верх утеса, мы увидели девушку, которую, как я уже знала, звали Вайолет. Ее длинные волосы спадали на лицо; она стояла над обрывом и смотрела вниз, на морской прибой, что сразу напомнило мне Джину Тревельян. «Неужели она собирается повторить ее поступок?» – подумала я. Мы хотели подойти и спросить, не нужна ли помощь, но в этот миг заметили человека, приближавшегося к нам по кипарисовой аллее. Его суровое лицо было словно высечено из камня.

– Это Гренвилл, – сказал Дэвисон, потянув меня с тропинки за широко разросшийся кактус.

Спрятавшись, мы наблюдали, как Гренвилл обнял дочь, утешая, а она разрыдалась на его широкой груди. Судя по разыгравшейся перед нами сцене, Вайолет была расстроена из-за плохого известия. Затем в один миг нежность Гренвилла превратилась в нечто прямо противоположное; лицо девушки вспыхнуло, глаза округлились, и она гневно бросила:

– Ты не понимаешь! Я люблю его, и мне плевать, что говорят врачи. Я хочу выйти за него.

– Но ему осталось всего несколько месяцев, дорогая, – спокойно возразил Гренвилл, – а у тебя вся жизнь впереди. Каким отцом я был бы, если бы разрешил тебе выйти за него замуж.

– Мы можем пожениться и без твоего разрешения, ты не в силах нам помешать.

– Это, возможно, и так, но я сомневаюсь, что Эдмунд пойдет против моей воли.

– Что ты ему сказал?

– Я лишь обрисовал ему ситуацию. У Эдмунда трезвая голова на плечах, и, думаю, он понял, что я прав.

– Я не понимаю, почему ты против нашего брака. Ты ведь знаешь, мы любим друг друга.

– Да, я знаю, что ты очень любишь его.

– А как же тогда твои собственные убеждения, которые ты проповедуешь уже столько лет? Твои публичные выступления, твои памфлеты? Разве они теряют силу в данном случае?

– Конечно не теряют. Но свадьба с Эдмундом Фоссе была бы ошибкой с твоей стороны. Мне кажется, после разговора со мной он согласился с

моей точкой зрения.

– Ты же всегда говорил, что в жизни есть вещи, находящиеся вне физической реальности, – проговорила Вайолет с отчаянием. – А теперь отрицаешь это?

– Нет, конечно, однако...

– А если ты веришь в это, тогда должен понимать, что даже после того, как Эдмунд... после того, как его не станет... в этом мире, я все равно буду по-прежнему любить его и даже, может быть, общаться с ним.

– Теоретически все так, но есть определенные особенности...

– Особенности? Особенности чего?

– Послушай, дорогая, почему бы нам не пойти домой и не поговорить там спокойно? Ты сейчас слишком расстроена. Тебе только что сообщили последний диагноз Эдмунда, и перенести это, конечно, очень тяжело. Пойдем. – Он хотел обнять Вайолет за плечи, но она стряхнула его руку и отошла на самый край утеса. – Вайолет, пожалуйста, успокойся. Давай вернемся в Маль-Пэ, где мы можем...

– Не прикасайся ко мне! – бросила она, посмотрев на него с яростью. – Я знаю, почему ты не хочешь, чтобы я вышла за Эдмунда.

– О чем ты?

– Ты знаешь, что я не боюсь умереть, – сказала она, указав на обрыв у себя под ногами. – Женщины гуанчей, кидаясь со скалы навстречу смерти, кричали: «*Vasaguagé!*»^[10], и я тоже крикну это перед тем, как покончить с собой. Я предпочитаю умереть и быть вместе с Эдмундом, нежели жить без него.

– Вайолет, ну пожалуйста! Не стоит так...

– Ты считаешь, что вести себя так не подобает? Боишься, что я закачу некрасивую сцену? – Она огляделась, словно ища зрительскую аудиторию, но не увидела таковой. – Ты бы лучше спросил...

– Ты говоришь так, что тебя невозможно понять. Известие о состоянии Эдмунда совершенно выбило тебя из колеи. Если ты будешь продолжать в таком же духе, придется обратиться к доктору Тренкелю. Тебе надо принять успокаивающее средство.

– Я владею собой лучше, чем когда-либо, – сказала Вайолет, вытирая слезы.

– Я поговорю с Эдмундом. Может быть, он поможет привести тебя в чувство.

– Не упоминай его имя! Не говори о нем, слышишь?

Гренвилл, не обращая больше на нее внимания, развернулся и пошел прочь. Его массивная фигура удалялась по кипарисовой аллее в

направлении дома с зелеными ставнями, расположенного в дальнем конце плато. Я внимательно наблюдала за Вайолет, чтобы успеть остановить ее, если она сделает еще шаг к обрыву. Но она стояла неподвижно, в глазах у нее застыло отчаяние.

– Неужели она решится прыгнуть? – прошептал Дэвисон.

– Не думаю, – ответила я. – По крайней мере, не станет этого делать, пока жив Эдмунд.

– Может, вернемся на пляж, раз у нас появилась такая возможность?

– Нет, давайте все-таки останемся и будем готовы выскочить к ней в любой момент, если понадобится.

Вайолет привела в порядок прическу и вытерла лицо носовым платком. Посмотрев на свой дом, она направилась было к нему, но передумала и повернула в сторону поселка. Не прошло и минуты, как отворилась дверь дома Эдмунда, носившего название Ла-Пас, и появился молодой человек, которого я видела ранее в отеле. На этот раз инвалидную коляску катил Гренвилл.

– Возьмите меня под руку, – сказала я Дэвисону, слегка дернув полу его пиджака.

– Прошу прощения? – оторопел он.

– Возьмите меня под руку.

– Хорошо, но зачем?

– Некогда объяснять, – ответила я, сама просунула руку под его локоть, и мы двинулись навстречу Эдмунду и Гренвиллу.

Вблизи стало заметно, что оба расстроены и встревожены. Глаза старшего вылезали из орбит, что делало его лицо еще уродливее. У молодого инвалида был подавленный, если не сказать убитый, вид.

– Вы не видели здесь девушку несколько минут назад? – спросил Эдмунд. – Надеюсь, вы видели, что с ней все в порядке и она не совершила ничего непоправимого. Гренвилл, подкатите меня к обрыву, надо посмотреть...

– Вы имеете в виду девушку со светло-каштановыми волосами, в белой блузке и черной юбке? – спросила я.

– Да-да, это она, – сказал Эдмунд, устремив на меня страдальческий взгляд. – Неужели она...

– Когда мы поднимались с пляжа несколько минут назад, она стояла на краю обрыва, но, увидев нас, пошла в сторону селения.

– Вы уверены? – спросил Эдмунд и закашлялся.

Он прикрыл рот носовым платком, на котором виднелась кровь.

– Да, – ответил Дэвисон. – А почему вы спрашиваете? Что-нибудь

случилось?

– Да нет, ничего особенного, – сказал Гренвилл, откатив кресло Эдмунда от обрыва, – просто моя дочь разнервничалась. – Глаза его изучили меня с ног до головы и отметили грязное пятно на платье, появившееся, видимо, при раскопках в пещере. – Споткнулись при подъеме? – поинтересовался он. – Там крутая и местами очень узкая тропа. Один неверный шаг может стать фатальным.

Я потупилась, притворяясь смущенной. Дэвисон наконец понял, что я хочу изобразить.

– Вы попали в точку, – ответил он, слегка покраснев. – Да, она действительно поскользнулась на тропе. К счастью, я успел подхватить ее в последний миг. – Он посмотрел на меня с шутливой насмешкой и обожанием.

Я, подыгрывая, ответила глуповатым хихиканьем.

Эдмунда не интересовало, какой оборот приняли отношения двух незнакомых ему людей в укромном месте на тропе. Все, что он хотел знать, – в каком состоянии была Вайолет, куда направилась и не слышали ли мы, что именно она, возможно, пробормотала себе под нос.

– Простите мне неуместное замечание, – сказал Гренвилл. – Я Джерард Гренвилл, живу здесь с дочерью Вайолет. А это, – указал он на изможденного молодого человека в инвалидной коляске, – Эдмунд Фоссе, добрый друг моей дочери.

Дэвисон представился как Александр Блейк, страховой агент из Саутгемптона, а я не стала придумывать псевдонимов, так как настоящее имя зачастую ограждает человека от лишних расспросов. Новые знакомые, несомненно, знали историю моего исчезновения – похоже, весь мир знал ее – и, возможно, слышали о моем вселении в «Таоро». Я объяснила, что пережила довольно тяжелую зиму, после которой у меня был нервный припадок, и я решила сменить на время суровую Англию на острова с благодатным климатом. Я выразила также надежду, что отдых в таком замечательном месте и хорошая компания – при этом я выразительно посмотрела на Дэвисона – позволят мне расслабиться и восстановить нормальное мироощущение.

– Так вы автор знаменитых детективных романов! – сказал Гренвилл. – И, как считаем мы с дочерью, еще более замечательных рассказов, посвященных сверхъестественным силам. – Он принялся расспрашивать меня о дурацких рассказах, состряпанных для журналов типа «Гранда» и «Гост сториз». – Разумеется, мой любимый рассказ – «Женщина, укравшая привидение». Интересно, что вам навеяло такой сюжет и кто подсказал

образ жуткой мадам Экс, так беспардонно вмешивающейся в действия медиума? Конечно, ее тоска по умершей дочери понятна, но пытаться умыкнуть явившийся тебе дух очень опасно, знаете ли. Между прочим, у меня был однажды подобный случай во время спиритического сеанса в Париже. Только я вошел в тесный контакт с духом одного древнего египтянина, как... Но простите, я разболтался об эпизоде из собственного опыта, который вас, я уверен, не интересует, а все мои необычные эксперименты, несомненно, кажутся вам...

– Нет, что вы, мистер Гренвилл, – прервала я его. – Напротив, вы вызываете у меня необыкновенный интерес. Меня как писателя очень привлекают подобные явления, особенно если о них рассказывает человек ваших талантов.

– А что вам известно о моих талантах?

Сердце ёкнуло. Все, что я знала, было слухами, дошедшими до меня на «Джелрии».

– Мне известно, что вы обладаете уникальной чувствительностью и можете ощущать и видеть то, что недоступно остальным.

При этих словах Гренвилл выпятил мощную грудь.

– Ну, если так, то мы должны продолжить разговор в более уютной обстановке. Может быть, вы и ваш друг *мистер Блейк*, – он выделил это имя, как будто оно было написано перед ним курсивом, – придете к нам завтра на чай?

– Спасибо, я – точнее, мы – придем с удовольствием, – сказала я.

– Надеюсь, дочь к тому времени возьмет себя в руки. Вайолет – замечательная девушка, но нервы у нее расшатаны. Она тоже ваша большая поклонница и будет, не сомневаюсь, очень рада познакомиться с вами. Вы знаете, где мой дом, Маль-Пэ? Спросите в отеле, как его найти. Он возведен на застывшей лаве, вытекшей из вулкана. Меня убеждали, что на ней ничего не вырастет, но я, как мне кажется, успешно опроверг их предсказания. Сами увидите, когда придете.

Он сделал шаг в мою сторону, выкатив глаза, и мне вдруг вспомнилось высказанное на корабле нелепое замечание о его любви к лепешкам из цыплячьей крови. В глазах у меня слегка помутнело, во рту почувствовался привкус желчи. Я ухватила за Дэвисона и заметила, что друг смотрит на меня озабоченно.

– А что касается ходящих обо мне вздорных слухов, – продолжил Гренвилл, обнажив в улыбке ряд гнилых почерневших зубов, – то я не ем лепешек из цыплячьей крови. – Наблюдая за моей реакцией, он уставился на меня, словно ястреб на мышь, в которую собрался запустить когти. –

Итак, до завтра. Половина четвертого вам подойдет?

Я нервно улыбнулась, пытаюсь справиться с крутившимися в мозгу и не дававшими покоя вопросами. Убивал Гренвилл Дугласа Грина или нет? Если убивал, то какой у него был мотив? Каковы его отношения с дочерью? Не догадывался ли он, что Дэвисон взял себе вымышленное имя? Но самым мучительным и тревожным был вопрос: неужели его оккультизм действительно позволяет читать мысли?

Глава 11

– Я полагала, что это просто блеф, ума не приложу, как он угадал мои мысли, – посетовала я, когда мы с Дэвисоном возвращались на такси в отель.

– Байку о цыплячьих лепешках не раз печатали в газетах и повторяют все, кому не лень, – ответил Дэвисон, – неудивительно, что ваши мысли совпали.

Однако я не верила в совпадения. Конечно, всякие странности происходили то и дело – неожиданные встречи в нужный момент, нелогичная согласованность, необъяснимое сходство. Но во всем этом был определенный смысл. Может быть, дело в том, что некоторые люди способны видеть связи между разными явлениями, которых другие не замечают? Мама свято верила в существование особого духовного мира, подспудно влияющего на нашу жизнь. Она неоднократно намекала мне, что действия человека, которые, казалось бы, порождены его волей, характером или опытом, на самом деле могут предопределяться другими скрытыми от нас факторами. Скептикам ничего не стоило высмеять ее взгляды как досужие домыслы пожилой женщины. Но насколько предпочтительнее было утешаться мыслью, что за гробом тебя ждет встреча с душами дорогих людей, а не вечное небытие. После смерти мамы я чувствовала присутствие ее духа рядом. Может быть, я принимала желаемое за действительное? Возможно. Не могло ли это быть симптомом временного нервного расстройства или одним из явлений, о которых говорит модное ныне учение о бессознательном? Вполне могло. Как бы то ни было, я хотела верить, что любимая мама все еще рядом и руководит мной. Чего бы я ни отдала ради того, чтобы снова увидеть ее, коснуться! От прилива тоски по ней у меня покраснели глаза.

– День у вас выдался богатый на события, – мягко заметил Дэвисон. – Я думаю, вам надо отдохнуть.

– Да, я тоже так думаю. Тем более если я пойду вечером на обед, который дают в отеле Гай Тревелиян и Хелен Харт. По всей вероятности, они хотят загладить таким образом свою вину перед Винниатами. – Я рассказала ему об инциденте с поливанием драгоценного блокнота Говарда Винниата красным вином. – Вам не случалось разговаривать с ним во время плавания?

– Нет, не помню такого.

– Он жуткий зануда, до невозможности напыщенный. Писатель – разумеется, из сонма «великих писателей», в который мне в жизни не пробиться.

Мы посмеялись над абсурдностью притязаний Винниата, и облако меланхолии, окутывавшее меня всего несколько минут назад, стало развеиваться.

– Вот болван! – сказал Дэвисон. – Кто будет читать его magnum opus^[11], хотел бы я знать?

– Не скажите. Я уверена, когорта высоколобых критиков из кожи вон вылезет, разрабатывая новую теорию «нерафинированного реализма» – или как там он предпочтет назвать свой метод.

– Во всяком случае, вряд ли он сможет составить вам конкуренцию и переманить ваших читателей.

– Откровенно говоря, вряд ли у него вообще будут читатели, – сказала я. – Он не найдет людей, достойных этого.

По пути в отель мы успели также обсудить все события дня и откопанные в пещере находки, обменялись впечатлениями от знакомства с Гренвиллом и мнениями о судьбе Вайолет и Эдмунда Фоссе. Дэвисон решил выйти из машины у ворот парка и добраться до номера пешком.

– Ни к чему, чтобы о нас болтали, – сказал он.

– Точнее, чтобы еще больше не болтали, – поправила я его. – Вы не обратили внимания, как Гренвилл посмотрел на пятно на моем платье? Бог знает, что он подумал о нас.

– Ну, ложная информация такого рода всегда полезна, – сказал он и после паузы добавил: – Она часто ходила со мной на званые обеды и прочие празднества. – В глазах Дэвисона промелькнула тоска, он отвернулся. Несомненно, мысль об Уне всегда будет преследовать его. – Всего хорошего, – произнес он.

– Я, конечно, не заменю ее, но мне надо покрутиться в обществе, – сказала я, чтобы подбодрить его. – Так что до завтра.

Мне вовсе не хотелось «крутиться в обществе», но я обещала миссис Брендел, что составлю ей компанию на сегодняшнем обеде. По возвращении в отель я успела принять ванну и переодеться, прежде чем Карло и Розалинда вернулись с прогулки. Они провели день в саду, где Розалинда играла с детьми, проживавшими в «Таоро».

– Ты ведь никогда не умрешь, да, Мишка? – произнесла моя дочь, взяв любимую игрушку и прижав ее к груди.

Я посмотрела на нее, нахмурившись.

– Откуда такие мысли? – спросила я.

– Да просто Реймонд, с которым я сегодня познакомилась, сказал, что в прошлом году у него умер брат.

– Наверное, Реймонд горюет по нему?

– Да нет, по-моему, он не так уж горевал. – Помолчав, она посмотрела на меня серьезным испытующим взглядом. – А ты тоже когда-нибудь умрешь? – спросила она.

– Да, милая, – ответила я, погладив ее по голове. – Все божьи создания должны умереть. Но я все равно буду любить тебя.

– Как же ты сможешь любить, если умрешь?

– Хороший вопрос, но, видишь ли, это зависит от веры.

– Как это?

– Ну, например, ты знаешь, что бабушка, моя мама, умерла в прошлом году.

– Да, и ты очень-очень горевала.

– Да, и горюю до сих пор. Но она осталась в моем сердце, а это самое главное.

Розалинда поморгала, прокручивая сказанное в юном мозгу.

– А ты видела когда-нибудь призраков? – спросила она.

– Ну, смотря что называть призраком.

– Реймонд сказал, что иногда видит призрак брата, который приходит ночью к нему в спальню.

– Это может быть игрой света, – сказала я. – Не беспокойся, бояться тут нечего.

– Слышишь, Мишка? Нам бояться нечего. – Розалинда побежала в другой конец комнаты, чтобы показать обожаемому плюшевому другу что-то на полу.

Но насколько я сама верила в то, что говорю? Как я поведу себя, если вдруг среди ночи мне явится привидение? Сойду с ума от страха? Или, если это будет, например, дух матери или отца, я порадуюсь встрече? Насколько проницаема граница между нашим миром и потусторонним? Подобным вопросам посвящались многие мои последние рассказы о привидениях – вроде того, который так нравился Гренвиллу.

В уголке моего сознания забрезжила идея нового рассказа. Героем будет дух умершего недавно мальчика, который чувствует себя ужасно одиноким и мечтает завести товарища. Однажды в доме, где он жил, поселятся новые жильцы. Что, если герой рассказа захочет отнять жизнь другого мальчика, чтобы тот скрасил его одиночество? Взяв записную книжку, я набросала план рассказа^[12], присовокупив несколько поэтических строк, пришедших вдруг в голову. Но чьи это стихи?

Какой светильник нам судьба дает,
Чтоб мы не заблудились в темноте?
– Слепую веру, – был небес ответ [\[13\]](#).

Глава 12

Эти строки звучали у меня в ушах весь вечер. Я тоже ощущала себя ребенком, блуждающим в темноте в поисках смысла, которого не было. Джина Тревельян бросилась с корабля в морские волны, и тело ее не нашли. Дугласа Грина убили в пещере, его тело хотели мумифицировать, а убийца до сих пор гулял на свободе. Вайолет Гренвилл узнала, что молодому человеку, за которого она собиралась выйти замуж, осталось жить несколько месяцев. Все это казалось бессмысленным – возможно, потому, что мы не в силах понять другого человека до конца? Может быть, все мы – лишь участники некоего тщательно спроектированного призрачного танца, обреченные общаться примитивными жестами?

Одевшись к обеду, я спустилась в ресторан, расположенный на первом этаже и выходящий окнами в сад. За столом я увидела знакомые лица Гая Тревельяна и Хелен Харт, супругов Винниат и миссис Брендел; появилось и два новых для меня человека, которых мне представили как профессора Уилбора, известного археолога, и Руперта Мэйби, его ассистента. «А в этом сборище какой смысл?» – мелькнула мысль в моей голове, настроившейся на определенную волну. Жизнь многих людей проходит беспорядочно и зачастую бесцельно. Может быть, потому я и стала писать детективные истории и потому они были популярны у читателей.

– Вы сегодня что-то очень серьезны, дорогая, – сказала миссис Брендел, сидевшая между мной и Винниатом.

– Я задумалась о том, что мне сказала сегодня дочь, – ответила я.

– Надеюсь, это было не слишком огорчительной новостью?

– Нет, лишь глупым замечанием, – бросила я, не желая вдаваться в подробности.

– И как же вы провели этот день, миссис Кристи? – спросил Винниат, держа блокнот наготове.

Но я, разумеется, не собиралась давать ему полный отчет о своих действиях.

– Без особых приключений. В основном наслаждалась благами, которые предоставляет «Таоро».

– Но мне показалось, я видел вас около пляжа... как он там называется? Мартианес?

Интересно, что еще он видел?

– Да, я прошла по берегу. Думала поплавать в море, но Густаво

посоветовал не делать этого.

– И был совершенно прав, – вставила миссис Брендел. – Ни за что не стала бы купаться там. Об этом месте рассказывают жуткие истории. Можно поплескаться в водоеме среди скал, но плавать в открытом море – боже упаси.

– У вас не было никаких интересных или, может быть, неприятных встреч во время прогулки? – спросил Винниат, посмотрев на меня твердым и жестким взглядом.

Я поняла намек: очевидно, он видел нас с Дэвисоном. Однако он напрасно ожидал от меня чистосердечных признаний.

– Простите, мистер Винниат, я не совсем понимаю, что вы имеете в виду.

– Я могу ошибаться, но мне показалось, вы гуляли в компании постояльца «Таоро».

«До чего же неприятный тип!» – подумала я, и меня укололо воспоминание об оскорблении, которое он нанес мне на «Джелрии». Миссис Брендел неодобрительно поцокала языком.

– Воображение иногда играет с людьми коварные шутки, – сказала я, любезно улыбаясь. – Особенно с писателями вашего калибра. Боюсь, мои творческие способности, в отличие от ваших, соответствуют лишь низшей ступени писательской иерархии, на которой я и топчусь.

Какой-то миг Винниат казался обескураженным, но затем его лицо выразило крайнее удовлетворение. По-видимому, он был слишком туп, чтобы уловить иронический подтекст в моих словах.

– Вот в этом и беда литературы, понимаемой только как развлечение, – подхватил он. – Страсть к сочинению фабулы действует как токсичная примесь. Ну а детективный жанр – это, естественно, низшая форма популярного чтения.

– Ну уж! – фыркнула миссис Брендел.

– Я не стала бы... – пробормотала я, покраснев, но меня прервал громкий и уверенный голос с противоположного конца стола.

– Не знаю, как вам, а мне детективы с убийствами нравятся ничуть не меньше, чем остальным смертным, – сказал писателю сидевший рядом с ним Тревелиян. – Почему бы вам не расспросить меня, как я провел день? Я уверен, вас многое заинтересовало бы. Но у моих историй могут быть подводные камни, так что приготовьтесь заранее.

Подмигнув мне, Гай начал рассказывать Винниату, что изменилось в долине Оротава со времени его последнего визита, поделился впечатлениями о некоторых постояльцах отеля и мнением о работах Хелен

Харт, а затем перешел к сугубо техническим вопросам геологических изысканий. Прозвучали такие термины, как подпочва, базальтовые скалы и разломы. Миссис Брендел, отвернувшись от Винниата, шепотом поделилась со мной мнением о писателе. Она сказала, что ее отношение к нему изменилось. Его грубость беспардонна. Ей гораздо приятнее прочитать нормальную историю с началом, серединой и финалом – который в детективных романах бывает весьма занимательным, – нежели простое описание бытовых подробностей. Что в этом интересного?

– Я хотела, чтобы он записал мои воспоминания о том роковом круизе, но теперь, после того как он так грубо обошелся с вами, я, наверное, не стану этого делать. Я думаю, он просто завидует вам, дорогая, так что не обращайтесь на него внимания. На «Титанике» был один человек вроде него. Послушали бы вы, что он говорил. Ему не удалось спастись. Утонул вместе со многими пассажирами из высшего общества, когда корабль пошел на дно. И было только справедливо, что... – Она продолжала в том же духе, рассказывая о трагической судьбе разных пассажиров «Титаника», пока не посмотрела налево. – Боже, до чего он довел бедного Гая! – произнесла она озадаченно. – Ему и без того столько досталось. Это никуда не годится.

Взгляд Тревельяна устремился в невидимую точку перед ним – не то на бокал, не то на нож или вилку. Заметив некоторое замешательство гостей, Хелен Харт пристально взгляделась в Гая.

– Дорогой, с тобой все в порядке? – прошептала она.

Тревельян не ответил; Винниат продолжал строчить в блокноте.

Хелен медленно поднялась и, встав за спиной Тревельяна, стала поглаживать его по плечу.

– Гай?

– Да, все хорошо, не беспокойся, – сказал наконец Гай, не отрывая взгляда от стола. – Я задумался о Джине, вот и все. Давай потанцуем. – Он встал и, не дав Хелен возможности что-либо возразить, повел ее в танцзал. Вслед за ними туда же устремились супруги Винниат. Мы с миссис Брендел остались за столом, как две старые девы. Я уже начала уставать от болтовни пожилой дамы, но тут мне на выручку пришел профессор Уилбор, толстяк лет пятидесяти с красным лицом, копной спутанных седых волос, нечесаной седой бородой и добрыми глазами цвета крыжовенного компота.

– А вы не хотите потанцевать? – спросил он меня.

Танцевать мне хотелось меньше всего, но альтернативой была все та же песня о «Титанике». Того, что я уже выслушала об этом судне, должно было хватить мне до конца жизни. К тому же у меня были важные вопросы

к профессору.

– Спасибо, с удовольствием, – ответила я, вставая и принимая его протянутую руку.

Но Уилбор не повел меня в танцзал к другим качавшимся под музыку парам, а указал вместо этого на своего ассистента.

– Но что это я? – произнес он. – Вы должны танцевать не со мной, а с моим коллегой. Разрешите представить вам мистера Руперта Мэйби, одного из лучших молодых археологов во всей Англии. Не знаю, чем его удовлетворяет работа под началом такого бестолкового старика, как я, но пока что он трудится со мной. Руперт, познакомьтесь с миссис Агатой Кристи.

Мэйби встретил предложение профессора без особого энтузиазма.

– Очень приятно, – произнес он безразличным тоном.

Он был на несколько лет моложе меня, красив, с правильными чертами лица и темными, зачесанными назад и приглаженными волосами. В нем чувствовалась жизненная сила и вызывающая мужественность. Держался он сдержанно и независимо и пошел со мной на танцпол, не глядя на меня.

– Вы давно работаете у профессора Уилбора? – спросила я, когда мы ступили на танцплощадку.

– Два года, – ответил Мэйби, глядя поверх моего плеча.

Танцевал он так же, как и держался со мной, – по-деловому, без эмоций.

– Должно быть, изучать культуру гуанчей очень интересно. Я слышала, у них был обычай мумифицировать умерших. Это правда?

– Да, правда.

– Как у египтян?

Ответом был лишь слабый кивок.

– Надеюсь, вы не заподозрите меня в склонности к некрофилии, я пишу о преступлениях и потому интересуюсь погребальными обычаями и ритуалами.

– Вот как?

Он смотрел на меня как на бесполоую даму средних лет и даже не старался скрыть этого.

– Прошу прощения за настырность, но не скажете ли, в чем заключается процесс мумификации?

– Тело обмывают, – начал он просвещать меня абсолютно бесстрастным тоном, – удаляют внутренние органы, тело смазывают специальными мазями и окуривают дымом ароматической древесины.

– И много мумий вы нашли на острове?

– Достаточно.

С каждым па мне все больше хотелось поскорее закончить танец.

– Я была сегодня в пещере гуанчей, – сообщила я ему.

– Да?

– В той, что в скале над пляжем Мартианес.

Я почувствовала, как вдруг одеревенели его руки и плечи, и какой-то миг мне казалось, что он остановится и выпустит меня из объятий, а я упаду на пол. Он взглянул на меня так, будто раньше не видел, и продолжил вести. Однако дыхание его, похоже, участилось.

– И что же вы там нашли? – бросил он резким и насмешливым тоном. – Парочку черепов? Кажется, за этим охотятся туристы? Страшно подумать, сколько их похитили. Украшают теперь, небось, гостиные в пригородах Кройдона и Пёрли.

– Увы, черепов не удалось найти, – произнесла я с большим сожалением и сделала паузу, чтобы помучить мистера Мэйби.

На его верхней губе и на лбу выступили капельки пота. Мне казалось, что от него исходит слабый запах страха.

– А... что-нибудь другое нашли?

– Я слышала, там недавно обнаружили труп, – сказала я вместо ответа.

– Да, – ответил он.

– Говорят, его обнаружил профессор Уилбор.

– Да, он.

– А вы были тогда вместе с ним?

– Был.

– Это, наверное, было очень неприятно для вас, – заметила я мягко. – Все эти...

Он остановился и отпустил меня.

– Вы не возражаете, если мы сядем? – спросил он. – Простите, я что-то чувствую себя не очень...

– Конечно, конечно, – ответила я с большим облегчением.

Он провел меня по краю танцплощадки к нашему столу. Миссис Брендел к этому времени отправилась спать, профессор Уилбор сидел в одиночестве. Увидев нас, он недоуменно спросил:

– Что это вы так рано? Я думал, вы там наслаждаетесь жизнью.

– Я вдруг почувствовал себя неважно, – объяснил Мэйби. – Наверное, из-за воды, которую я выпил сегодня из источника.

– Дорогой мой, садитесь скорее и отдохните.

– Я, пожалуй, лучше пойду к себе, если вы не возражаете. Мне очень неловко, но я что-то совсем расклеился. – Вид у него и вправду был

больной и бледный, на лице выступил пот.

– Ну разумеется, – ответил Уилбор. – Сообщите мне утром, как вы будете себя чувствовать. Я могу продолжить раскопки возле Маль-Пэ и без вас.

После ухода Мэйби я подседа к профессору. Мы поболтали о доме в Пуэрто-Оротаве, где он жил с молодым коллегой, об истории «Таоро» и о здешнем климате, а затем я стала расспрашивать о его призвании. Уилбор любил археологию за то, что она позволяла видеть, как возрождается прошлое. Раскрытие разных исторических эпох, лежащих у тебя под ногами, изучение жизненного уклада и обычаев древних культур приносит большое удовлетворение.

Я сказала в ответ, что полностью согласна с ним, и призналась в любви к Британскому музею. Уилбор поведал мне об увлечении культурой гуанчей и о своей мечте – восстановить их забытый ныне язык. Он продемонстрировал, как, по его мнению, могли говорить гуанчи, издав серию звуков, в которой забавный свист сочетался со странными шумами. Я выждала какое-то время, пока он развлекался, а затем повернула разговор в сторону, которая интересовала меня в первую очередь.

– Надеюсь, мистеру Мэйби завтра станет лучше, – сказала я. – На него, похоже, сильно подействовали мои слова о пещере гуанчей – той, что около пляжа Мартианес. Я была там сегодня.

Профессор Уилбор нахмурился.

– Ах вот в чем дело. Понятно, – сказал он, поглаживая бороду. – Очевидно, вы заговорили с ним о трупe, который мы нашли в пещере?

– Да, я спросила его об этом. Боюсь, это было бесцеремонно с моей стороны. Наверное, зря я затронула эту тему. Мне очень жаль.

– Но вы же не знали... – произнес он рассудительно.

– Чего не знала?

Уилбор потупился и, казалось, не нашелся с ответом.

– Профессор, что все это значит?

Он растерянно молчал, затем выпалил, сердясь на самого себя:

– Вот черт, я же не должен был говорить об этом. – Его большие крыжовенные глаза покраснели. – Ну кто дергал меня, дурака, за язык?

– Я дергала, так что вы напрасно вините себя.

– Мэйби первым обнаружил тело, и это очень сильно на него подействовало, – сказал профессор, нервно ломая пальцы.

– Действительно, найти мертвого человека в таком состоянии – это, должно быть, страшно, – согласилась я.

– Так вы знаете, что его пытались мумифицировать?

– Да. Ужасно. Представляю, вам-то какво было увидеть подобное.

– Это было настоящим ударом. Произошло это рано утром. Перед этим мы несколько недель работали в другой пещере неподалеку. Нашли кучку черепов гуанчей, кости, осколки доисторической керамики и решили перейти в эту пещеру рядом с Мартианесом. Мэйби вошел первым. У него был фонарь, и когда луч осветил то, что лежало на земле, он отшатнулся и был так потрясен, что согнулся пополам. Я решил, что его тошнит. Он жестом пригласил меня взглянуть на находку. Я подошел ближе и увидел это. Наверное, нельзя это так называть – все-таки это был человек, хоть и мертвый. Я до конца дней буду помнить выражение его лица. Многие воспринимают мумии как искусственные неодушевленные предметы. Но археолог должен помнить, что они были когда-то людьми и дышали, как и мы с вами. Однако простите, меня унесло в сторону.

– Нет-нет, я думаю, это чрезвычайно важно. А что именно вы увидели?

– Жуткую гримасу на лице, какую даже трудно вообразить. Словно он все еще чувствовал боль, сковавшую его, когда на него напали, и тот, кто хотел мумифицировать его, навсегда запечатлел ужас, охвативший беднягу в миг смерти.

– Какой кошмар! Кто способен совершить такое?

Профессор помолчал.

– Не могу представить себе. И будто этого было мало... Бедный Руперт.

– Что же еще?

– Кожу убитого покрывало клейкое темное вещество. Сначала мы приняли его за кровь, но позже выяснилось, что это сок драконова дерева. На воздухе этот сок краснеет и выглядит точь-в-точь как кровь. Вы знаете, конечно, что гуанчи использовали его для мумифицирования, но не наносили на кожу.

– Понятно.

– Разумеется, мы оба были потрясены. Но когда я более-менее пришел в себя, то увидел, что Руперт все еще лежит на земле, стонет и плачет; его даже рвало. Это был настоящий припадок. Ему не раз приходилось видеть мертвецов, и я понял: тут что-то особенное, что-то личное. – Профессор прокашлялся и выпил воды. – Я не сразу понял, в чем дело, потому что не узнал мертвого. Но Руперт-то узнал его с первого взгляда – ведь Дуглас Грин был его братом.

Глава 13

– Как братом? Ничего не понимаю. То-то ему стало плохо, когда я заговорила об этом. Ужасная бестактность. – Я почувствовала, как краска заливает мое лицо и шею.

– Ну, вы же не знали – и не должны были знать, – сказал Уилбор. – Точнее, они были братьями только по отцу, а матери у них разные. Их отец, Патрик Мэйби, был ботаником. Лет тридцать назад он приезжал на Тенерифе изучать местную флору, а заодно и фауну и встретил здесь красавицу-испанку Франческу. Плодом их любви, так и не узаконенной браком, стал мальчик, Дуглас. Мать его умерла во время родов, и решили, что будет лучше, если Дугласа воспитает мать Франчески вместе с ее дочерьми. Патрик вернулся в Англию, где женился на девушке из знатной девонширской семьи. Кажется, ее звали Люсинда. Спустя несколько лет у них родился сын Руперт. Патрик посылал деньги семье бывшей любовницы, а когда Дуглас вырос, оплатил его обучение в католическом пансионе на севере Англии. Таким образом, братья росли, не зная о существовании друг друга.

– Но подождите, как же... – Вопросы метались у меня в голове, словно пули в замкнутом бронированном пространстве. Я вспомнила, что говорил Дэвисон о реакции родителей Дугласа, когда он сообщил им о гибели сына. Мне тогда показалось странным, что мать стоически перенесла известие, в то время как у отца был нервный коллапс. Теперь причина прояснилась. – Но почему у них разные фамилии: один Грин, а другой Мэйби?

– Это просто. Испанская фамилия матери Дугласа – Верде, и когда мальчика отдавали в пансион, то сочли за лучшее выдать его за англичанина и перевели фамилию на английский^[14].

– И вы говорите, что братья ничего не знали друг о друге?

– Да, не имели представления. Дугласу сказали, что его отец был англичанином и утонул, купаясь возле пляжа Мартианес; им якобы была выделена сумма на образование сына. О Патрике Мэйби и его связи с Франческой на Тенерифе знали только ее мать и сестры. После смерти сеньоры Верде ее дочери, кажется, переехали в Испанию.

– Но братья все-таки встретились?

Профессор Уилбор достал носовой платок из нагрудного кармана и вытер вспотевшее лицо. Выглядел он так, будто очнулся от странного сна.

– Ох, я и так уже слишком разговорился – словно старая сплетница, –

ответил он. – Зачем я рассказываю вам все это?

– Так ведь... – начала я, но меня прервали вернувшиеся к столу Гай Тревельян и Хелен Харт.

Танец вернул их к жизни, они смеялись. Гай спросил профессора, что тот предпочитает: коньяк или ликер, и они стали оживленно обсуждать горные породы, всевозможные отложения в них и тому подобные вещи.

– Чтоб этому Винниату с его идиотскими вопросами! – сказала Хелен. Она жестом предложила мне сесть ближе и поговорить. – Это просто свинство, вы согласны?

подавив в себе досаду по поводу их с Гаем возвращения как раз в тот момент, когда Уилбор собирался сообщить что-то важное, я попросила Хелен уточнить, что она имеет в виду.

– Я уверена, вам по горло хватило неприятностей в прошлом году, когда вы исчезли, а по вашим следам кинулась свора газетчиков, словно охотничьи собаки за лисой. И меньше всего, я думаю, вам хочется отвечать на вопросы об этом.

– Да, это и впрямь действовало на нервы, – ответила я, чувствуя, что краснею. – Это одна из причин, почему я приехала сюда. Хотелось отдохнуть от всего.

– А сейчас вас это не угнетает? – спросила Хелен, наклонив голову набок; ее белокурые волосы спадали на лицо. Посмотрев на меня пронизательно, она продолжила: – Сегодня за столом Винниат сказал что-то, страшно расстроившее Гая. Вы, случайно, не слышали, что именно?

– Боюсь, нет. Я разговаривала с миссис Брендел.

– Он, мерзавец, не хочет мне говорить – наверное, чтобы не огорчать, – сказала она, глядя на Гая с ласковой усмешкой. Затем, понизив голос, добавила: – Наверное, Винниат ввернул что-нибудь насчет Джини.

– Ничего удивительного, если это расстроило Гая. А почему бы вам не спросить самого Винниата?

– Он вроде бы пошел в номер – наверняка чтобы записать все «для потомков». – Она так похоже изобразила напыщенность Винниата, что я улыбнулась.

– А как вы познакомились с Винниатами?

– С Говардом и Дейзи? Да как-то разговорились в первый же день на «Джелрии». Я уверена, за его высокомерной позой скрывается нечто отнюдь не такое безобидное. Бывают подобные люди – в глубине души совсем не такие, какими кажутся. Вы согласны? – Она опять пристально воззрилась на меня, словно пытаясь просверлить меня насквозь, проникнуть в мой мозг.

– Да, я согласна, бывают.

– А в вас есть что-нибудь скрытое от посторонних глаз?

– Я убеждена, что в каждом есть, – ответила я, откинув упавшую на глаза прядь волос. – Мы были бы смертельно скучны, если бы исчерпывались тем, что лежит на поверхности.

– Так что вы скрываете?

Я замялась.

– Ну полно, миссис Кристи. Вам ведь известно все обо мне и Гае после той сцены – а точнее, сцен, которые я закатывала на «Джелрии». Так что теперь ваша очередь раскрыть карты. В частности, с какой целью вы приехали сюда? Мы с Гаем поспорили на этот счет. Признавайтесь.

– Ну, как вы знаете, я пережила в конце прошлого года неприятный период.

– Да-да. Так что же с вами произошло? Откровенно говоря, все это выглядело очень странно. Я не верила, что у вас был приступ амнезии, как писали в газетах. Это чушь.

– Да, газеты печатали уйму чепухи, но это как раз было правдой. Врачи считали, что приступ спровоцировала смерть моей матери, и мой творческий застой, и то, что... что...

– Что ваш распутный муж изменял вам. Это была, кажется, его секретарша?

– Не совсем...

– Но если вы потеряли память, то непонятно, как вам удалось тогда проделать все эти вещи. К примеру, в Харрогейте вы...

Она зашла уже слишком далеко. Надо было остановить этот допрос.

– Боюсь, я не могу ответить вам. Врачи запретили мне вспоминать это. Так что прошу прощения.

– Не хотите говорить об этом? Я понимаю вас, очень хорошо понимаю. – Помолчав, Хелен достала небольшой портсигар, инкрустированный перламутром, зажгла сигарету, затянулась и выпустила струю дыма в моем направлении. – Ну, мне пора отправляться на боковую. Завтра предстоит сделать очень многое в студии. – Она взяла украшенную редкими камнями сумочку и встала, но, прежде чем подойти к Гаю, добавила: – Винниат сказал, что видел вас сегодня на берегу с неким белокурый джентльменом, который тоже был на борту «Джелрии». Романтическое знакомство на океанском лайнере?

– Нет-нет, это совсем не то, что вы думаете.

– Не беспокойтесь, я не выдам ваш секрет. Не мне судить и рядить об этом, как вы понимаете.

Хелен взяла Тревельяна под руку и, собираясь покинуть ресторан с ним и профессором Уилбором, обернулась ко мне с торжествующей улыбкой. Как она, по-видимому, считала, ей удалось добыть информацию, которая позволяла думать, что мы с ней одного поля ягоды и что наши желания, потребности и грехи совпадают.

– Любовь превращает всех нас в преступников, – прошептала она на прощание и послала мне загадочную улыбку сфинкса.

Глава 14

Я проснулась, чувствуя себя такой же сбитой с толку, какой была на «Джелрии», и вдобавок нетвердо стоящей на ногах, как во время качки, – правда, не в физическом смысле, а в моральном. Словно какая-то посторонняя сила играла со мной, опрокидывая мои умственные построения. Приходилось пересматривать все, что я считала окончательно установленным фактом.

Слова профессора Уилбора заставили меня вновь усомниться в Дэвисоне. Знал ли он, что Грин и Мэйби были братьями? По идее, не мог не знать, раз был так близок с Грином. Но почему тогда не сказал мне? Что он хотел скрыть? Уилбор нервничал из-за того, что рассказал мне историю братьев. Но чего или кого он боялся? Может быть, Гренвилла? Может быть, он как-то зависел от специалиста по черной магии? Любопытно, между прочим, что Уилбор ни разу не упомянул Гренвилла в разговоре. А Винниат? Что он видел и что ему было известно о моих отношениях с человеком, которого я, по его мнению, впервые встретила на пароходе? Мог ли он знать, кто такой Дэвисон и с какой целью мы прибыли на Тенерифе? А Хелен Харт? Она что-то подозревала, но наблюдения Винниата, как я надеялась, сбили ее со следа.

Горничная принесла утренний чай. За чаем я раздумывала над словами, брошенными Хелен напоследок. Я думаю, она была в значительной степени права. Любовь может превратить человека в преступника, а может и свести с ума. Я думала о реакции Вайолет на известие о болезни Эдмунда, об угрозе покончить с собой, если ей не дадут выйти за него. Я вспомнила Джину Тревельян перед прыжком в воду и сцены, которые поначалу устраивали Хелен Харт и Гай Тревельян, пока не справились с потрясением, горем и чувством вины в связи с гибелью Джины. Пришел мне на ум и Дэвисон, с грустью вспоминая друга. Я подумала даже и о своих чувствах к Арчи, с которым собиралась прожить до самой смерти.

Как может любовь, которая считается волшебным чувством, возвышающим человека и даже божественным, разрушать жизни, превращать нас в дикарей?

– Мама, мама! Ты не спишь? – вскричала Розалинда, ворвавшись в мою спальню.

Она запрыгнула ко мне в постель, и я почувствовала, какая у нее

гладкая, мягкая и теплая после сна кожа.

По крайней мере, этот вид любви – чистая любовь матери к дочери – казался свободным от осложнений, которыми пестрят интимные отношения. Однако встречаются матери, теряющие с возрастом красоту и привлекательность и потому с ревностью относящиеся к красоте дочерей. Я знала вдову, которая не могла простить дочь за то, что она вышла замуж за богача, в то время как у матери впереди была одинокая старость и нужда. А сколько проблем возникало во взаимоотношениях отцов и сыновей! Да любые человеческие отношения очень сложны и этим интересны. Это как раз и делало их таким богатым материалом для писателя. Мне вспомнился пренебрежительный отзыв Винниата о детективном жанре. Этот самоуверенный тип ничего в литературе не понимал. Взять, к примеру, самые великие, общепризнанные шедевры мировой литературы. Чем были «Орестея», «Гамлет», «Холодный дом», «Герцогиня Мальфи», если не блестящими историями с детективным сюжетом? В голове у меня прозвучали строки из трагедии Уэбстера: «В глазах мутится. Ей лицо закрой! Да, молодою умерла она...»^[15] Интересно, почему этот патетический отрывок вспомнился сейчас?

– Мама, а можно я поиграю сегодня с Реймондом? – спросила Розалинда из-под кокона-одеяла, в котором она лежала, как в материнской утробе.

– Конечно можно, дорогая. Мы приехали сюда отдыхать, и потому можешь заниматься чем хочешь.

– Он притворяется, что ему не грустно, но так не может быть. Наверно, он иногда грустит, как и его гувернантка мадам как-то там – не могу произнести ее имя. Реймонд должен ведь грустить по брату, правда?

– Да, конечно. И ты поступаешь очень хорошо, стараясь подбодрить его.

– Я пойду и скажу Карло, – произнесла Розалинда, выскочила из постели и убежала в соседнюю комнату.

Я умылась, оделась и позавтракала на террасе внизу. После этого я сделала кое-какие записи для нового романа, чувствуя на лице тепло солнечных лучей. Вдали, как тень смерти, возвышался Тейде. Я вспомнила слухи о страшных замыслах Гренвилла, переданные мне Дэвисоном. Неужели это правда? Меня пробрал озноб, несмотря на то что температура воздуха все возрастала. Как бы выяснить намерения Гренвилла? Через Вайолет? Но предаст ли она отца? Она, безусловно, злилась на него за отказ дать согласие на брак с Эдмундом Фоссе. А если я уговорю ее помочь мне, захочет ли она открыть все, что знает об убийстве Дугласа Грина? Или

действовать по-другому? Гренвилл говорил, что ему нравятся мои рассказы о сверхъестественном. Поверит ли он, если я скажу, что мой интерес к сверхъестественному вышел за рамки литературы?

* * *

Все утро я работала с Карло над романом. Я диктовала, она печатала. Однако никакого энтузиазма работа у меня не вызывала. Карло видела, что мне не по себе, и бросала на меня озабоченные взгляды, думая, что я не замечаю. Мне оставалось только говорить о том, что роман меня не вдохновляет, и это было правдой: в «Тайне „Голубого экспресса“» чего-то не хватало – импульса к развитию действия, энергии, яркости изображения? Но дело было не только в этом. Розалинда то и дело приставала с вопросами, не давая мне сосредоточиться. Был момент, когда я потеряла терпение: она вбежала к нам уже в пятый или шестой раз, спрашивая, не пора ли ей идти играть с Реймондом. Я прогнала ее, и она ушла в слезах.

– Ах, если бы я могла спокойно отдыхать, как все остальные! – вздохнула я. – Это было бы райское блаженство.

– А книга не может подождать? – спросила Карло.

– Увы, нет. Отныне мы не можем рассчитывать на материальную помощь со стороны мистера Кристи.

– Да, это вряд ли, – согласилась она.

– Но я не собираюсь сдаваться. Закончу этот роман даже ценой собственной жизни.

– Нельзя говорить такие вещи, – заметила она серьезно.

– Это всего лишь фигуральное выражение.

– Все равно не стоит искушать судьбу.

– Да ерунда, – бросила я чуть раздраженно. – Думаю, на сегодня хватит, ты согласна? Я приглашена на чай. Ты не посмотришь за Розалиндой?

– Разумеется, посмотрю, – ответила Карло, не глядя на меня. Я поняла, что она обиделась на мою резкость. – А к кому ты идешь?

– Ты их не знаешь, – отмахнулась я, чем еще больше обидела Карло. Надо было извиниться. Я объяснила, что это пожилой отец с дочерью, живущие на острове, и добавила со слезами на глазах: – Прости меня, Карло, я не хотела тебя обидеть. Просто я...

Шарлотта подошла ко мне и прижала к груди, как маленького ребенка.

– Я понимаю, – произнесла она мягко. – Тебе все еще тяжело из-за...
прошлого года.

Она была права, хотя и не знала, что мне уже пришлось пережить и
что еще, скорее всего, придется.

– Спасибо тебе, Карло. Не знаю, что бы я без тебя делала.

Глава 15

Я шла через парк к коттеджу Маль-Пэ, а перед глазами у меня стояло лицо Шарлотты, моего ангела-хранителя. Я убеждала себя, что Гренвилл – всего лишь любитель жутких спецэффектов, никакими оккультными способностями он не владеет и темными силами не управляет. Тем не менее мне было не по себе из-за встревоженного взгляда, который бросил на меня Густаво, когда я спросила дорогу к Маль-Пэ, а также из-за вспомнившихся фрагментов подслушанного разговора между Гренвиллом и его дочерью.

Мне довелось побывать на паре спиритических сеансов, где использовали «говорящую доску» уиджа, однако я не могла полностью заглушить свой скептицизм относительно идеи общения с духами. К тому же вся эта нарочитая театральность – приглушенный свет, загадочные постукивания, таинственные голоса – не вдохновляла меня. И все же, все же... возможно, в этом что-то было? Я не сомневалась, что у некоторых людей – таких, как моя мать, например, – инстинктивное понимание вещей было развито лучше, чем у других. Однако мама относилась к людям и всему окружающему абсолютно доброжелательно, а что, если человек, обладающий подобными способностями, захочет обратить их на службу зла? Такая возможность поистине пугала.

Мы с Дэвисоном договорились встретиться у ворот Маль-Пэ, но мне не хотелось видеть его. Как я могла принимать участие в расследовании убийства, если он скрывал от меня важные сведения? Мне вспомнился неприятнейший момент во время танца с Рупертом Мэйби. Я сделала несколько глубоких вдохов, но злость на Дэвисона не прошла. Он держал в тайне от меня тот факт, что Дуглас Грин был его близким другом, но это я могла понять. Тут была поставлена на карту его репутация, вся его карьера. Если бы это стало известно какому-нибудь бессовестному шантажисту или так называемым поборникам нравственности вроде полиции, ему грозила бы тюрьма, вся его жизнь могла рухнуть. Но зачем скрывать, что Дуглас Грин и Руперт Мэйби были братьями? Я решила высказать Дэвисону все, что думаю по этому поводу, даже если это означало бы конец нашей дружбы.

Я прошла предельно окультуренную часть парка и углубилась в настоящие дебри. По-видимому, здесь предоставили полную свободу всей растительности – опунции, кактусам, фиговым деревьям и стелющимся

пальмам. Тропинка вывела меня к высоким кованым воротам поместья Маль-Пэ, возле которых ждал Дэвисон. Я не хотела смотреть на него и не ответила на улыбку.

– Агата, у вас все в порядке? – спросил он.

– Да, благодарю вас, все замечательно, – ответила я холодно.

– Ох, в чем я провинился на этот раз?

Не было смысла злиться, отмалчиваясь.

– Почему вы не сказали, что Дуглас Грин и Руперт Мэйби были братьями? – спросила я, понизив голос, чтобы нас не подслушали.

– Понятно... – протянул Дэвисон, посерьезнев. – Значит, вы уже выяснили это. – Он тоже говорил шепотом.

– Да, выяснила. Я не понимаю, за кого вы меня принимаете?

Он не ответил.

– Слушайте, – продолжила я, – у меня лично нет необходимости прохладиться здесь. Я могу завтра же перебраться в Санта-Крус и дожидаться ближайшего парохода, направляющегося в Англию. Мне надо заканчивать книгу, а не тратить время впустую.

– Да, надо было сказать вам. Простите.

– Так почему же вы не сказали? Вы хотите что-то скрыть от меня?

– Вы знаете, что это не так, – возразил он, слегка покраснев. Глубоко вздохнув, он взъерошил пятерней волосы. – Понимаете, я хотел, чтобы вы посмотрели на дело свежим взглядом, непредвзято, а знание некоторых подробностей могло этому помешать.

– По-моему, знание подробностей только помогает расследованию. А так я попала в очень неловкое положение. Танцуя с Рупертом Мэйби, я сказала, что была в этой пещере, и стала расспрашивать его о том, как они с профессором Уилбором обнаружили тело. Бедняга страшно побледнел, ему пришлось покинуть ресторан и вернуться в номер. Я чувствовала себя черствой, бессердечной дурой.

– Да, но есть вещи, о которых я не сообщил вам намеренно, так как...

В это время ворота распахнулись, за ними возвышалась массивная фигура Гренвилла, гостеприимно раскинувшего руки. Его широкая улыбка обнажала гнилые зубы.

– Buenas tardes y bienvenidos^[16], – произнес он на безупречном испанском. – Прошу вас, заходите.

Улыбаясь несколько натянуто – не слышал ли он наше перешептывание? – мы вошли в огромный, огороженный стеной сад. Он производил впечатление тропического рая и представлял собой ботанический сад с устремленными к небу высокими разросшимися

растениями, яркими до неестественности цветами и другими представителями экзотической флоры, о которых я понятия не имела. В саду порхали бабочки величиной с небольшую птичку, воздух вибрировал от жужжания насекомых. Мы были поражены, и Гренвилл с удовлетворением отметил это.

– Согласитесь, сад у меня незаурядный, – говорил он, ведя нас аллеей среди кустов олеандра с белыми и розовыми цветами. – Когда я впервые прибыл на остров лет пятнадцать назад, здесь был пустырь. «Маль пэ» в переводе с португальского значит «плохая земля».

– Вам, должно быть, пришлось потрудиться, чтобы создать все это, – заметил Дэвисон.

– Это точно. Я снял верхний слой грунта и насыпал вместо него плодородную землю. Но знаете, в чем был секрет успеха?

Мы вопросительно посмотрели на него.

– В крови и костях. Да, в крови и костях. – Он наблюдал за нашей реакцией. Мы ничего не сказали, и Гренвилл добавил: – В этом, в принципе, нет ничего необычного. Однако в данном случае... – Стремясь заинтриговать нас, он не закончил фразу. – Да, повозился и с планировкой, и с возделыванием растений. У нас большое разнообразие прекрасных видов. – Он указал на листья кариссы и на расположенные в строго определенном порядке клумбы с другими растениями. – Вот артишок испанский, труба ангела, калла, лантана, рождественский цветок, белена, болиголов.

Последнее название напомнило мне о смерти Сократа, и я сразу осознала истинную природу «райского сада». Он был царством зла.

– Я вижу, миссис Кристи, что вам знакомы свойства этих растений, – сказал Гренвилл, пристально глядя на меня.

– Думаю, да. Все эти растения способны оказывать вредное воздействие на организм человека.

– Именно так. К примеру, болиголов – или, по крайней мере, данная его разновидность, болиголов пятнистый, – действует на нервную систему наподобие кураре, вызывая паралич мышечной системы и смерть вследствие того, что кислород не поступает в мозг и сердце. Для этого достаточно употребить с пищей шесть-восемь листьев растения. Захватывающе, не правда ли? Из ваших книг видно, что вы разбираетесь в этих вопросах, и я рад, что мое хобби вам не чуждо.

– Да, это действительно захватывает, – пробормотала я, стараясь не показать, как это меня ужасает.

– А вот и милая клещевина, – указал он еще на одно растение. – На вид

такая безобидная, а касторовое масло, которое добывают из семян, прописывают в качестве тонизирующего средства детям и инвалидам, однако ее семена содержат рицин. Если съесть – или, точнее, пожевать эти безобидные семена, то во рту почувствуешь сильное жжение, а в желудке острую боль. Затем наступает интенсивное обезвоживание и падение кровяного давления, что приводит к апоплексическому удару и смерти через три-четыре дня. Да, это поистине могучая малышка. – Он с гордостью огляделся. – У меня здесь, можно сказать, настоящий клад для отравителя. А для меня и моих близких это верное защитное средство. Я, конечно, не собираюсь прибегать к таким крайностям, однако приятно сознавать, что у тебя есть оружие – на всякий случай.

Я подумала о моем небольшом комплекте ядов, надежно упрятанном в запертом чемодане в отеле. Я надеялась, что они никогда больше мне не понадобятся.

Гренвилл провел нас по аккуратно выложенным дорожкам сада к скалистому холму. Поднявшись, мы увидели под собой рожицу драконовых деревьев, чьи ветви тянулись вверх в разных направлениях, образуя полог наподобие большого купола.

– Замечательный ассортимент драконовых деревьев, – заметил Дэвисон. Вчера он проявил себя как знаток цивилизации гуанчей. Сегодня выяснилось, что он разбирается в ботанике. Прямо специалист-универсал. – А их «кровь», как известно, издавна находит разнообразное применение.

Было ясно, к чему он клонит. После того как из тела Дугласа Грина выпустили кровь, его окрасили красным соком драконника. Я внимательно наблюдала за реакцией Гренвилла, но его жабье лицо не выразило никаких чувств.

– Да, его использовали для лечения слезящихся глаз, локальных ожогов и дизентерии, при появлении крови в слюне и прочих аномальных явлениях, – сказал Гренвилл. – Так что нельзя сказать, будто мой сад – только набор отравляющих веществ. Я, конечно, выращиваю все это в собственных целях. К примеру, из сока драконовых деревьев я изготовил чернила, которые успешно употребляются с магическими печатями и талисманами. Кроме того, сок, похоже, усиливает действие некоторых заклинаний. – Гренвилл взглянул на Дэвисона, затем на меня. – Надеюсь, вас не пугает то, что я говорю? Я уверен, вы достаточно опытные и образованные люди, чтобы правильно понять все тонкости дела, которым я занимаюсь. Обо мне пишут много выдумок и клеветы. Я мог бы возбудить судебное дело против некоторых печатных изданий и отдельных личностей,

но, согласитесь, это было бы признанием правоты буржуазного образа мыслей, который противоречит самому духу моей профессии. Но почему бы нам не зайти наконец в дом и не продолжить беседу за чаем? Вайолет пока нет, но она должна скоро вернуться.

* * *

Мы последовали за Гренвиллом по обсаженной пальмами аллее к громадному особняку. Его построили скорее в испанском стиле, нежели в английском. Вдоль всей веранды тянулась аркада, на втором и третьем этажах устроили галереи, искусно отделанные резным деревом и украшенные яркими цветами в горшках. Пройдя через портал, мы оказались во внутреннем дворике, мощенном белым мрамором. В центре дворика росла высокая стройная пальма. Двор окружали два яруса опирающихся на колонны галерей, изготовленных из темного дерева, на котором были вырезаны разнообразные сценки и пейзажи. По периметру дворика стояли горшки с экзотическими растениями, в том числе с райской птицей, усыпанной яркими оранжево-фиолетовыми цветами, и каким-то цветком, бесстыдно выставлявшим красную мясистую плоть с ярко-желтой тычинкой посередине.

– Я вижу, вам нравится причудливая красота моего антуриума Андре, цветка-фламинго. Благодаря красным овальным лепесткам и торчащей желтой тычинке он сочетает признаки мужского и женского полов.

– У вас совершенно необыкновенный дом, – сказала я, чтобы сменить тему.

– Благодарю вас. Большею частью он сохранился с конца семнадцатого века. Балки сделаны из канарской сосны, на колоннах довольно интересная резьба. Но давайте оставим это до следующего раза, а сейчас мне хотелось бы, чтобы вы, миссис Кристи, рассказали о своем интересе к сверхъестественному. Садитесь, пожалуйста.

Мы уселись в плетеные кресла, расставленные в лоджии первого этажа. Худая и бледная пожилая испанка, измученная, судя по виду, заботами, вынесла серебряный поднос с чайным сервизом.

– Откуда у вас возникло это увлечение? – спросил Гренвилл, устремив на меня взгляд.

Я сообщила ему об интуиции моей матери, о ее необыкновенном даре угадывать, что думают близкие; вспомнила, как, прочитав рассказы Мэй Синклер, пробовала написать что-нибудь в такой же манере. Упомянула я и

своего знакомого Уилфрида Пири, который пытался просветить меня в области теософии, но я вовремя поняла, что это бесполезно. Он рассказывал забавные истории о двух молодых женщинах-медиумах. Некоторые анекдоты оказывались слишком смешны, чтобы быть правдой, и в результате я перестала серьезно относиться ко всему, что говорил Пири.

– Однако в вас, мистер Гренвилл, есть, как мне кажется, что-то особенное, – заявила я. – Хотя мы с вами еще почти не общались, я чувствую, вы наделены уникальным даром.

– Благодарю вас, дорогая моя, – отозвался он. – У меня такое же чувство в отношении ваших способностей. Я ощущаю, что вы обладаете большим запасом нерастроченной энергии медиума.

– Вы так думаете? Но я не знаю, как ее употребить.

– У каждого человека есть неиспользованные резервы, даже у вас, мистер Блейк, – сказал он с улыбкой. – Весь фокус в том, чтобы научиться управлять своими чувствами, усиливать и обострять их. Я могу помочь вам в этом, если желаете.

– Правда? Но я боюсь отнимать у вас столь дорогое время, – сказала я.

– Не бойтесь, миссис Кристи. Я занялся бы этим с удовольствием. Если у вас больше ничего не запланировано на сегодня, мы могли бы начать хоть сейчас.

– Я не уверен, что мы... – вмешался Дэвисон.

Вид у него был встревоженный.

– По крайней мере до шести я свободна, – возразила я.

– Очень хорошо, – сказал Гренвилл. – Простите, я удалюсь на минуту за картами таро.

С некоторым усилием он высвободился из кресла, пересек дворик и поднялся по лестнице на второй этаж.

– Что вы придумали? – сердито прошептал мне Дэвисон.

– Но вы же говорили, что для расследования убийства надо выяснить как можно больше о Гренвилле. Я должна найти подход к нему.

– Это так, но не слишком ли безоглядно вы действуете? Я не стал бы так сразу ему доверять.

– Понятно, что вы ему не доверяете, и я тоже. Но как иначе...

В эту минуту я увидела массивную фигуру Гренвилла на верхней ступеньке лестницы. В темных глазах сверкало маниакальное возбуждение.

– Эта колода карт обладает невероятной силой, ее энергия очень эффективна, – провозгласил он, спускаясь. – Парижский продавец, у которого я купил ее, сказал, что карты окрашены кровью нескольких девственниц. – Приблизившись, он внимательно взгляделся в наши лица и

разразился смехом. – Прошу прощения, это мое не совсем обычное чувство юмора. На самом деле они окрашены всего лишь кровью существ вроде мексиканской кошенили, соком драконника и тому подобными веществами. – Он сделал паузу, окинув нас взглядом, и продолжил: – По правде говоря, миссис Кристи, я думаю, что карты будут действовать намного успешнее в комнате наверху. Здесь слишком открытое пространство, слишком светло. Вашу энергию надо сконцентрировать в замкнутом помещении. Не пройдет ли вы со мной?

– Можно и пройти, – сказал Дэвисон, поднимаясь с кресла.

– Я был бы очень вам благодарен, мистер Блейк, если бы вы остались здесь, – остановил его Гренвилл.

– Но я не уверен... – начал Дэвисон.

– Я же буду здесь, наверху, мистер Блейк, – прервала я его. – Не о чем беспокоиться.

– Вы так думаете? – В потемневших глазах читалась нешуточная тревога.

– Да конечно, все будет в порядке, – обронила я небрежным тоном, следуя за Гренвиллом к лестнице.

Однако сердце у меня забилось чаще, по коже побежали мурашки.

– Это займет каких-нибудь полчаса, не больше, – сказал Гренвилл Дэвисону. – Выпейте еще чая, не стесняйтесь побродить по саду и дому. У меня в библиотеке есть неплохая коллекция образцов лепки и керамики гуанчей, – может быть, она заинтересует вас.

– Спасибо, – отозвался Дэвисон.

– Нам сюда, – указал мне Гренвилл. – Я думаю, эксперимент покажется вам очень интересным.

Я поднялась вслед за ним на второй этаж. Мы прошли по открытой галерее, где толстые доски пола потемнели от времени, миновали большую гостиную с картинами в барочной манере и потемневшими зеркалами и вошли в кабинет со стенами цвета крови. Гренвилл жестом предложил мне выбрать кресло из стоявших вокруг столика, обтянутого зеленым сукном. Усевшись, я обратила внимание на ряд гравюр на дереве и на картоне, изображавших животных с раздвоенными копытами, воронов, черепа и прочие атрибуты оккультного искусства. В углу стоял письменный стол, заваленный бумагами.

Прокашлявшись, Гренвилл сказал, не садясь:

– Я хочу, чтобы вы сделали несколько глубоких вдохов и постарались забыть обо всех делах и тревогах, какие у вас могут быть. Закройте глаза.

Я повиновалась, стараясь прогнать мрачные образы, которые мелькали

перед мысленным взором, словно в некой «живой картине»: силуэт неизвестного в пещере, мумифицированное тело Дугласа Грина, кидаящаяся с парохода Джина Тревельян, ухаживающая за Эдмундом Фоссе Вайолет, ядовитые красоты в саду Гренвилла и жуткие изображения Сатаны на стенах его кабинета.

– Так, правильно. Сделайте еще несколько вдохов, – сказал Гренвилл. Затем я почувствовала, как что-то коснулось головы, – очевидно, хозяин дома положил руку на мое темя. Я слышала его дыхание позади и ощутила, как мне показалось, прикосновение бедра к моему плечу. – Теперь протяните руки, – продолжал руководить он, – я передам вам карты. – Колода тут же оказалась у меня в руках. – Начнем мы с простого. Перемешайте колоду таро и по-прежнему отгоняйте все посторонние мысли. Задайте колоде вопрос, положите ее на стол и рассыпьте карты левой рукой. Да-да, стол чуть слева от вас.

Я сделала, как он велел, и, отменяя сомнения, мысленно спросила: «Кто убил Дугласа Грина?»

– Теперь правой рукой возьмите наугад любую карту, – инструктировал меня Гренвилл. – Можете перевернуть...

В это мгновение снизу донесся истошный крик:

– Папа! Папа! Скорее!

Выронив карту, я открыла глаза и кинулась за Гренвиллом, выскочившим из комнаты. Пробегая по галерее, мы увидели, что у входа во двор Дэвисон пытается успокоить Вайолет. Девушка была вне себя, рыдала, задыхалась и не могла выговорить внятно ни слова. В глазах у нее застыл ужас, лицо было бледнее обычного, руки тряслись.

– Дорогая, что с тобой? Что случилось? – спрашивал подбежавший Гренвилл.

– Это ужасно!.. Я... Я не могу...

– Ну успокойся, сделай несколько глубоких вдохов.

Ее отчаянный безумный взгляд метался между отцом, Дэвисоном, мной и убежавшей на крик служанкой.

– Там... там... я увидела... – проговорила Вайолет, но не смогла закончить фразу.

– Не торопись, дорогая, – успокаивал ее Гренвилл. – Сядь в кресло. О, да тебя трясет! Консуэла, la botella de cognac, por favor^[17].

Служанка побежала за коньяком.

– Я шла домой из Ла-Паса. Когда переходила по мосту высохшее русло реки, заметила что-то внизу, в овраге, что-то красное. Я присмотрелась, но не могла ничего толком разобрать. Я только чувствовала, что это как-то

неправильно, но не понимала, что это такое.

– Что ты увидела, Вайолет? – спросил ее отец.

– Кровь на камнях, – ответила она, сделав глоток коньяка из стакана, поданного служанкой. – А потом я увидела, что там что-то лежит, чье-то тело.

– Вы не видели, кто это был? – спросил Дэвисон.

– Нет, я сразу побежала сюда. Я не знала, что еще можно сделать.

– Это был мужчина или женщина? – спросил Дэвисон.

– Мужчина.

– Как вам показалось, он еще жив? – спросила я.

Она не ответила, глядя перед собой с ужасом, как будто тело лежало у ее ног.

– Вайолет, послушайте, это очень важно, – настаивала я. – Возможно, мы еще можем спасти человека. Жив он или нет, как вы думаете?

– Я не знаю... Камни были... такие красные! Ох, папа! – Она разразилась слезами, а Гренвилл обнял ее и стал укачивать, успокаивая.

– Нельзя терять времени, – сказала я. – Мы должны сделать все возможное, чтобы спасти его, если еще не слишком поздно. Я окончила курсы медсестер во время войны, так что, может быть, смогу помочь. Можно воспользоваться вашей машиной? – спросила я Гренвилла.

– Да, но...

– Спасибо. Вайолет, вы должны поехать с нами и показать, где произошло... произошел несчастный случай. – Я подозревала, что это вовсе не несчастный случай, но сейчас не было смысла высказывать подозрения.

– А это обязательно? Ох, папа, это было так ужасно. Может быть, я...

– Вайолет, я думаю, ты должна сделать то, о чем просит миссис Кристи, – ответил Гренвилл. – Не бойся, я тоже поеду.

– А вы не можете попросить служанку вызвать доктора из отеля? Он найдет нас, как вы думаете?

– Найдет, если мы скажем ему, где это находится.

– Тогда давайте скорее поедem. Дорога каждая минута.

Гренвилл с Вайолет и мы с Дэвисоном поспешно сели в машину. Гренвилл включил зажигание, но ничего не произошло.

– Вот черт! – выругался он. – Этот «форд» давно уже капризничал, и вот надо же, чтобы это случилось именно сейчас. – Он выскочил из автомобиля и попробовал завести его рукоятью, но тоже без толку. – Чтоб тебя! Ну давай же!

Я вспотела от волнения.

– Вайолет, а это далеко? – спросила я. – Отсюда далеко?

– Минут десять ходьбы, – ответила она.

Гренвилл продолжал безрезультатно крутить рукоятку.

– Пойдемте, – сказала я и, взяв Вайолет за руку, вытащила ее из машины. – Покажите мне дорогу.

– Но как же...

– Пошли, пошли, – сказала я, вцепившись в ее руку.

– Папа...

– Я присоединюсь к вам на месте, – ответил Гренвилл. – А если машина заведется, то и подвезу. Делай, что говорит миссис Кристи.

Мы побежали по пыльной дороге, которая вела от Маль-Пэ к покинутой ферме, выращивавшей некогда луковые семена, и огибала территорию, принадлежавшую «Таоро». Облака в небе расходились, и солнце стало поджаривать шею. Лицо у меня пылало, на платье выступили пятна пота.

– Не обратили внимания, он дышал? – спросила я.

– Мне было не видно, я смотрела на него с мостика. Вы считаете, что я должна была спуститься в овраг и помочь? Думаете, я могла спасти его? Но я была не в силах это сделать. Вы поймете, когда увидите его.

Задыхаясь, мы добежали до деревянного мостика. Наши лица покраснелись, одежда пропылилась. Оглядевшись, я не увидела вокруг никаких домов.

– А где...

Я не закончила фразу, заметив кровавый след, тянувшийся по камням в высохшем русле реки. А в нескольких футах дальше в зарослях дикого белого олеандра лежала фигура в запачканном хлопчатобумажном костюме, похожая на манекен.

– О боже, – проговорила я и стала спускаться по откосу. – Вы оставайтесь на мосту на случай, если доктор придет, – крикнула я Вайолет.

Камни были острыми и царапали руки. В одном месте я поскользнулась и упала, порвав юбку и расцарапав бедро. Я напрягала зрение, вглядываясь в лежащее тело и пытаюсь уловить признаки жизни. Во мне заговорил опыт, приобретенный в добровольном медицинском отряде во время войны. Тогда я насмотрелась немало тяжелых картин, и вряд ли что-нибудь могло теперь выбить меня из колеи. Приблизившись к телу и взглянув на него вблизи, я, подобно Вайолет, почувствовала в лежащей фигуре что-то неестественное, неправильное.

Я наклонилась и взяла человека за руку, проверяя пульс. Пульса не было. Мы опоздали.

Я стала осматривать тело. Было ясно, что человек потерял много крови. Голова его развернулась в противоположную от меня сторону. Я обошла тело, чтобы взглянуть на лицо, и не могла поверить глазам. Передо мной лежал Винниат, а из его правого глаза торчал окровавленный цветок райской птицы.

Глава 16

- Есть какая-нибудь надежда? – крикнула с мостика Вайолет.
- Нет, боюсь, никакой.
- А кто это?
- Мистер Винниат, постоялец отеля. Вы с ним не были знакомы?
- Нет. Это ужасно. Это не может быть несчастный случай?

Я не ответила ей. Я смотрела на тело. Оживить Винниата не было возможности, но я хотела хотя бы придать ему достойный вид в смерти. Однако я не имела права ни выпрямить согнутые и раскинутые руки с ногами, ни даже закрыть его глаза, так как инспектору нужен был труп в неприкосновенности.

Вдали послышался шум мотора.

- Это папа, – крикнула Вайолет. – Ему удалось-таки завести машину.

Винниат не был мне симпатичен из-за претензий на создание литературы «высшего типа», описывающей действительность, не измененную автором. Как сказала о нем жена? «Он никогда не растает с блокнотом». Я машинально обыскала карманы его забрызганного кровью пиджака и брюк, но блокнота не обнаружила. Рядом с телом валялись разбитые очки, «Волшебная гора» на немецком языке, закладка, авторучка, горсть испанских монет и фотография Дейзи с оторванным верхним углом. Хотя я недолюбливала писателя, при виде разбросанных возле его труп вещей на глаза навернулись слезы.

– Миссис Кристи! – раздался голос Гренвилла. – Вайолет говорит, что его уже не спасти. Это турист из отеля?

– Увы, да.

– Какой ужасный несчастный случай! – причитал он, а мне вспомнилась клумба с райскими птицами в его саду.

– Вы не попросите мистера Блейка спуститься сюда? – спросила я.

– Да, конечно.

Через минуту Дэвисон спускался в овраг, стараясь удержать равновесие. Первое, что он спросил, заботливо вглядываясь в мое лицо, – все ли в порядке со мной,

– Со мной-то да, но вот... – Я указала на гнетущее зрелище перед нами и обратила внимание Дэвисона на рану на голове Винниата, цветок в глазу и отсутствие блокнота.

– Да, странно... – прошептал он. – Сначала Дуглас в пещере, а теперь

Винниат с этим украшением. На первый взгляд это случайно, но...

– Я так не думаю, – сказала я.

– Все вроде бы указывает на Гренвилла. Поломка автомобиля была ложной. Когда у него якобы ничего не получалось, я предложил помощь. Он неохотно согласился, и стоило мне взяться за рукоятку, двигатель завелся как миленький.

– Вы полагаете, Гренвилл старался оттянуть поиски Винниата, чтобы он не сообщил нам что-то, если вдруг еще не умер?

– Похоже на то. Но что нам сейчас делать? – озабоченно произнес Дэвисон. – По всей вероятности, очень скоро сюда прибудет Нуньес.

– И это означает...

– Что мне, боюсь, придется ретироваться. – Он помолчал. – Агата, мне все это очень не нравится. Если с вами что-нибудь случится, я не найду покоя всю оставшуюся жизнь.

Я не могла притворяться невозмутимой и уверять его, что все будет в порядке.

– Как вы думаете, Нуньес скоро здесь появится? – спросила я вместо этого.

Я взглянула на мост. Гренвилл и Вайолет смотрели на нас, но слышать не могли.

– Зависит от того, где он сейчас. Но вряд ли позже, чем через семь-восемь часов.

– И что вы будете делать?

– В Икод-де-лос-Винос есть небольшая гостиница, спрячусь там. Я объясню, где это, на случай если вам понадобится связаться со мной.

Послышался шум осыпающейся с обрыва гальки. Подняв голову, я увидела над собой Гренвилла.

– Помочь вам чем-нибудь? – крикнул он.

У него вполне хватило бы сил взять большой валун и сбросить нам на головы, прикончив на месте или покалечив без надежды на выживание. Дэвисону, по-видимому, пришла в голову та же мысль.

– Надо отсюда выбираться, – прошептал он мне и крикнул Гренвиллу: – Вы не могли бы съездить в отель? Необходимо вызвать врача и сообщить о случившемся в полицию.

Дав инструкции относительно гостиницы в Икоде, Дэвисон помог мне подняться на мост, где Гренвилл протянул нам свою большую руку. Я критически осмотрела себя. Одежда запылилась, запачкалась и даже украсилась парочкой кровавых пятен.

– Не могу понять, – сказал Гренвилл. – Как он мог свалиться туда? Или

вы думаете, он искал смерти? Может быть, что-то в жизни делало его несчастным?

– Это пусть полиция решает, – ответил Дэвисон.

Он описал Гренвиллу состояние, в котором мы нашли тело, не упомянув райскую птицу в глазу.

– Ясно, – резюмировал Гренвилл, помогая все еще плачущей Вайолет сесть в машину. На этот раз двигатель завелся сразу. – Когда все кончится, миссис Кристи, я жду вас для продолжения эксперимента.

Я посмотрела на него с удивлением.

– Да-да. У вас полно нерастраченной энергии. Не видели, какую карту вы выбрали из колоды таро?

Я ответила, что не посмотрела.

– На ней был скелет в доспехах, скачущий на белом коне.

– И что же это значит?

– Триумф смерти.

Глава 17

Гренвилл с дочерью уехали, а мы остались сторожить тело, пока из отеля не пришел доктор Тренкель с двумя коридорными. У Тренкеля была внешность типичного арийца с безупречными чертами лица и холодными, словно лед, голубыми глазами. Мы объяснили, как обнаружили тело, и сказали, что не прикасались к нему, не считая попытки нащупать пульс. Тренкель не мог сразу точно определить, когда наступила смерть, но предположил, что от четырех до семи часов назад. Он сказал, что сообщит печальную новость миссис Винниат, а также передаст необходимую информацию инспектору Нуньесу, который уже знает о происшедшем и, несомненно, захочет допросить нас, когда нам это будет удобно.

– Нуньес очень удивится, узнав, что один свидетель исчез, – сказал Дэвисон, когда мы возвращались в отель. – И ему не потребуется много времени, чтобы сообразить, что мистер Александр Блейк не кто иной, как тот самый тип, которого он подозревает в убийстве Дугласа Грина.

– Но что вы можете поделать с этим? Разве что добровольно отдать себя в руки правосудия.

– Как только мы дойдем до «Таоро», я сразу отправлюсь в отель. Времени у нас в обрез, а я должен проинформировать вас насчет того, о чем еще не говорил.

– Вроде того факта, что Грин и Мэйби – братья?

– Да. Так вот. Мы подозревали какое-то время, что Руперт Мэйби – агент большевиков. Во время последней поездки в Англию он встречался с человеком, работающим в акционерной торговой компании АРКОС, то есть во Всероссийском кооперативном обществе, обосновавшемся по адресу: Мургейт, сорок девять. Вам это название, скорее всего, ничего не говорит, мы же считаем, что это общество руководит подрывной деятельностью. Возможно, Дуглас выявил связь Мэйби с советской разведкой.

– Понятно, – сказала я. – Значит, вы подозреваете, что убийцей Грина мог быть Мэйби?

– Это, безусловно, одна из версий, которую нельзя сбрасывать со счетов. Во время пребывания на Тенерифе в прошлом году я подумал, что обязан сказать Дугласу о его кровной связи с Мэйби. Он, конечно, сначала не поверил, решив, что это какие-то хитрые игры с моей стороны, но потом понял, что я говорю правду. Тогда он спросил, давно ли я знаю об этом, и очень сердился, что я не раскрыл ему секрет раньше.

– Но неужели Мэйби мог убить собственного брата?

– Я думаю, он не воспринимал его как брата. Агентам приходится совершать вещи и похуже.

Что за бессмысленный, бесчеловечный мир, в котором обитает Дэвисон, подумала я. Нужны ли все эти нечестные приемы, предательства, убийства? Ради чего они совершаются? Разумеется, во имя короля, отечества, свободы. Но...

– Знаете, я нисколько не буду возражать, если вы решите, что все это вам ни к чему, – сказал Дэвисон. – У вас есть дочь, работа, своя жизнь. Хартфорд, безусловно, тоже поймет вас.

Мне представилась соблазнительная перспектива немедленного возвращения в Англию, поездки в родной старый Торки, где радовали глаз восхитительные виллы кремового цвета на семи холмах и уютные бухты. Мне захотелось пройтись по тем местам, где гуляли мои родители, где я играла ребенком, где научилась читать и сочинять истории, где я была абсолютно счастлива.

Но что будет с Дэвисоном? Его, несомненно, арестуют и обвинят в убийстве Дугласа Грина, а также, возможно, и Винниата. И даже если его оправдают, сведения об интимной связи с Грином дойдут до начальства и доставят серьезные неприятности. Совсем недавно он потерял двух близких друзей, Уну и Дугласа. Я не могла подвести его.

– Я не могу пойти на попятный, меня не так воспитали, – сказала я. – Я дала вам слово, а своих слов я не нарушаю.

– Спасибо, Агата, – произнес он дрогнувшим голосом. – Я этого не забуду.

Не доходя до «Таоро», мы расстались. В отеле я хотела незаметно проскользнуть в номер, но столкнулась с Хелен Харт и Гаем Тревельяном.

– Боже, миссис Кристи, что с вами случилось? – воскликнула Хелен, изумившись моему виду.

– С вами все в порядке? – спросил Гай.

Я ответила, что упала во время верховой езды. Конечно, вскоре они узнают правду, но я была не в силах отвечать на бесконечные вопросы, которые неминуемо последовали бы, скажи я ее сейчас. Я только всей душой надеялась, что не повстречаюсь с Дейзи Винниат, так как врать ей не смогла бы. К счастью, я добралась до своего номера без дальнейших встреч и даже Карло с Розалиндой не застала. Я быстро разделась, залезла в ванну и стала усиленно стирать с себя мочалкой запах убийства.

Дэвисон уложил вещи и покинул отель еще до того, как гонг пригласил всех к обеду. Он не предвещал для меня никаких вечерних радостей и

звучал скорее угрожающе. Я осталась без поддержки Дэвисона и должна была полагаться только на собственные силы. Слава богу, мой секретный кожаный мешочек с набором ядов был при мне. Идя по коридору, я мысленно перечисляла названия: аконит, белладонна, цианид – список смертоносных веществ, как ни странно, успокаивал.

Глава 18

Последовал еще один обед, омраченный смертью. За столом образовались два пустых места – Винниата и его жены Дейзи, которая спала у себя в номере, приняв основательную дозу снотворного. Профессор Уилбор предложил пригласить вместо них двух других знакомых, но эту идею отвергли. И как мы ни старались говорить на посторонние темы, разговор упрямо возвращался к странному убийству Говарда Винниата.

– Не могу понять, – сказала неугомонная миссис Брендел, – он что, сам упал туда? Или его кто-то толкнул? Если его убили, то это просто кошмар. И кому это могло понадобиться?

– Это полиция должна решить, – сказал Уилбор. – Вы согласны, миссис Кристи?

– Да, конечно, – ответила я.

К этому времени стало известно, что инспектор Нуньес прибудет вечером.

– Дорогая, вы не можете рассказать еще раз, как его нашли? – обратилась ко мне миссис Брендел. – Я как-то плохо представляю себе все это.

– Миссис Кристи, наверное, еще не оправилась от потрясения, – возразил профессор, вопросительно посмотрев на меня.

Я кивнула в знак согласия, выпила немного воды со льдом и заметила, что в глазах Хелен Харт блеснула голубая вспышка. Интересно, что за шутку она собиралась выкинуть на этот раз?

– Стать свидетелем чьей-то смерти – тяжелое испытание, не правда ли? – сказала Хелен. – Когда Джина при мне совершила... это, я совсем потеряла голову. Да вы сами видели. Я впала в истерику, не знала, что делаю и что говорю. И еще половину оставшегося до Канар пути я говорила какую-то чушь. Вы согласны, миссис Кристи? Вы видели, в каком я была состоянии.

– Горе действует на людей по-разному, – ответила я уклончиво. – Всякое бывает.

– Кстати, я слышала, что вы нашли труп вместе с этим таинственным мужчиной, которого прячете от нас, – заметила Хелен.

– Не совсем так. Труп обнаружила Вайолет Гренвилл. А мистер Блейк, с которым я недавно познакомилась, приехал туда на машине с Гренвиллом.

– Понятно. А где он сейчас?

– Должно быть, переехал в другой отель – куда-то на южное побережье, – соврала я.

Икод лежал в пятнадцати милях к западу от нас.

– Вот жалость. Говард говорил, что вы очень подружились с мистером Блейком. Но не расстраивайтесь, такое случается, и ничего с этим не поделаешь. – Она допила белое вино и, подозвав официанта, заказала еще бутылку. – Бедный Говард. Хотя мы познакомились с ним совсем недавно, нам будет его не хватать, с этой его увлеченностью высшими формами литературы. Между прочим, где его блокнот? Интересно, Дейзи не собирается опубликовать этот magnum opus?

– Она, скорее всего, еще не успела подумать об этом, – заметил Гай Тревельян.

– Ты так думаешь? Да, наверное, ты прав. Возможно, я слеплю что-нибудь в память о нем. Да, это отличная идея. Я уже вижу эту скульптуру, выполненную в белом мраморе. Разумеется, это не будет банальным портретом, передающим только внешнее сходство. Скульптура должна выражать его увлечение литературой, его устремления. А что, если она будет приближаться по форме к точке? Или, может быть, лучше к точке с запятой?

Хелен продолжила обсуждение будущей работы с Гаем, а я попыталась завязать разговор с Рупертом Мэйби. Это оказалось не так-то просто, потому что он был не слишком расположен ко мне.

– Я чувствую, мне надо отвлечься от сегодняшних событий, – сказала я. – А вы как провели день, мистер Мэйби?

– Помогал профессору на раскопках захоронения возле Маль-Пэ.

– Значит, вы были совсем недалеко от этого высохшего русла?

– Да.

Наступила пауза, пока Руперт раскуривал сигарету.

– Но вы не заметили ничего странного?

– Мне показалось, вы хотели отвлечься от этих дел, – произнес он насмешливым и даже издевательским тоном.

– Да, конечно, вы правы.

Его отповедь не оставила мне выбора – я обратилась к миссис Брендел, сидевшей по другую руку от меня. Несмотря на совет профессора Уилбора, она была намерена допросить меня с пристрастием об отгаликивающей находке. Я пошла на опережение и попросила рассказать все, что она знает о Джерарде Гренвилле.

– Ох, я несколько не удивилась бы, если бы выяснилось, что это его рук дело, – буркнула она. – Это сущий демон во плоти. Он выкидывает

такие фокусы, что язык не поворачивается упоминать их.

– Какие фокусы?

– Ой, да зачем это вам? Ну, совершает сатанинские ритуалы и другие противозаконные действия.

– А от кого вы знаете об этом?

– Да в газетах было написано черным по белому. Чтение не для слабонервных, это уж точно.

– А вам не кажется, что это все блеф? Насколько я могу судить по своему опыту, спиритуалистические сеансы – столоверчение, контакты с умершими – сущий бред.

– Дитя мое, – отозвалась миссис Брендел, похлопав меня по руке, – чем дольше вы будете так думать, тем для вас же лучше. Однако... – Тут она взялась пересказывать длинную историю о дочери знакомых ее знакомых, которой досталось в наследство жемчужное ожерелье, но она не знала, что первоначальную владелицу этого ожерелья им же и задушили.

Обед продолжался, пока Хелен Харт не решила, что ей надо подышать перед сном свежим воздухом, и пригласила на прогулку миссис Брендел и меня, оставив Гая в компании с Уилбором и Мэйби. Мужчины, прихватив бренди и сигары, отправились в библиотеку.

Мы прошли по террасе вдоль живой изгороди из аккуратно подстриженных кустов стелющегося олеандра, и в этот миг мне пришла в голову идея. Я притворилась, будто замерзла, и, извинившись перед дамами, сказала, что сбегая в номер за шалью. Поднявшись на второй этаж, я остановилась у номера сто семь, отведенного Винниатам, прислушалась и, тихо постучав на случай, если доктор Тренкель все еще не ушел, осторожно повернула дверную ручку. Дверь открылась. Тренкеля в комнате не оказалось, но он мог вернуться в любую минуту, так что времени у меня было не много. Планировка была такая же, как в моем номере, так что я легко ориентировалась при слабом свете ночника в дальнем углу. Маленькая фигурка Дейзи на исполинской кровати с балдахинном на четырех колоннах казалась несчастной и покинутой. Дышала она слабо и неглубоко, лицо побледнело, как у покойницы. Очевидно, доктор дал ей внушительную дозу снотворного; я была уверена, что она не проснется до утра.

За обедом на пароходе Дейзи сказала, что ее муж никогда не расстается с блокнотом, но возле его тела блокнота не было. То ли Винниат решил почему-то оставить его на этот раз в отеле, то ли убийца взял блокнот с собой. Я надеялась найти ключ к решению загадки в этом номере.

Я прокралась к комоду, на котором все еще были разложены вещи Говарда Винниата: лосьон для волос, авторучка, чернила, набор щеток и гребней, небольшая фляжка, несколько абсолютно неизвестных мне романов и несколько блокнотов. Я просмотрела их, но страницы во всех были чистыми, ожидавшими, когда Винниат заполнит их описанием чужой жизни. Теперь они ожидали этого напрасно – что, возможно, было к лучшему, подумала я. Я порылась в ящиках комода, но мне попадались только носки и нижнее белье, и я чувствовала себя при этом такой же ищейкой, как те, что преследовали меня в конце прошлого года. Я напоминала себе, что делаю это не ради удовлетворения извращенной страсти публики к развлечениям, а с целью решить загадку убийства невинного человека.

В углу я заметила полураскрытый кожаный портфель. Внутри было несколько порядком помятых литературных журналов, накрахмаленные носовые платки, галстуки, переплетенные, как клубок змей, – и он, черный блокнот. Я начала листать его, но вдруг услышала шум за дверью, дверная ручка поворачивалась. В комнате стоял такой же большой гардероб, как и у меня в номере, и я, не имея времени на раздумья, юркнула внутрь шкафа. Тонкие ткани платьев Дейзи гладили меня по лицу; я опустилась на корточки и подтянула колени к груди. Залезая в шкаф, я успела в последнюю секунду вытащить из замка маленький ключ и теперь могла смотреть через крохотную дырочку замка.

Кто-то зашел в комнату и начал тихо напевать. Мне была видна только нижняя часть темного мужского костюма. Костюм подошел к кровати, на которой лежала Дейзи. По всей вероятности, костюм был на докторе Тренкеле. Врач постоял около кровати минуту-другую и, обогнув ее, опять направился к двери. Послышался звук запираемого замка. Что он задумал? Может быть, он заметил, как я пряталась в шкафу? Или у него на уме что-то недоброе?

Доктор прошел мимо шкафа, последовала минута тишины, затем он опять замурлыкал какой-то мотив. На этот раз я узнала мелодию популярной песенки, но не могла вспомнить ее названия. Мурлыканье стало громче, а через замочную скважину не было видно ничего, кроме сплошной черноты. Тренкель стоял перед гардеробом в нескольких дюймах от меня, нас разделяла лишь тонкая дверца. Я задержала дыхание, но вскоре испугалась, что задохнусь. И когда мне уже казалось, что это вот-вот произойдет, доктор отошел от гардероба к постели. Я с облегчением стала громко дышать, прикрыв рот платьем Дейзи.

В эту минуту я с испугом увидела, что Тренкель прикрыл лицо Дейзи

ладонью. «О господи, – подумала я. – Только этого не хватало!» Если бы он начал вытворять со спящей женщиной что-либо неподобающее, мне пришлось бы раскрыть свое присутствие и остановить его. Но как я объяснила бы тот факт, что вторглась в чужой номер и спряталась в шкафу? Однако тогда я над этим не раздумывала, стремясь лишь остановить надругательство над беспомощной женщиной. Я уже хотела распахнуть дверцы шкафа, но Тренкель направился к туалетному столику. Открыв шкатулку с женскими украшениями, он достал кольцо и что-то вроде брошки, повертел их в руках, затем вытащил из шкатулки нить жемчуга и отошел с ней к лампе в углу, чтобы как следует рассмотреть. Затем он вернулся к туалетному столику, закрыл шкатулку, а жемчуг сунул во внутренний карман пиджака. После этого он еще раз проверил, спит ли миссис Винниат, подошел к двери, отпер ее и вышел в коридор.

Минуту подождав, я с шумом выдохнула и выбралась из шкафа. Проверив, не навредил ли Тренкель Дейзи, я заглянула в шкатулку, набитую ценными украшениями, и опять подошла к портфелю. Я взяла блокнот, который, судя по всему, был заполнен записями Винниата, и выскользнула из комнаты.

Глава 19

Я послала записку миссис Брендел и мисс Харт, написав, что внезапно устала после всех дневных событий и решила лечь спать. Шарлотта с Розалиндой уже спали, и ничто не мешало мне заняться чтением записей Винниата. Записи в этом блокноте были не самыми последними и заканчивались высадкой на Гран-Канарию. В основном они были сделаны во время плавания на «Джелрии».

Писал Винниат четким убористым почерком; среди всего прочего я увидела и свое имя. Это были мои разговоры с миссис Брендел, снабженные ремарками Винниата: «Несомненно, пользуется успехом, но пишет вещи низшего сорта»; «Кажется, этот прославленный детектив-бельгиец – ее выдумка, но она создает лишь клише и типы». Еще одна запись заставила меня улыбнуться: «Довольно привлекательная женщина, но с обывательскими вкусами»; и приписка внизу: «И это неудивительно, так как она родом из Торки». Чем ему не угодил Торки? Мне стало обидно за родной город. Он привлекал в свое время членов королевских семей, там бывали видные общественные фигуры, художники и артисты, в том числе и Оскар Уайльд. Генри Джеймс и Редьярд Киплинг приходили на чай в дом моих родителей. В городе происходило множество интересных событий, о которых Винниат не имел понятия, – разводы, растраты, даже одно убийство. Хотя у Винниата были друзья в богемных кругах, сам он оказался очень ограниченным человеком.

Как бы то ни было, он не поленился подробно записать разговоры самых разных пассажиров «Джелрии», включая тех, с кем я ни разу не встречалась, а также членов команды, о существовании которых я даже не подозревала. Здесь были интервью с механиками, поварами, кочегарами, официантами и коридорными, представляющие собой стоп-кадры жизни неизвестных мне людей. Каким образом из всего этого могла получиться книга – одному Богу известно. Я очень сомневалась, что какое-либо издательство возьмется публиковать ее, но, возможно, Винниат, располагавший значительными средствами жены, собирался взять все расходы на себя. Я читала почти до утра и узнала много интересного о том, что происходило на «Джелрии». Особый интерес для меня представляли разговоры о случаях смерти на судах, спровоцированные самоубийством Джинны Тревельян. Один член команды поведал Винниату историю о том, как в пустом бассейне нашли труп стюарда. Скотленд-Ярд подозревал, что

дело нечисто, и отдал распоряжение заморозить тело в холодильнике, но оно могло примерзнуть к полу, поэтому надо было переворачивать его каждые двенадцать часов. Боцман объяснил, как происходят похороны в море. Обычно тело помещают в парусиновый мешок, который зашивают, а чтобы тело не переворачивалось, последним стежком к парусине пришивают нос умершего. Перед похоронами тело оборачивают флагом; время и место захоронения заносят в судовой журнал.

Было в блокноте и описание работы судового фотографа, устраивавшего лабораторию в туалетах, прачечных или сушильных помещениях. Случалось, что из обоих кранов вдруг начинала течь горячая вода, негативы покрывались сетчатым узором и никуда больше не годились. Чтобы эмульсионный слой не слез с пленки окончательно, ее надо было промыть очень холодной водой.

Я прочитала рассказы официантов, экономов и носильщиков, в том числе тех двоих, погружавших багаж Гая Тревельяна на судно. Винниат написал, что их лица покраснели, как свекла, – слишком избитая метафора для писателя, мнившего себя зачинателем нового направления в литературе. Один офицер сообщил, что при достижении тропических широт команда сменит синюю форму на белую.

Все эти сообщения представляли определенный интерес, но не выявляли чьего-либо желания убить Винниата. Я подозревала, что мотивы убийства могли бы подсказать записи, сделанные в последнем блокноте, который убийца наверняка взял с собой. Например, Винниат мог написать или просто увидеть что-то, указывавшее на виновность Гренвилла в убийстве Дугласа Грина. Или их связывало давнее знакомство? Возможно, Винниат держал Гренвилла на крючке и освободиться от этой зависимости можно было только путем убийства?

Как сказал Руперт Мэйби, он работал в тот день недалеко от оврага, в котором нашли труп. Возможно, у него был повод избавиться от Винниата – например, если писатель обнаружил свидетельство, что Мэйби убил собственного брата? Интересно, не знала ли Дейзи об этом что-нибудь? Может быть, муж в разговоре упомянул какую-то подробность, несущественную на первый взгляд, но на самом деле проливающую свет на целый ряд загадочных событий. Или же убийства Грина и Винниата никак не связаны между собой? И не замешан ли во всем этом Тренкель?

Я выключила свет, но уснуть не могла. Мысли носились в голове друг за другом, подобно стае собак. Я закрыла глаза, но передо мной еще ярче вставал образ Винниата, распластанного в грязном высохшем речном русле. Очевидно, его либо убили сильным ударом по голове и сбросили

тело в овраг, либо усыпили и прикончили уже там, среди камней. И что значило это жуткое, бьющее на эффект послание – воткнутый в глаз цветок райской птицы?

Глава 20

Инспектор Нуньес вселился в угловой номер «Таоро» и, не мешкая, приступил к расследованию. Наутро он стал вызывать к себе одного за другим Гая Тревельяна, Хелен Харт, миссис Брендел и прочих приехавших вместе с нами постояльцев, а напоследок также Джерарда и Вайолет Гренвилл. Объяснения на тему: «Как вы нашли тело?» – дались девушке нелегко, с допроса она вернулась, опираясь на отца.

– Нуньес был предельно вежлив и снисходителен, – сказал Гренвилл, усаживая ее в кресло, поставленное в коридоре рядом с комнатой инспектора, – но Вайолет тем не менее было тяжело говорить об этом. Вы, конечно, знаете, что инспектор влюблен в нее? – обратился он ко мне шепотом. – А она не обращает на него внимания, ни малейшего. – Он с нежностью посмотрел на дочь и произнес: – Да, стать свидетельницей в таком деле – это, конечно, ужасно. Дома я дам тебе средство, которое поможет справиться с потрясением.

Вайолет ничего не ответила.

– Да и для вас это было, несомненно, нелегко. Почему бы вам не прийти как-нибудь на днях в Маль-Пэ пообедать? Я хотел пригласить также мистера Блейка, но он куда-то исчез.

Похоже, он что-то подозревал. Надо было быстро придумать объяснение.

– Да, смерть Винниата выбила его из колеи, так как напомнила об инциденте из прошлого, который он старался забыть, – кажется, его младший брат погиб при подозрительных обстоятельствах.

– Очень печально слышать.

– Поэтому ему требовалось сменить обстановку, и он переехал в другую часть острова.

– Да, понимаю, это тяжело, – сказал Гренвилл. – Но вы-то можете прийти к нам? Мы будем очень рады. Вайолет наверняка будет приятной женской компанией, не так ли, дорогая? А я чувствую себя обязанным за помощь, которую вы оказали.

– Благодарю, это очень любезно с вашей стороны, – ответила я, заставив себя улыбнуться.

В эту минуту помощник Нуньеса открыл дверь и пригласил меня зайти в номер. Инспектор устроился за большим письменным столом красного дерева, на котором лежали два блокнота, по-видимому принадлежавшие

Винниату. Поскольку около тела блокнотов не нашли, а в спальне тоже не было исписанных экземпляров, кроме взятого мной, оставалось предположить, что Нуньес где-то раздобыл пропавший блокнот. Я чувствовала, что должна вернуть стащенный. Он был у меня в сумочке, и я ждала подходящего момента.

– Садитесь, пожалуйста, миссис Кристи, – пригласил меня Нуньес. – Я вижу, вы интересуетесь блокнотами мистера Винниата. Вы, несомненно, очень проницательны.

– Я подумала, не может ли в них содержаться ключ к решению загадки.

– То же самое подумал и я. К сожалению, эти два содержат только записи, сделанные им до отъезда из Англии, а блокнот, в котором он писал перед самой смертью, куда-то пропал.

– Миссис Винниат говорила, что ее муж никогда не расстается с блокнотом. А около тела, как я понимаю, ничего не нашли? – спросила я.

Нуньес приподнял бровь:

– Нет, ничего.

– Вы не спрашивали миссис Винниат, не знает ли она, что могло случиться с этим блокнотом?

– Я хотел побеседовать с миссис Винниат, но она не отвечает на мои расспросы.

– Наверное, еще не прошло действие снотворного, – сказала я.

В памяти мелькнуло воспоминание о том, как Тренкель стоял над спящей Дейзи, и я подумала, не сообщить ли инспектору о краже жемчуга. Однако что-то подсказало: не стоит пока раскрывать эту информацию, она могла пригодиться мне впоследствии.

– Да, снотворное, несомненно, действовало, но и от потрясения она, как мне показалось, еще не оправилась. Да и что можно ожидать от человека в таком состоянии, если ему с самого утра приходится отвечать на вопросы официального лица. Я подумал, может, вам побеседовать с ней? С женщиной она скорее разговорилась бы.

– Я с удовольствием сделала бы это, если вы считаете, что так лучше. Она, наверное, совершенно выбита из колеи, и ей требуется время, чтобы осознать происшедшее.

– А убийца между тем может быть уже на другом конце острова, – бросил Нуньес, внимательно следя за мной.

По всей вероятности, ему уже доложили, что человек, известный под именем Александра Блейка, выехал из отеля.

– Я уверена, что нельзя терять времени, – сказала я, никак не

отреагировав на сказанное. – Вы хотите, чтобы я сейчас поговорила с ней?

– Да, если не возражаете, – ответил он и, встав, подошел со мной к двери. – Хорошо бы, если бы она подробно рассказала о том, что делал ее муж вчера, и сказала, кого она подозревает.

Нуньес проводил меня до номера сто семь и попросил вернуться к нему сразу после разговора с миссис Винниат. Негромко постучав, я вошла в комнату. Дейзи в ночной сорочке сидела в постели. Лицо у нее было такое бледное, будто она сама оказалась на пороге смерти. Она даже не посмотрела на меня, устремив безжизненный взгляд в пространство перед собой.

– Бедная девочка! – сказала я, взяв ее за руку. – Представляю, какой это удар для вас.

– Да, – ответила она шепотом. – Я не могу поверить.

Я не стала говорить банальностей типа: «Время лечит раны», «Ваш любимый нашел успокоение в лучшем мире» и «Смерть наступает в первую очередь лучших из нас». Я убедилась на опыте: на людей, только что потерявших близких, эти доводы не действуют. Я все еще тосковала по матери, умершей в апреле прошлого года. Возможно, оккультистские крайности Гренвилла тоже выражали извращенное желание объединиться с умершими?

– Да, это ужасно, – сказала я. – Но сейчас самое важное – найти того, кто совершил злодеяние.

Дейзи не ответила.

– Дорогая, вы ведь знаете, что в мире существует зло, не так ли? – произнесла я как можно мягче. – И нельзя допустить, чтобы оно восторжествовало. А человек, который это сделал, несомненно, является воплощением зла.

Она посмотрела на меня; глаза ее были полны боли.

– Кто мог совершить такое? – произнесла она дрожащим голосом, упав без сил на подушки.

Я дала ей минуту-другую выплакаться, держа ее руки в своих.

– Чтобы это выяснить, надо помочь полиции, – сказала я. – Вы не будете возражать, если я задам вам несколько вопросов? Инспектор просил меня сделать это. Вы сможете ответить?

Она вытерла глаза и нос насквозь промокшим платком. Я предложила ей свой.

– Спасибо, – сказала она. – Но я же совсем ничего не знаю.

– А вы вспомните для начала, что было вчера. В каком настроении был мистер Винниат?

– В очень хорошем, приподнятом. Он был уверен в успехе своей книги – или, точнее, книг, потому что собирался выпустить целую серию.

– Очень ценная идея, – одобрительно улыбнулась я. – А какие у него были планы на день?

– Мы, как всегда, с удовольствием позавтракали, а потом он сказал, что хочет исследовать территорию вокруг отеля.

– И что он сделал?

– В десять часов он ушел, сказав, что запишет впечатления об острове, о садах и дикой природе. Очевидно, он пошел к руслу высохшей реки. – При упоминании этого места у нее опять полились слезы. – Но, миссис Кристи, кто же мог быть настолько жесток? Полицейские сказали мне, как его убили и что они нашли... – Дейзи быстро прижала платок ко рту. – Простите, я на минуту. – Она выскочила из постели и побежала в ванную, где ее вырвало.

Воспользовавшись представившейся возможностью, я открыла портфель и сунула туда украденный мной блокнот.

– Да, я знаю, это было отвратительно, – сказала я. – Тем более необходимо выявить убийцу.

– Да-да, – отозвалась она, возвращаясь в комнату и стараясь прийти в себя. – Вы не возражаете, если я снова лягу? У меня совершенно нет сил. И с головой что-то странное, – добавила она, поднеся руку ко лбу.

Очевидно, доктор дал ей очень сильное снотворное, чтобы она не проснулась во время его визита. Я подумала, что ей еще предстоит обнаружить пропажу жемчуга.

– Скажите, а мистер Винниат никогда не упоминал в разговорах с вами Джерарда Гренвилла?

Глаза Дейзи слегка округлились.

– Знаменитого оккультиста? О котором говорили за столом?

– Да. Как известно, он живет недалеко от отеля.

– Насколько я помню, муж действительно говорил, что хочет с ним познакомиться. Вы думаете, это он мог убить?

– Возможно, как-то участвовал в этом. Вы не знаете, они никогда не встречались раньше?

– Нет, увы, ничего не могу сказать.

– А как насчет дочери Гренвилла – Вайолет? Мистер Винниат не хотел познакомиться с ней?

– Нет, не думаю. Он никогда не упоминал этого имени.

– А оккультными науками он не интересовался?

– О нет. Он говорил, что это сплошное надувательство.

– Вы не помните, мистер Винниат взял с собой блокнот, когда ушел вчера утром?

– Да, конечно. Он всегда носил его с собой, либо держал в руках, либо клал во внутренний карман пиджака.

– Полиция сообщила вам, что они не нашли блокнота, он куда-то пропал?

– Да, инспектор что-то сказал об этом. Он взял блокноты с более ранними записями, которые лежали в чемодане. Он задавал мне какие-то вопросы, но я была в таком состоянии, что не могла говорить с ним. – Дейзи высвободила руки из моих и стала нервно сплетать-расплетать пальцы.

– Не волнуйтесь, они понимают это, – сказала я и снова взяла ее руки в свои, чтобы успокоить. – Вы не видели, полицейские взяли с собой все его блокноты и письма?

Она замялась, бросая неуверенные взгляды на ящик комода рядом с кроватью.

– Понимаете, я...

В этот миг дверь распахнулась, и вошел Нуньес. Лицо его было не приветливым, как обычно, а нахмуренным и сердитым.

– Миссис Кристи, подойдите, пожалуйста, со мной, – произнес он, не глядя на меня.

– Но миссис Винниат как раз собиралась...

– Будьте добры, подойдите, пожалуйста, в мой номер.

Сердце у меня забилося чаще, во рту пересохло.

– А в чем дело? Что-то случилось? – спросила я.

– Здесь вам больше нечего делать.

– Да, но...

– Прошу вас.

На Дейзи внезапное появление Нуньеса и его резкие манеры подействовали угнетающе, она опять заплакала.

– Не волнуйтесь, дорогая, я приду к вам попозже, – сказала я, пожав ее руку.

Она выглядела как покинутый ребенок, осознавший, что в мире есть зло и жестокость.

Мы с Нуньесом молча направились в его номер. Я гадала, что могло произойти. Инспектор узнал что-то, связанное с Винниатами? Почему он увел меня из номера Дейзи? Я сердилась на него. Дейзи как раз хотела сообщить мне что-то, связанное с пропавшим блокнотом, и, очевидно, показать спрятанное в комодe.

Нуньес жестом предложил мне сесть. Каких-то полчаса назад он был совершенно другим. Теперь от него веяло холодом. Он, нахмурившись, пролистал лежавшие перед ним бумаги.

– Вы, насколько я понимаю, не очень-то ладили с Винниатом?

– Прошу прощения? – недоуменно отозвалась я.

– Мне только что сообщили, что мистер Винниат делал колкие замечания в ваш адрес на борту «Джелрии» и на острове.

– Можно сказать, что наши взгляды на литературу различались, – ответила я, изобразив улыбку.

– Говорят, он оскорбил вас. Это так?

– Ну, некоторые из его высказываний были действительно довольно грубыми. Но я не собиралась воспринимать их всерьез.

– Вот как? Значит, вы не чувствовали по отношению к нему никакой враждебности?

– О покойнике не принято отзываться плохо, однако порой он позволял себе говорить такие вещи, что просто диву даешься.

– И вам не хотелось отомстить ему?

– Инспектор Нуньес, на что вы намекаете? Неужели вы всерьез полагаете, что я могла прикончить человека только за то, что ему не нравились мои книги?

– Нет, конечно же нет, – ответил он. – Но как насчет вашего друга мистера Блейка? Он почему-то выехал из отеля.

Я повторила выдумку, рассказанную Гренвиллу.

– Но мы всего лишь случайные знакомые. Встретились на пароходе по пути сюда. Он очень приятный человек, но, думаю, мы с ним больше не увидимся.

– Неужели? А мне сказали, что вы, судя по всему, очень близки с ним и были недовольны, когда Винниат увидел вас возле пляжа Мартианес. Это так?

Мне вспомнилась сцена за обедом в наш первый вечер в «Таоро».

– Я лишь считала, что это не его дело, вот и все.

– М-да, очень странно, что мистер Блейк исчез так внезапно, бросив вас. Придется попросить коллег разыскать его. – Инспектор молча взглянул на меня и продолжил: – У вас, случайно, нет его фотографии?

– Нет, к сожалению.

– Миссис Кристи, я только что говорил с одним из постояльцев отеля, и он подробно описал внешность этого мистера Блейка. Он высокого роста, красив и хорошо образован. Носит костюмы от хорошего портного и дорогие туфли. В моем представлении он вовсе не похож на типичного

страхового агента из Саутгемптона.

– А разве существует такой тип?

Нуньес не обратил внимания на мою ремарку.

– Вы помните наш первый разговор на «Джелрии»? Вы тогда спросили меня об убийстве Дугласа Грина, чье тело нашли в пещере.

– Да, помню.

– Так вот. У меня есть основания предполагать, что человек, разыскиваемый в связи с тем убийством, Джон Дэвисон, – это не кто иной, как ваш приятель Александр Блейк.

Я похолодела. Надо было срочно разубедить Нуньеса в этом.

– По-моему, это невозможно.

– Почему же? Вполне возможно.

– Но если, как вы говорите, Блейк – это Дэвисон, зачем ему рисковать и возвращаться на Тенерифе?

– Этого я пока не знаю. Но непременно выясню.

– А как продвигается то дело – об убийстве Дугласа Грина?

– Боюсь, я не могу раскрывать вам тайны следствия.

Было ясно, что Нуньес больше не доверяет мне.

– А как там с миссис Винниат? – спросил он, прокашлявшись. – Она не сообщила вам ничего, что могло бы помочь следствию?

– Увы, нет.

– Но вы, по-моему, сказали, что она собиралась рассказать вам о чем-то?

– Да, мне так показалось, но в комнату вошли вы.

– И у вас нет никаких предположений, о чем она могла бы сообщить?

– К сожалению, нет, – солгала я, решив не выдавать ему больше никакой информации, кроме самой необходимой.

Нуньес посмотрел на меня осуждающе и чуть ли не с неприязнью и небрежно взмахнул рукой в знак того, что я могу быть свободна:

– Мне не нравится, когда от меня что-то скрывают, миссис Кристи. – В его голосе прозвучала неприкрытая угроза.

Глава 21

Я вышла от Нуньеса в нервном возбуждении. Руки у меня тряслись, во рту пересохло, сердце колотилось. Инспектор обращался со мной как с преступницей, стремившейся подорвать заведенный порядок вещей. А я не могла объяснить ему, что у нас одна цель. Да и смысла не было раскрывать перед ним карты, потому что я и сама не до конца понимала суть дела.

Вернувшись в номер, я взяла рабочую тетрадь и занесла в нее все факты, в истинности которых была уверена. Они напоминали фрагменты пазла, из которых надо было собрать упорядоченную картинку, но фрагменты не позволяли это сделать, потому что относились к разным пазлам, смешанным в невразумительную кучу. Я не знала даже, что за картинка должна получиться в итоге, какие фрагменты выбрать.

Я попыталась представить различные факты как части той или иной истории и построить из них связный сюжет. В колонке, озаглавленной «Д. Г.», я записала имена подозреваемых и мотивы, по которым они могли желать смерти Дугласа Грина. Первым в списке стоял Джерард Гренвилл; относительно его мотивов я написала: «Убийство Грина было частью ритуала? Или же он совершил это потому, что Грин собирался разоблачить его – возможно, как секретного агента большевиков?» Следующим шел подозреваемый с инициалами «Р. М.». «Какой мотив? – писала я. – Может быть, он советский шпион? Или же объяснение более тривиальное – например, Мэйби убил Грина, чтобы единолично получить наследство отца?» Хорошо было бы взглянуть на завещание его отца. Если бы со мной был Дэвисон, он бы это устроил. Написать ему?

В список подозреваемых я занесла – правда, неохотно – и самого Дэвисона, у которого, несмотря на его уверения в обратном, все-таки был мотив убить Грина: страх, что друг предаст гласности характер их отношений. Угроза бесчестия и тюремного заключения висит над всяким гомосексуалистом.

Имелись ли еще подозреваемые? Может быть, доктор Тренкель? Например, Дуглас Грин обнаружил, что доктор извлекает побочный доход, обкрадывая богатых пациентов, и возникла угроза раскрытия грязного секрета?

Не легче было и с убийством Говарда Винниата. Не было ли у Дейзи Винниат причин избавиться от мужа? Может быть, у него была любовница и он собирался жениться на ней, разведясь с Дейзи? Но самым

подозрительным выглядел опять же Гренвилл. Возможно, писатель что-то случайно подсмотрел и занес в блокнот, даже не подозревая об истинном значении увиденного? Или же какая-то его запись могла указывать на причастность Гренвилла к убийству Грина. По той же причине его мог убить и Мэйби. Ах, если бы у меня был самый последний блокнот Винниата!

Теперь страницы тетради заполнили записи с инициалами, разграниченные и объединенные линиями и стрелками. Но во всем этом чего-то не хватало – какого-то факта или нескольких фактов, без которых ясной картины не получалось. Я расстроено отбросила тетрадь, и в эту минуту вошла Карло.

– Дорогая, в чем дело? У тебя такой усталый вид. – Она подошла к письменному столу и хотела взять тетрадь, но я поспешно выхватила ее у Карло из рук. Мое сотрудничество с разведкой надо было скрыть от нее во что бы то ни стало.

– Прости, Карло, – сказала я. – Этот дурацкий роман никак не идет и сводит меня с ума.

– И неудивительно. Помимо собственных неприятностей, ты еще влипла в качестве свидетельницы в историю с убийством. Только этого тебе и не хватало. – Она озабоченно посмотрела на меня. – Может, нам лучше сменить отель?

– У меня была такая мысль, но не хочется подавать дурной пример. Это будет несправедливо по отношению к бедной Дейзи.

– Да, возможно, ты права. Я-то мыслю в одном направлении: как будет лучше тебе. Может быть, стоит пройтись? Розалинда играет с другом, и если хочешь, мы можем прогуляться по берегу, подышать морским воздухом. В прошлом прогулки вроде бы всегда были полезны для твоей работы. Как ты сказала однажды? «Они помогают распутать самые запутанные проблемы», да?

– Ах, если бы все было так просто! – вздохнула я. – Но сейчас я готова сдать. Ты не могла бы попросить Густаво или портье записать меня на консультацию к Тренкелю?

– Что, настолько серьезно?

– Нет, Просто он, может быть, выпишет какой-нибудь тоник, и тот вдохнет в меня бодрость.

Шарлотта тем не менее бросила на меня обеспокоенный взгляд. Я сунула тетрадь в сумочку и застегнула молнию. Это напомнило мне, как в Харрогейте я прятала пузырек с ядом. Может быть, и здесь придется прибегнуть к подобной мере? Нет, конечно. Здесь ведь ничто не угрожает

мне лично – по крайней мере, пока.

* * *

Примерно через час, я стояла около врачебного кабинета, расположенного на первом этаже и выходящего окнами в сад с террасами. Из-за двери доносились голоса. Медсестра-англичанка, исполнявшая также обязанности секретаря при враче, сказала, что передо мной у Тренкеля был другой пациент, но консультацию пришлось отменить из-за того, что умер постоянный клиент доктора. Выглянув из окна, я увидела на террасе группу больных, сидевших в плетеных или инвалидных креслах. Колени они прикрывали пледом, а на лицах была печать болезни. При всех национальных особенностях и разнице в возрасте их объединяла одна общая черта: смертельная бледность.

Инвалиды приезжали на остров в надежде, что целебный климат избавит от недугов, однако многие понимали: полностью излечиться они не могут. Они знали, что на Тенерифе не бывает зимы, и даже сегодня стоял теплый день, хотя солнце пряталось за низкими облаками. Знаменитый вулкан не был виден отсюда, но его присутствие ощущалось как неизменно витавший в воздухе призрак смерти.

Может, я вообразила это, но мне показалось, что лица некоторых пациентов сегодня чуть оживились, в глазах появился блеск. Возможно, известие об убийстве Говарда Винниата подействовало на них ободряюще: значит, смерть настигает и людей в расцвете сил, не страдающих ни от каких серьезных болезней. И если даже жестокий недуг сведет бедолаг в могилу, то, по крайней мере, их не убивают, тем более таким образом.

В кабинете врача раздался смех, и у меня мелькнула приятная мысль, что Тренкель хоть и был воришкой, но умел приободрить пациентов. Затем дверь открылась, и показалась инвалидная коляска, в которой сидел Эдмунд Фоссе, а за коляской стоял доктор. Оба с удивлением посмотрели на меня.

– Меня записали на прием на двенадцать часов, – объяснила я.

– Ну вот, а меня почему-то не поставили в известность, – произнес Тренкель с досадой.

– Давайте, я приду в другое время, – предложила я.

Я чувствовала себя неловко перед человеком, которого накануне вечером застала за кражей, и у меня возникло странное ощущение, что и сама каким-то образом виновата в этом.

– Как ваше имя? – спросил он.

– Миссис Кристи, – ответила я. – Я живу здесь, в отеле.

Это, по-видимому, удовлетворило Тренкеля.

– Нет, зачем же переносить прием, – сказал он. – Я только сдам моего пациента на руки Вайолет Гренвилл, которая заботится о нем, и вернусь, а вы тем временем располагайтесь в кабинете.

Доктор повез Фоссе по коридору, а я зашла в кабинет и закрыла за собой дверь. В комнате строгого больничного вида было мало вещей. Вдоль стен тянулись стеллажи с литературой по лечению легочных заболеваний. В воздухе пахло гнилью и приторным антисептиком, призванным заглушить этот запах.

На письменном столе Тренкеля царил порядок и лежала зеленая папка с именем Эдмунда Фоссе на обложке. Оглянувшись на дверь, я открыла папку, хотя и не представляла, что хочу найти в истории болезни пациента. С бьющимся сердцем я листала страницы, аккуратно заполненные справками о диагнозе и лечении туберкулеза. В заключении Тренкель писал, что у Фоссе третья ступень заболевания и жить ему осталось несколько месяцев.

Записи разительно отличались от тех, что делали знакомые мне английские врачи: их почерк выглядел как след паука, выбравшегося из чернильницы. Возможно, такой четкий и разборчивый почерк свойственен всем немцам и отражает их упорядоченный и логичный менталитет. Не успела я закрыть папку, как в комнату вошел доктор Тренкель:

– Простите за задержку, миссис Кристи. Так чем я могу быть вам полезен?

Я сказала, что слишком нервничаю и тревожусь в последнее время и что у меня участился пульс. Я также обрисовала свое состояние перед поездкой на Канары, рассказала о переживаниях в связи с изменой Арчи и о том, как тяжело перенесла смерть матери, и сообщила, что одной из первых обнаружила тело Винниата в высохшем речном русле.

– Давайте для начала я послушаю ваше сердце, – предложил Тренкель, доставая стетоскоп. Послушав внимательно минуту-другую, он сделал вывод, что пульс у меня действительно неровный, затем измерил кровяное давление и осмотрел глаза. – И сколько времени вы ощущаете эти нарушения? – спросил он.

– Я чувствую некоторый дискомфорт уже несколько месяцев, а сегодня мне стало гораздо хуже.

– Это нетрудно понять. Не вы одна были потрясены, – сказал он. – Вы хорошо знали этого Винниата?

– Не очень. Мы познакомились на пароходе по пути сюда. Очень жалко его несчастную супругу, – добавила я, следя за его реакцией. – Я сегодня разговаривала с ней – инспектор попросил расспросить ее в интересах следствия. Ему самому не удалось добиться от нее вразумительных ответов, и он надеялся, что со мной она будет говорить свободнее. Но ее состояние действительно тяжелое.

– Да, я дал ей вчера снотворное, но это, конечно, временная мера. Боюсь, еще не изобрели лекарство, которое избавляло бы от страданий при потере близкого человека.

– Да уж, вряд ли это возможно, – сказала я. – Когда умерла мама, я совершенно расклеилась. Я думаю, некоторое время я была просто невменяемой.

– Да, это бывает, – согласился Тренкель. – А сейчас, насколько можно судить, у вас нет серьезных отклонений от нормы. Я советую вам чередовать легкие упражнения с отдыхом. И постарайтесь не думать о неприятной находке в овраге.

Я надеялась, что доктор сможет сообщить мне сведения о причинах и характере смерти Винниата. Я даже была готова прибегнуть к шантажу, сказав, что видела, как он украл жемчуг Дейзи, – но это лишь в крайнем случае: мне пришлось бы объяснять, что я сама делала в номере супругов Винниат. Сначала надо было испробовать традиционные женские средства: прикинуться несчастной, воздействовать обаянием, прибегнуть к лести.

– Ох да, доктор, это был настоящий удар, – простонала я, трогая дрожащей рукой шею. – Тело среди зарослей, в таком жутком виде.

– Да, ужасно, – согласился он. – Но, как я уже сказал, постарайтесь не вспоминать об этом.

– Мне приходилось видеть немало тяжелого – я была медсестрой во время войны, – сказала я, давая понять, что у нас с ним есть кое-что общее в жизненном опыте. Тренкель кивнул, признавая это. – Но здесь... это было...

– Я никогда не сталкивался с чем-либо подобным, – сказал доктор, имея в виду проведенное вскрытие. – Честно говоря, это оказалось тяжелым испытанием для меня. Мало того что были глубокие раны на голове, так еще цветок...

– Да, мне это совершенно непонятно. Я ведь была всего лишь медсестрой, да и то много лет назад. А вы обладаете несравненно большими знаниями и опытом. Интересно было бы знать, что вы, как крупный специалист, думаете об этой смерти.

Лесть сделала свое дело, Тренкель выпятил грудь, как самодовольный

голубь:

– О, миссис Кристи, вы, безусловно, преувеличиваете мои профессиональные качества.

– Но все же, как на ваш профессиональный взгляд: цветок вставили в глаз до или после смерти?

– Трудно сказать, поскольку не с чем сравнивать, но думаю, скорее после смерти.

– Бедной миссис Винниат это будет все-таки легче воспринять. А вот раны на голове... Я не поняла – они появились в результате падения или же...

– Или были нанесены до падения?

– Да, именно это я хотела спросить.

– Судя по тому, что я увидел, проводя вскрытие по просьбе полиции, мистер Винниат умер в результате падения с моста и получения смертельных черепных ран.

– А он сам упал или его толкнули?

– Может, и толкнули, но я так не думаю.

Интересно, на каком основании он это говорил?

– Но это ведь не было самоубийством? Вы же не хотите сказать, что он покончил с собой?

– Нет-нет, я не это имел в виду.

Я старалась не слишком настойчиво вытягивать информацию, хотя трудно было говорить совершенно спокойно, деловито и незаинтересованно.

– Не это? А почему тогда мистер Винниат упал с моста?

– Я не специалист в этих вопросах, но мне кажется, он был отравлен.

– Отравлен? Чем?

– Это пока не вполне ясно, – ответил Тренкель.

Я быстро перебрала в уме разные яды и их действие и пришла к выводу, что это, по всей вероятности, была белена. Белену я видела в саду Гренвилла. Да, все складывалось. Это растение дает целый ряд таких милых побочных эффектов, как рвота, покраснение кожи, помутнение в глазах, смятение и, что было существенно в данном случае, вызывает галлюцинации.

– Беленой, – сказала я. – Содержащиеся в белене тропановые алкалоиды внушили Винниату мысль, что он может летать.

– Я вижу, вы разбираетесь в ядах, миссис Кристи.

Я объяснила, что научилась этому в аптеке Торки во время войны. Рассказала также о химике, который всегда носил комок кураре в кармане, а

также о том, как знание ядов помогало мне иногда в работе над книгой. Конечно, я раскрыла ему не все причины моего увлечения ядами.

– Похоже, в этой области вы более сведущий специалист, чем я.

– Не уверена, – ответила я.

– Это очень интересно. А что еще вам известно о белене?

Я рассказала ему все, что знала. Во-первых, о случае, изложенном Чарльзом Миллспо^[18] в его книге. После того как девять человек закусили корнями белены, их скрутили конвульсии, некоторые не могли произнести ни звука, другие только выли; в течение трех дней они видели все окружающее словно через ярко-красную призму. Во-вторых, о случае, который описывал некий доктор Стедмен. У семи человек, сваривших суп из листьев этого растения, началось обильное слюноотделение, сопровождавшееся бредом и галлюцинациями; им казалось, что мир вокруг них рушится. Но особенно большое впечатление произвел на меня эксперимент, произведенный над самим собой Густавом Шенком^[19], который поджаривал семена ядовитого растения и вдыхал испарения. Он не смог описать всех своих ощущений (потеря памяти – один из симптомов отравления белой), но помнил, что чувствовал сильную боль и думал, что умирает. Ему казалось, будто его руки и ноги отделяются от тела и что он вот-вот растворится в воздухе; у него возникло также ощущение, что он может летать. Возможно, такое же ощущение появилось у Винниата на мосту через овраг.

– Белена фигурировала и в деле Криппена, – вспомнила я нашумевший судебный процесс тысяча девятьсот десятого года. – Полагают, что доктор отравил свою жену Кору именно гиосцином.

– Все это просто захватывающе, – отозвался Тренкель. – Надо будет сказать инспектору, что вы помогли разобраться с этим отравлением.

– Я бы предпочла, чтобы вы приписали соображения насчет белены себе, – ответила я, улыбаясь. – Я считаю, что женщине нельзя публично демонстрировать свои знания, это вульгарно. Вы согласны?

Доктор кивнул, не уловив легкой иронии в моем голосе, порожденной мыслью о том, что мне известна преступная сторона его деятельности. Это знание представляло собой мощное оружие, и я была намерена использовать его в своих целях.

Глава 22

Все указывало на Гренвилла: белена в ядовитом саду, обилие цветов райской птицы вокруг Маль-Пэ, близость места преступления к его дому. Гренвилл мог подмешать добытый из белены гиосцин в питье Винниата и отвести писателя к мосту, где тот возомнил себя крылатым. Со стороны все выглядело так, будто Винниат сам бросился с моста. Затем Гренвилл мог спуститься в овраг, убедиться, что писатель мертв, и добавить мерзкое украшение в виде цветка. Но какой у него мотив? Зачем ему надо было избавиться от Винниата?

Я вышла в сад и направилась к злополучному мосту. С него по-прежнему были видны красные пятна внизу. Кровь, разбрызганная по черным камням, говорила о совершенном здесь преступлении.

Закрыв глаза, я представила, как Винниат, протягивая руки к небу, все ближе подходит к краю моста. На лице его радость: сбылась мечта детства, которая бывает у многих детей, – он может летать. Он чувствует себя невесомым, он поплывет в воздухе, как плавал в воде. Шагнув с моста, он ожидал, что взлетит к солнцу, достигнет горы Тейде, но – тело стало тяжелым, сила притяжения увлекла вниз, а затем его пронзила неопишуемая боль, не сопоставимая ни с чем, пережитым когда-либо прежде. Какая-то часть его тела перекрутилась – наверно, нога. Он услышал хруст костей и позвонков, ощутил, как череп разбивается о камни, а затем уже не чувствовал ничего.

Я открыла глаза. Мысли о смерти Винниата мешались с образами и обрывками воспоминаний о другом похожем случае – прыжке Джины Тревелиян с палубы корабля. Нырнуть в холодную воду, конечно, не так болезненно, как приземлиться на острые камни, но смерть Винниата была мгновенной, в то время как Джина мучилась какое-то время между жизнью и смертью. Вспомнила я и рассказ Дэвисона о гибели Уны Кроу, чье тело нашли у подножия утеса в Дорсете; ноги ее были связаны зеленой клейкой лентой.

Возможно, никто не сталкивал Винниата с моста, но если Гренвилл напоил его настойкой с беленой, внушившей писателю мысль, что он может летать, все равно это расценивалось как убийство. Но как в этом случае доказать причастность Гренвилла? И оставался вопрос о его мотивах. Было ли это связано с убийством Дугласа Грина? И если да, то как? Говорить об этом с Нуньесом, не имея на руках фактов,

бессмысленно. А факты, скорее всего, можно было найти в Маль-Пэ.

На обратном пути в отель я обдумывала план проникновения в дом Гренвилла. Чтобы обыскать его, требовалось время, и приглашение на обед не давало такой возможности. Нужно было придумать предлог, чтобы остаться у них на ночь. Я перебирала в уме разные варианты, но все они не годились.

– Планируете очередное убийство?

Подняв голову, я увидела Хелен Харт, спускавшуюся навстречу по большой лестнице отеля.

– Что вы сказали?

– Вы так глубоко погрузились в размышления, что я решила, вы разрабатываете новый детективный сюжет.

– Да-да, так и было. Простите, я бываю при этом очень рассеянна.

– Я рада, что встретила вас. Я пришла в отель, чтобы пригласить пару знакомых на вечеринку, которую мы даем в Валентинов день. Моя последняя работа как раз посвящена любви. Это будет скромная вечеринка без всяких формальностей. Было бы замечательно, если бы и вы пришли.

– Спасибо, это звучит... заманчиво, – ответила я.

– Всем нам не мешает развеяться после мрачных событий.

– Да, в самом деле. Очень жаль миссис Винниат, ей еще предстоит перенести церемонию похорон.

– Я считаю, в такие минуты крайне важно выдержать все испытания и продолжать жить. В мире и без того хватает всяких бед и невзгод, и ни к чему пополнять эту коллекцию несчастий. Вы согласны?

Я не вполне была согласна с такой формулировкой высказанной ею идеи, но саму идею разделяла. Нужно держаться, несмотря ни на что. Мне вспомнилась поговорка, которую часто повторяли в родительском доме, когда я была маленькой.

– То, от чего нельзя избавиться, нужно перетерпеть, – произнесла я назидательно, чувствуя себя старой девой.

Голубые глаза Хелен блеснули – было ясно, что моя формулировка ее не устраивает. Действительно, я не могла представить ее покорно терпящей то, что ей не по душе. Она сжала губы, собираясь пошутить или даже съязвить на этот счет, но передумала и сказала только:

– Итак, в моем доме в восемь часов в Валентинов день. Я оставлю консьержу подробные указания, как найти дом.

– Спасибо, – ответила я и поднялась в номер.

Из окна я увидела Розалинду, играющую со своим другом, и Карло, сидевшую недалеко от них на скамейке. Розалинда держала в руках Синего

Мишку, у Реймонда был свой медведь, из окна казавшийся точной копией игрушки Розалинды. Глядя, как играет моя дочь, я спрашивала себя, почему я не могу быть нормальной матерью, посвящать всю себя ее воспитанию. Мне вечно не хватало времени, чтобы просто посидеть рядом, почувствовать ее легкое дыхание у себя на лице, погладить по голове. Возможно, она любила Шарлотту больше, чем меня. Если так, я не в обиде: Карло проводила с ней почти все время. Возможно, не стоило брать Розалинду на Тенерифе – я ведь все-таки была не на отдыхе, а выполняла задание разведывательной службы. Дэвисон уверял, что ничего с моей дочерью не случится, но его больше не было с нами, и кто мог теперь гарантировать ее безопасность? Я имела дело с врагом, чьего лица не видела, и в любую минуту ожидала удара. Дэвисон призывал меня действовать с осторожностью и взял слово, что я не стану ввязываться в рискованные авантюры. Ночевка в доме Гренвилла, безусловно, была рискованной авантюрой, но я не видела другой возможности продвинуться в расследовании.

Я подошла к двери и заперлась на ключ. Из глубин гардероба я выудила небольшой кожаный несессер и положила его на кровать. Зайдя в ванную, я слегка смочила волосы и пригладила их, попудрилась и выудила маленький ключик из косметички. Ключом я открыла чемодан и достала мешочек с ядами. От осознания, что капли любой из этих жидкостей или щепотки порошка достаточно, чтобы убить человека, по коже, как всегда, побежали мурашки. Разумеется, я ощущала свою ответственность и никогда не воспользовалась бы этими средствами без крайней необходимости. Но если я собиралась провести ночь под одной крышей с Гренвиллом, мне нужна была какая-то защита.

Некоторые вещества из мешочка могли служить противоядием, снижающим действие других токсинов. К примеру, атропин, сам по себе весьма ядовитый, мог быть полезен при отравлении гельземиумом. Этот цветок, иногда называемый также желтым жасмином, произрастает во многих садах, и мало кто знает о его опасных свойствах. Я читала о том, как Конан Дойл, будучи студентом-медиком, экспериментировал с гельземиумом, принимая ежедневно небольшую порцию этого вещества, которое вызывает сильнейшую головную боль, депрессию и диарею, а при длительном употреблении приводит к тошноте, параличу мышц рта и горла, затрудненному дыханию, бреду и в конечном итоге к смерти.

Что касается атропина, некоторые полагают, что Клеопатра с его помощью расширяла свои зрачки для повышения привлекательности. С той же целью парижанки в конце девятнадцатого – начале двадцатого века

использовали белладонну, *Atropa belladonna*, не менее опасное вещество. Это латинское название дали растению не случайно: Атропа, мойра в греческой мифологии, выбирала способ, каким человек должен был умереть.

Глава 23

Прежде чем отправиться к Гренвиллам, я написала письмо Дэвисону на адрес гостиницы в Икод-де-лос-Винос. Подозревая, что Нуньес будет разыскивать таинственного Александра Блейка, он поменял это вымышленное имя на другое, Артур Джонс.

Я известила Дэвисона о том, что собираюсь провести ночь в доме Гренвилла. Если со мной что-то случится, это докажет вину Гренвилла. Я подумала, что, возможно, никогда больше не увижу Розалинду, Карло, мою сестру и ее семейство. Вспомнив, как я прикасалась к личику Розалинды вскоре после ее рождения, я не смогла удержаться от слез. Глотая слезы, написала коротенькое письмо Розалинде, где сообщила, как я люблю ее. Я спрятала его в большом чемодане, который, несомненно, обыскали бы в случае моего исчезновения. Шарлотте я оставила записку, известив ее о том, что проведу ночь в доме Вайолет Гренвилл. Не забыла я и Нуньеса, написав ему обо всем, что мне удалось выяснить о Гренвилле. Эту записку я положила в портфель рядом с неоконченной рукописью романа. Я решила, что, если мне суждено умереть и роман так и не увидит свет, то это, может быть, и к лучшему. Тем не менее мне было неприятно бросать его в таком непрезентабельном виде. Будь у меня чуть больше времени, я, несомненно, смогла бы довести его до состояния, годного к публикации. Я терпеть не могла оставлять дела или книги незаконченными.

Встав на колени около постели, я помолилась – не только Богу, но и моей матери, которая, я надеялась, оберегала меня. Предыдущий год был самым тяжелым в моей жизни. Сначала потеря мамы, из-за которой я чуть с ума не сошла от горя, затем потрясение, вызванное изменой Арчи, смятение в связи с неспособностью писать и наконец вмешательство Кёрса в мою жизнь. В одном разговоре, навязанном мне Кёрсом, он сказал, что последнее может способствовать становлению моей личности. Тогда я восприняла эти слова как глупую шутку, но теперь, задним числом, видела, что он был прав. Если бы не Кёрс, я никогда не стала бы сотрудничать с Дэвисоном и его разведслужбой. Писать об убийстве – совсем не то, что участвовать в расследовании реального преступления. Не говоря уже об опасности, в жизни все было намного запутаннее. Но по большому счету дело стоило того. Работая бок о бок с Дэвисоном, я надеялась избежать многих подводных камней. Как я сказала Дейзи Винниат, нельзя допустить, чтобы зло победило. Я вспомнила, как она лежала в постели и как ее рвало

при мысли об ужасной смерти мужа. Если тот, кто воткнул райскую птицу ему в глаз, думал, что это сойдет ему с рук, он жестоко ошибался. Меня всегда привлекала фигура Немезиды, богини правосудия. Она должна была придать мне сил.

Я собрала вещи, положила записку для Карло на стол в ее комнате, оставила письмо мистеру Джонсу у портье и покинула отель. Проходя по саду при отеле, я вдыхала предвечерний воздух, насыщенный ароматом экзотических цветов. Однако эта красота была обманчива. По пути к Маль-Пэ я повторила про себя двадцать второй псалом из Псалтири: «Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла». Но одно дело сказать себе что-либо, и совсем другое – почувствовать истинность этого. Я крепко прижала к себе сумочку. Не один лишь Гренвилл может похвастаться коллекцией ядов. Но защитят ли они меня?

Глава 24

У дверей дома меня встретила Вайолет, бледная и встревоженная.

– Отец наверху, но скоро спустится, – сказала она, приглашая войти.

– Вы, наверное, еще не оправились от потрясения? – спросила я. – Я никак не могу прийти в себя.

– Никогда раньше не видела трупов, – ответила она, страдальчески посмотрев на меня. – А он к тому же валялся там в грязи, вокруг камни, кровь...

– Да, понимаю. Я была медсестрой и видела немало трагичного во время войны, но и для меня это было тяжелое зрелище.

– Как вам кажется, он мучился перед смертью или она была мгновенной?

Судя по всему, Вайолет ничего не знала об убийстве, даже если ее отец и совершил его, но это надо было проверить.

– Будем надеяться, что не мучился.

– Только надеяться? – Она потрогала свою белоснежную лебединую шею и лицо.

– В таких случаях трудно сказать с уверенностью, – ответила я. – У вас найдется место, где мы могли бы спокойно поговорить?

– Да, конечно, – сказала она и провела меня в гостиную на первом этаже. – Садитесь, пожалуйста. Мы можем подождать здесь папу.

– Я уверена, он не будет возражать, если мы поговорим, пока его нет. Вы-то не против?

– Нет, разумеется, нет, – отозвалась она, нервно крутя локон, выбившийся из-под шляпы. – А что это был за человек? Умерший, я имею в виду.

– Честно говоря, мне он не очень нравился. Конечно, не полагается дурно отзываться о покойниках, но что есть, то есть.

– А почему не нравился?

– Он был, по-моему, чересчур напыщен и самоуверен. Но это не значит, что я радуюсь его смерти.

– Как вы думаете, инспектор знает, кто это сделал?

– Боюсь, еще не знает.

– Было ужасно, когда во время допроса пришлось заново пережить все это. Сам инспектор очень добр и предупредителен – я знаю, он хорошо ко мне относится, – но все равно, эти вопросы...

– Это неизбежное зло, – отозвалась я, а сама подумала: «Какая странная фраза! Так ли уж оно неизбежно?» Я была убеждена, что зло, настоящее зло, ничем нельзя оправдать. Глубоко вздохнув, я спросила: – Вы сказали, что не знали Винниата, но, может быть, видели его где-нибудь? В жизни он выглядел совсем не таким, как его тело там, в овраге.

– Да, могу себе представить.

– Он не бывал у вас?

– Нет.

– И он никогда не встречался с вашим папой?

– На что вы намекаете?

– Абсолютно ни на что. Хочу лишь прояснить кое-что непонятное. – Я знала больное место Вайолет и собиралась им воспользоваться. – Мне очень жаль его жену. Бедная Дейзи. Она очень тяжело переживает случившееся, а тут еще похороны. Но вам, я знаю, не надо объяснять, что она может чувствовать, потеряв любимого человека.

Слова заделали глубокую рану в душе девушки. Она старалась держать себя в руках, но не могла совладать с чувствами, вызванными близкой кончиной Эдмунда Фоссе. В глазах ее заблестели слезы, губы задрожали, и она разрыдалась, откинувшись на спинку кресла.

– О господи, как бесцеремонно с моей стороны, – сказала я и, подойдя к Вайолет, протянула ей свой носовой платок. – Ну, успокойтесь. Зря я это сказала. Вам хватило того, что вы наткнулись на труп Винниата, а тут еще мысли о потере близкого человека.

Рыдания сотрясали тело девушки, доводя ее до судорог. Мне это было знакомо. Я жалела Вайолет, но у меня сложилось впечатление, что она не говорит всей правды. Я присела рядом и положила руку ей на колено:

– Вайолет, если вам известно что-то, скажите мне, прошу вас, – даже если это кажется вам малозначительным. На самом деле это может быть самым важным для раскрытия преступления. Я понимаю, вам тяжело из-за того, что Эдмунд умирает. Но поставьте себя на место Дейзи Винниат. Ее преследуют мучительные вопросы – и представьте, каково ей будет, если они останутся без ответа. Она до конца своих дней не найдет покоя, гадая, кто убил мужа. Ее жизнь, скорее всего, будет погублена.

– Я понимаю, – рыдала Вайолет. – Но это было бы неправильно.

– Что было бы неправильно?

Она не ответила, и я продолжила:

– Когда мы любим человека, нам бывает трудно признать, что он не совсем такой, какой... каким нам хотелось бы его видеть. Понятно, что нет ни абсолютно хороших людей, ни абсолютно злых. Если ваш отец когда-

либо...

– Когда-либо... что? – спросил Джерард Гренвилл, входя в комнату.

Вайолет в ужасе вскочила с кресла, как загнанный зверек, окруженный охотниками и собаками.

Интересно, подумала я, что именно подслушал Гренвилл?

– Вайолет рассказала мне о вашей работе, и у меня возник вопрос: не приходилось ли вам когда-либо сталкиваться с кем-то или чем-то, являющимся абсолютным воплощением зла?

Его большие глаза посмотрели на меня с некоторым удивлением, но затем, когда до него дошел смысл вопроса, уродливое лицо расплылось в удовлетворенной улыбке.

– С кем-то или чем-то из этого мира или потустороннего? – спросил он.

– Не важно, – ответила я, стараясь унять нервную дрожь.

Гренвилл бросил встревоженный взгляд на дочь, которая отошла к угловому столику с напитками и стояла, отвернувшись.

– Дорогая, ты себя чувствуешь нормально? Не идет из головы это грязное дело? Может быть, нам лучше уехать отсюда на время, как ты думаешь? – Он подошел к Вайолет и тронул ее за плечо. Она отпрянула, словно к ней прикоснулась змея или жаба. – А, Вайолет?

– Все нормально, папа, – ответила она ровным тоном. – И я не хочу никуда уезжать.

– Я думал, поездка в Париж будет тебе очень полезна. Или можно в Афины, в Каир.

Она ответила таким ледяным взглядом, как будто ей было худо от одного упоминания этих мест. Интересно почему.

– Ладно, съездим еще когда-нибудь, – уступил Гренвилл, похлопав дочь по плечу. – А теперь, миссис Кристи, как насчет того, чтобы обратиться за консультацией к картам таро?

Мне надо было втереться в доверие к Гренвиллу, и я кивнула в знак согласия:

– Я очень многому хочу у вас научиться. Я чувствую, что моя поездка на Тенерифе была предопределена.

– Это очень любезно с вашей стороны, миссис Кристи. Давайте вернемся к тому моменту, на котором нас прервали в прошлый раз. Вайолет, почему бы тебе не пойти к Консуэле и не помочь ей с блюдами? Там не так уж много возни – мы запланировали для вас очень скромный ужин, миссис Кристи. – Он вновь повернулся к Вайолет. – Я сказал Консуэле, что она может быть свободна, когда приготовит ужин, – у нее,

похоже, опять проблемы с Хосе.

Я вспомнила, как Дэвисон говорил мне о Хосе, молодом человеке, который рассказал Грину о намерении Гренвилла освободить дух зла из вулкана. Идея была, конечно, крайне несообразная, но ведь на острове произошло уже два убийства.

– С мальчиками обычно возникает много проблем, – заметила я, поднимаясь вслед за Гренвиллом на второй этаж. – Сынишка моей сестры бывает просто невыносим.

– Да, мужские гормоны – страшная сила, нередко разрушительная.

– Именно это беспокоит Консуэлу?

– Ну, сама она вряд ли сформулировала бы это таким образом, – усмехнулся Гренвилл.

– А вы хорошо знаете молодого человека?

– Не очень. Он раньше приходил к нам, чтобы помочь в саду, выполнить какую-нибудь плотничную или другую работу, но затем пришлось отказаться от его услуг.

– Понятно, – обронила я как можно небрежнее. – Не слишком усердствовал?

– Если бы только это, – сказал Гренвилл, открывая дверь в кабинет. – Гораздо серьезнее было то, что у него развилась сердечная привязанность к моей дочери. Ситуация получилась, сами понимаете, очень неловкая. Вайолет не отвечала взаимностью, тем не менее страсти накалялись. Я не сержусь на парня. Сексуальные позывы в этом возрасте очень сильны, и так уж заведено природой, что каждый мальчишка стремится разбросать свои семена всюду, где только можно. Однако Вайолет это очень угнетало, так что мы расстались с Хосе.

– Понятно, – кивнула я.

– Но на этом история не кончилась. Хосе стал распространять самые нелепые сплетни обо мне.

Я подумала, что надо обязательно разыскать Хосе.

– Я велел Консуэле образумить сына, если она не хочет тоже потерять работу, и он вроде бы угомонился, – сказал Гренвилл. – Но давайте приступим к делу.

Он закрыл дверь и жестом пригласил меня за стол. Я нервничала, но не боялась – вряд ли Гренвилл предпримет какие-либо действия против меня, пока в доме Вайолет и служанка. Вот когда Консуэла уйдет, будет другое дело.

– Я очень благодарна вам, мистер Гренвилл, за то, что тратите на меня время, – сказала я, занимая место за столом.

– Во-первых, просто Джерард, пожалуйста, а во-вторых, мне очень интересно наблюдать, как проявляются таланты, данные вам природой. В прошлый раз вы выбрали карту, предсказывавшую смерть. Посмотрим, что вытащите сегодня.

Гренвилл достал колоду карт таро и начал тасовать ее толстыми пальцами, напоминая мне колбаски. Процедура была в основном такая же, как и в первый раз, за исключением того, что он попросил меня закрыть глаза и взять несколько карт, а потом поделиться с ним впечатлениями от выбранных картинок. Это будет не предсказанием, пояснил он, а упражнением, позволяющим увеличить мои потенциальные возможности. Я все же относилась к эксперименту скептически. Вполне могло быть, что Гренвилл сам все подстраивает. Я не видела карту, якобы предсказавшую смерть, это было его голословное утверждение. Может быть, он вытащил ее из колоды сам, зная, какая карта наиболее точно соответствует особенностям совершенного – им же? – убийства. Да, скорее всего, я обладала повышенной способностью инстинктивно разбираться в людях, местах, ситуациях. Но дар ясновидения? Я очень сомневалась в том, что наделена им.

Я выбрала три карты – тройку мечей, на которой мечи протыкали сердце, короля кубков на троне со всеми полагающимися регалиями и восьмерку мечей с изображением девушки на берегу в окружении восьми мечей; девушка была связана, глаза ее закрывала повязка. Я сообщила Гренвиллу общие впечатления о каждой карте, он же многозначительно кивал, якобы усматривая глубокий смысл там, где я не видела никакого. После этого он попросил меня опять закрыть глаза и задать картам вопрос. На этот раз я решила, что должна посмотреть на выбранную мной карту. Вопрос же мой касался убийства, но не Дугласа Грина, а Говарда Винниата. Ощупав колоду, я вытащила одну из нижних карт.

– Ха! А вот это действительно интересно, – прокомментировал Гренвилл.

Его темные глаза загорелись.

Я увидела на карте человека в белой римской тунике и алом плаще, стоявшего около красного стола, на котором был кубок и пятиконечная звезда. В правой руке он держал что-то похожее на жезл.

– И что это значит? – спросила я.

Гренвилл погладил карту толстыми пальцами.

– Это маг, в перевернутом виде. – Он вперил в меня пристальный взгляд.

– В перевернутом виде?

– Если на карте, выбранной из колоды, человек оказывается вверх ногами, это меняет весь смысл предсказания. – Он помолчал и погладил полные губы. – Вы не будете возражать, если я спрошу, какой вопрос вы задали карте?

Я подумала, не стоит ли рискнуть и сказать правду? Его реакция, возможно, подсказала бы мне что-нибудь. Поморгав, я произнесла невинным тоном:

– Нисколько не возражаю. Я спросила, кто виноват в смерти Говарда Винниата.

Гренвилл ничего не сказал, но его большое уродливое лицо покраснело.

– И что же говорит карта? – спросила я.

– Я думаю, надо выбрать другую карту, – сказал он, засовывая мага в колоду.

– Почему? Я сделала что-то неправильно?

– Да нет, я просто чувствую нарушение потока энергии в комнате, а это приводит к ложному толкованию. Пусть это вас не заботит.

– Хорошо, – согласилась я.

Я протянула руку, чтобы взять еще одну карту.

– Не забудьте закрыть глаза, – сказал Гренвилл. – И постарайтесь ни о чем не думать.

Я закрыла глаза и услышала, как Гренвилл поднимается и встает за моим стулом, как в прошлый раз. Я почувствовала на шее едва ощутимую щекотку, как будто по коже водили перышком. Температура в комнате, казалось, вдруг повысилась; кровь прилила к лицу, щеки горели. Сделав глубокий вдох, я подумала о залитом кровью теле, раскинувшемся в нелепой позе на дне сухого речного русла. Кто же все-таки нес за это ответственность? Я выбрала карту, перевернула ее и открыла глаза. Это был все тот же маг.

Глава 25

– Не понимаю, в чем дело, – бросил Гренвилл, когда мы спускались по лестнице. – Возможно, виновато расположение планет. Надо будет повторить опыт как-нибудь в другой раз.

Он провел меня в гостиную, где на подносе стояли напитки.

– Что вы хотите? Есть местное вино, оно довольно крепкое и не всем по нраву, также херес – или, может быть, вы предпочитаете коктейль?

– Прошу прощения, мистер Гренвилл – Джерард, – я не употребляю крепких напитков.

– Ах ты, господи. Ну ладно, не имеет значения. Чего вам хотелось бы вместо них?

– Не беспокойтесь, меня вполне устроит вода.

– Вы уверены?

– Абсолютно.

– Это вода из источника около пляжа Мартианес, чистейшая, замечательная вода, – сказал он, подойдя к серванту и наливая мне стакан воды из большого керамического кувшина. – Из этого источника брали воду еще во времена гуанчей.

– Он рядом с пещерой, где нашли тело еще одной жертвы, мистера Грина? – спросила я как бы между прочим.

– Да-да, тоже ужасный случай. Что происходит на острове? Смерть за смертью.

– Вы знали мистера Грина?

– Нет. Инспектор тоже спрашивал меня о нем, и я сказал правду: никогда не встречался с ним. До недавнего времени я почти не вращался в местных кругах – пытался организовать общество единомышленников, а также составлял академический словарь по магии. С книгами очень много возни – все эти примечания, индексация и тому подобное. Вайолет, разумеется, помогает мне, когда может, но в последнее время, боюсь, у нее разыгрались нервы. Как бы то ни было, словарь почти закончен, поэтому я опять начал выбираться в свет. Предвкушаю вечеринку у мисс Харт в Валентинов день. Она, кажется, и вас пригласила?

– Да, и мне тоже не терпится побывать у нее. А как вы с ней познакомились? – спросила я.

– С Хелен-то? Мы встретились, кажется, в Лондоне – не помню, где именно. Ну, вы знаете, как это бывает. Она замечательный художник. Я

попросил ее изваять что-нибудь для моего сада, но эта работа тянется годами.

– Вы слышали, что произошло на пароходе по дороге сюда? С женой мистера Тревельяна?

– Да-да, ужасно. Но, говорят, она уже давно была не в себе. Я даже видел ее однажды на вечеринке в Лондоне, она вела себя как душевнобольная. Гаю пришлось пригласить врача, чтобы привести ее в чувство, но семейному счастью все это не способствовало, как вы можете себе представить. Я советовал ему свозить ее на Средиземное море или сюда, на Тенерифе. Здесь само солнце вылечивает лучше любого врача. Доктора занимаются лишь телесными недугами, а ведь для здоровья этого недостаточно – вы наверняка это тоже понимаете.

– В самом деле, – ответила я. Как говорила мама по этому поводу? А, да, это была цитата из Идена Филпотса. – «Во вселенной полно магических явлений, которые терпеливо ждут, когда мы станем лучше соображать», – произнесла я.

– Иден Филпотс, «Выход из тени». Правильно?

– Я потрясена, – сказала я абсолютно искренне.

– Видите ли, миссис Кристи, у меня фотографическая память. Я помню все, что читал когда-либо. Не хотите посмотреть мои книги?

– Да, это было бы очень интересно.

Гренвилл провел меня еще через одну гостиную в библиотеку, часть ее занимала коллекция примитивной скульптуры – артефактов культуры гуанчей, которые он собирал годами. Я всматривалась в выставленные экспонаты, пытаюсь отыскать что-нибудь похожее на фигурку, найденную Дэвисоном и мной в пещере.

– Это моя гордость и моя радость, – признался он, указав на книжные полки с рядами книг на разнообразные эзотерические темы.

Я заинтересовалась литературой по черной магии, но затем увидела шкаф, отведенный работам по фармакологии, из которых многие были посвящены ядам. Заметив мой интерес, Гренвилл вытащил из шкафа древнюю книгу в кожаном переплете и протянул мне.

– Взгляните-ка на это, – сказал он. – Одно заглавие чего стоит: «Руководство по уходу за людьми, принявшими яд, и за теми, кто не проявляет признаков жизни». Я думаю, вы с удовольствием почитали бы это.

– Несомненно, – ответила я, открыв титульный лист, где было указано, что книга написана М. Ж. Б. Орфилой^[20] и переведена военно-морским врачом Р. Г. Блэком. Это было второе издание тысяча восемьсот двадцатого

года. Но почему Гренвилл предложил мне эту книгу? Догадывался, что я подозреваю его в отравлении Винниата, и это был двойной блеф с его стороны? О кошмарных экспериментах с ядами во время моего так называемого исчезновения в прошлом году он вряд ли мог знать.

– Если вы не верите, что я все запоминаю, давайте поставим маленький эксперимент: вы открываете книгу в любом месте, говорите номер страницы и ключевое слово какой-нибудь цитаты, а я воспроизвожу ее слово в слово.

– Никогда не слышала, чтобы кто-нибудь мог сделать это.

– Я научился этому в Париже. Начинайте.

– Хорошо, – сказала я, пробегая глазами страницу с содержанием книги. Мне попались на глаза вещества, содержащие ртуть, мышьяк и сурьму, селитру, соли аммония, сернистый калий, препараты со свинцом, опиум и маковыми семенами, и в конце концов я нашла то, что искала. – Страница восемьдесят четыре, белена.

Он выпучил глаза, язык его пробежал по полным губам, словно ящерица, и Гренвилл слово в слово повторил написанное в книге:

– «Корни белены черной иногда путают с пастернаком и добавляют в суп, что приводит к очень серьезным последствиям; листья также очень ядовиты».

Я не могла найти слов.

– Не удивляйтесь так сильно, миссис Кристи, – сказал он. – Это на самом деле совсем нетрудно сделать, если потренироваться, – как и все остальное в жизни. Но забавно, что вы выбрали именно эту цитату.

– Почему?

Он зашелся в хриплом смехе:

– Потому что сегодня у нас на обед суп с пастернаком.

Глава 26

Мы уселись за деревянный обеденный стол, покрытый красивыми тонкими кружевными салфетками, сплетенными, как сказал Гренвилл, местными женщинами. Вошла Консуэла с супницей. Когда она поставила ее на стол и сняла крышку, воздух наполнился характерным ароматом пастернака. Я наблюдала за тем, как служанка разлила суп по тарелкам и подала их каждому из нас. Если в супе были корни черной белены, отравиться должны все трое.

– Это собственный рецепт Консуэлы, – сказал Гренвилл, заметив, что я разглядываю бледно-коричневое варево в тарелке. – Куриный бульон из ее собственных цыплят, пастернак тоже выращивается по моей просьбе в огороде ее мужа. *Consuela, gracias por todo*^[21], – произнес он и добавил, что она может быть свободна. – Иди домой, пока не похолодало.

Я взяла серебряную ложку и хотела глотнуть супа, но остановилась. Гренвилл смотрел на меня с хитрой усмешкой.

– Не бойтесь, миссис Кристи, – сказал он и, повернувшись к дочери, объяснил: – Я поддразнивал ее насчет супа. Мы только что читали о том, что пастернак очень легко спутать с черной беленой. – У него в груди опять заклокотал хриплый астматический кашель. – Слушайте, если так будет продолжаться, мне придется пойти к этому чертову Тренкелю.

– Папа, не отзывайся о докторе плохо, – сказала Вайолет. – Он творит чудеса с Эдмундом.

– М-да, эту тему лучше не затрагивать, – пробормотал Гренвилл, занявшись супом.

Вайолет была угрюма и замкнута, и это быстро охладило атмосферу за столом. Озорной огонек в глазах ее отца погас, мы ели в молчании.

– Очень полезное блюдо, – заметила я, решившись попробовать деревенский суп после того, как отец с дочерью сделали это и с ними ничего не случилось.

Опять наступила тишина, прерываемая только журчанием супа и тиканьем часов в углу. Надо было оживить мрачную трапезу.

– Вам нравится Филпотс? – спросила я, проглотив кусок хлеба.

Гренвилл поднял голову от тарелки:

– Иден-то? Да, конечно, он очень хороший писатель. У него есть также задатки хорошего актера, но ему мешает проблема с ногами. Плохо управляет ими. Я раньше встречался с ним в Лондоне, пока он не

переселился в деревню.

– Мне трудно это представить, – проговорила я, чувствуя себя несколько неловко. – Он был нашим соседом в Торки.

– Ты слышишь, Вайолет? Надо же, какое совпадение. Да, он замечательный писатель и необыкновенно плодовитый. Удивляюсь, как он успевает столько сочинять.

– И к тому же он очень великодушный человек, – прибавила я с теплым чувством. – Когда мне было лет восемнадцать, я советовалась с ним по поводу писательской профессии. Он поощрял мои начинания и даже прочитал мой первый опус, хотя вряд ли получил от него удовольствие.

– Это был детективный роман? – спросила Вайолет, чье мрачное настроение немного рассеялось под влиянием вина.

– Нет, это был роман о женщине, которой надо было сделать выбор между двумя поклонниками; действие разворачивалось в Каире.

– Звучит интригующе, – заметил Гренвилл. – А роман как-нибудь назывался?

– «Снег в пустыне». Даже не знаю, почему я так назвала его. И хотя Филпотс одобрил книгу и даже отправил ее своему агенту, роман, разумеется, не опубликовали. В нем было слишком много недостатков, а главная проблема заключалась в том, что мне взбрело в голову сделать героиню немой, и за отсутствием диалогов чтение книги превращалось в тяжкое испытание.

Все рассмеялись, и обстановка за столом несколько разрядилась. В эти минуты, получая удовольствие от роли увеселителя публики, я даже забыла, с какой целью здесь оказалась. Но затем, когда Гренвилл с дочерью стали расспрашивать меня о начале писательского пути и о моей следующей книге, я уже думала, как мне выполнить то, ради чего пришла.

– Примечательно, что Филпотс поддержал вас в начале творческой карьеры, – заметил Гренвилл. – У него ведь была, как говорят, очень талантливая дочь. Как ее звали?

– Аделаида, – ответила я.

Взгляд Гренвилла при упоминании этого имени чуть затуманился.

– В детстве мы с ней ходили на уроки танцев, – продолжила я. – Она написала с отцом пьесу «Желтые пески», пользовавшуюся большим успехом. А теперь она вполне самостоятельный драматург, недавно опубликовала еще одну пьесу, действие которой разворачивается в Древнем Египте.

– Да, она необыкновенная женщина, – сказал Гренвилл. – И это замечательно, что отец с дочерью так близки друг другу. Совсем как мы

с Вайолет.

Его дочь никак не откликнулась на это и, поднявшись, стала убирать пустые тарелки со стола.

– Вайолет – очень симпатичная девушка, правда ведь? – спросил меня Гренвилл, когда она вышла с подносом на кухню.

Вайолет вернулась с подносом, на котором был картофель, блюдо с рыбой, большая миска с салатом и несколько маленьких с красным и зеленым соусом.

– Ты не обслужишь нас, дорогая? – обратился Гренвилл к дочери.

Я все же побаивалась, что пища может быть отравлена, и спросила, не могу ли я взять себе еду сама.

– Боюсь есть слишком много, – объяснила я. – Здесь, на острове, желудок у меня что-то раскапризничался.

– Конечно, конечно, – сказал Гренвилл. – Туристы постоянно сталкиваются с этой проблемой. Но у меня есть очень эффективное средство против этой хвори – если хотите, я потом покажу его вам.

Я кивнула, хотя и не собиралась принимать в этом доме какие-либо «средства». За обедом Вайолет в основном молчала, а ее отец расспрашивал меня о жизни в Англии, о детстве, о родителях и о моем интересе к сверхъестественному. Я преувеличивала мое увлечение оккультизмом, а Гренвилл продолжал настаивать, что я обладаю необычными способностями. Я, в свою очередь, поинтересовалась его пристрастиями и убеждениями. Он сказал, что в детстве очень любил легенды о короле Артуре – в чем я была с ним солидарна – и уже тогда чувствовал, что ему доступны разные пласты реальности. Он скрывал эту свою особенность от родителей, ригористичных пуритан, но в Оксфорде посещал ритуалы, посвященные богине Исиде, и увлекся идеями «Золотой зари»^[22]. Когда его мать, а затем и отец умерли, добавил Гренвилл, ему досталось богатое наследство, нажитое семейной торговлей лесоматериалами, так что у него не было необходимости приобретать какую-либо профессию. Он был волен заниматься тем, что подсказывали ему интеллект и природное любопытство; они же увлекли его в Париж, где он вращался в богемных кругах и экспериментировал с веществами, которые, как он считал, освобождают душу от оков повседневного бытия. Он сблизился с французом испанского происхождения Жераром Анкоссом, известным под псевдонимом Папюс^[23].

– Так я стал своего рода учеником колдуна, – сказал Гренвилл, макая маленькую картофелину в острый красный соус, называвшийся, по его

словам, «мохо». – Папюс действительно многому меня научил; я помогал ему с изданием книг и публикацией статей в журнале «л’Инисиасьон». Мы даже ездили вместе в Россию вызывать дух Александра Третьего. Он предсказал близкий конец Российской империи и оказался прав: царя Николая действительно свергли с престола.

Он сделал паузу, хлебнул вина и вытер губы, испачканные красным соусом.

– Мы с ним были очень близки, пока однажды не разошлись в интерпретации одного отрывка в некоем малоизвестном древнееврейском тексте. Были, конечно, и другие причины разрыва. Папюс считал, что мои магические способности начинают превосходить его собственные, и изгнал меня из своего ордена. Я же был сыт по горло и им самим, и его окружением, мне хотелось повидать мир, и я присоединился к группе, решившей подняться на вулкан Орисаба в Мексике. И именно там, когда я стоял на вершине мира, передо мной предстала вся моя будущая жизнь в виде отдельных картин. Я увидел даже лицо дорогой Жаклин, на которой впоследствии женился; увидел рождение дочери и смерть Жаклин при родах. А последним видением был вулкан, который, как я узнал, назывался Тейде. Затем туман рассеялся, и я увидел вокруг унылую голую землю, но на каменистой почве безжизненного кратера рос маленький цветок, прекрасная фиалка. И спустя несколько лет, когда Жаклин умерла во время родов, мне стало ясно, что ребенку надо дать имя Вайолет, ибо это название цветка, который распускается на Тейде даже в самых неблагоприятных условиях^[24].

Гренвилл был доволен произнесенной им речью и ожидал одобрения со стороны Вайолет, но та сидела, не поднимая глаз от тарелки. Я была убеждена: ей известно что-то, серьезно компрометирующее отца, однако поделиться этим со мной она не считает возможным. Надо было завоевать ее доверие, но как?

Гренвилл, судя по всему, собирался разразиться еще одной речью о том, что он видел на вершине горы, но я отложила нож и вилку и вытерла салфеткой губы.

– Надеюсь, вы простите меня? – произнесла я, вставая. – Вайолет, вы не покажете мне, где я могла бы попудрить нос?

– Да, конечно, – сказала девушка, вскочив с места. – Надеюсь, вы чувствуете себя нормально?

– Ну, небольшой непорядок в желудке.

– Надеюсь, виноват не наш обед, – бросил Гренвилл.

– Нет-нет, это все мой непредсказуемый желудок.

Вайолет взяла меня за руку и провела по коридору к помещению, приспособленному в качестве примитивного туалета. Перед тем как зайти в комнату, я повернулась к девушке и озабоченно посмотрела на нее. Это спровоцировало внезапный всплеск эмоций с ее стороны.

– Чего вы от меня ждете? – сердито прошептала она. – Он же уже все сказал – какие хорошие у нас отношения, какой он замечательный отец.

– Вайолет, я знаю, что-то беспокоит вас, – прошептала я в ответ. – Если вы можете сообщить мне что-нибудь о своем отце или об убийстве Винниата, не держите это в себе. Я вижу, вас это мучает, расстраивает психику. Подобные секреты могут действовать, как смертельная отравка.

Она посмотрела на меня испуганно и непонимающе:

– Что вы хотите этим сказать?

– Если вы не сообщите мне то, что вам известно, может произойти еще одно убийство. Сначала Дуглас Грин в пещере, теперь Винниат, убитый недалеко от вашего дома. И вряд ли это последнее звено в цепи.

– Я совсем не это имела в виду.

– А что же тогда? Я же вижу, вы мучаетесь. Откройтесь мне.

В эту минуту до нас донесся звон разбивающегося стекла.

– Вот черт! – воскликнул Гренвилл в столовой. – Вайолет! Принеси что-нибудь, чтобы убрать тут. Вайолет, куда ты пропала?

– Иду! – откликнулась девушка.

Прошептав: «Заходите!», – она подтолкнула меня в ванную и направилась к отцу. На случай если ей вдруг захочется подслушать под дверь, я вылила часть воды из кувшина в унитаз и в умывальник, побрызгала водой себе в лицо и вытерла его белым полотенцем с вышивкой. Приведя себя в порядок, я вернулась в столовую, где Вайолет, стоя на коленях, собирала с пола осколки стекла.

– Ну как, надеюсь, вам лучше? – спросил Гренвилл, стоявший за моим стулом и приглашавший занять его.

– Да, гораздо лучше. Прошу прощения за прерванный обед, – ответила я.

– Не нужно извинений, совершенно не нужно, – отозвался Гренвилл, подходя к серванту у стены. – Простите за этот беспорядок. Я искал настойку, о которой говорил, и уронил стакан. Но зато я нашел лекарство для вас. Оно идеально справляется со всеми проблемами пищеварительного тракта.

Он взял с верхней полки пузырек с бесцветной жидкостью и сказал, зловеще улыбаясь:

– Очень рекомендую вам попробовать это.

– А ч-что это такое? – выдавила я.

– Не беспокойтесь, миссис Кристи. Это средство, изготовленное из экстрактов замечательных трав и растений, произрастающих в нашем саду.

– Могу я узнать, из каких именно растений?

– Так, сейчас посмотрим: вербена лимонная, семена фенхеля, апельсиновая цедра и ромашка. Действует успокаивающе на внутренние органы, в том числе и мозг.

Мне подобная смесь показалась странной. Открыв пузырек, Гренвилл набрал жидкость в пипетку и потянулся к стакану, из которого я пила воду.

– Достаточно двух капель, – сказал он.

– Спасибо, это очень любезно с вашей стороны, – сказала я, пододвигая стакан к нему.

Вайолет делала вид, что продолжает собирать стеклянную крошку с пола, хотя я была уверена: она уже все убрала. На совке рядом с ней лежал большой кусок стекла, и мне вдруг представилось, как она хватает этот осколок и перерезает им горло Гренвиллу. Кровь брызжет из раны, образуя жуткое ожерелье, лягушачьи глаза вылезают из орбит, недоумевая по поводу внезапной унижительной смерти. Массивная фигура валится на обеденный стол и с него на пол.

Гренвилл уже собирался вылить содержимое пипетки в мой стакан, но я прикрыла его рукой.

– Мне очень хотелось бы опробовать это средство, но я только что вспомнила – доктор Тренкель выписал мне другое лекарство, и я боюсь, что они плохо совместимы друг с другом.

– Но это всего лишь экстракт из растений, он не может принести вреда.

– И все же я боюсь рисковать, – сказала я. – Кроме того, я чувствую некоторую слабость и потому хотела бы попросить у вас разрешения, если вы не возражаете...

– Остаться у нас на ночь?

– Да. Вы читаете мои мысли, мистер Гренвилл.

– Просто я как раз хотел предложить вам то же самое, – сказал он, опустошая пипетку обратно в пузырек. – Мы были бы очень рады, если бы вы остались. Правда, Вайолет?

– Да, папа, – ответила она, поднимаясь с пола и оправляя платье.

– Давай я выкину осколки, – предложил Гренвилл, беря у нее совок, – ни к чему им здесь валяться. Мало ли что может случиться. – С озабоченным видом он покинул столовую.

Вайолет сделала шаг ко мне.

– Приходите ко мне в комнату часа в два, – прошептала она. – Это третья дверь по коридору, справа от вашей.

Глава 27

Вайолет с отцом показали мне мою спальню – скромную комнатку со стенами белого цвета. В спальне был небольшой письменный стол, рядом с ним – кресло и столик с тазом, графином с водой и двумя стаканами.

Гренвилл сказал, что утром, после завтрака, ему хотелось бы продолжить наши магические эксперименты, на этот раз с маятником и книгой «И цзин»^[25]. Кроме того, он хотел показать мне коллекцию скульптур и других осколков культуры гуанчей. Хелен Харт, добавил он, является большой поклонницей скульптуры этого народа. Она хочет приблизить свое творчество к примитивному искусству. На этом мы расстались и разошлись по спальням.

В комнате я умылась и, сев на кровать, стала ждать, когда дом уснет, и обдумывать впечатления, оставленные необычным вечером: странные отношения между Гренвиллом и дочерью; его желание непременно влить в меня настойку, которая якобы устранил все болезненные желудочно-кишечные симптомы; необъяснимое ощущение, что Гренвилл читает мои мысли. Что у него на уме? Открыв сумочку, я проверила, на месте ли яды. Они не защитят меня, если Гренвилл нанесет удар первым. Ему достаточно добавить каплю смертельного вещества в утренний чай или кофе, и я переселюсь в мир иной. Он наверняка знает яды, присутствие которых в организме очень трудно, а то и невозможно обнаружить. Он скажет полиции, что вечером я жаловалась на рези в животе, а во сне умерла. Вайолет, без сомнения, все подтвердит. Меня похоронят, как принято здесь, в течение двух дней, и я останусь навечно на острове вблизи африканского берега, но слишком далеко от Англии, чтобы кто-либо мог навещать мою могилу.

Однако сдаваться на милость Гренвилла я не готова. Когда он и Вайолет, по моим расчетам, уже должны были уснуть, я взяла свечку, лежавшую на прикроватном столике, и пошла по коридору к кабинету. При тусклом свете свечи вампиры и демоны, вырезанные на деревянных стенах, выглядели даже страшнее обычного. Собравшись с духом, я подошла к письменному столу Гренвилла и взяла лежавший на нем лист бумаги. Поднеся его ближе к свечке, я поняла, что не смогу прочитать написанное, так как не знаю языка. Да и шрифт оказался абсолютно незнакомым; возможно, это даже был шифр.

Если все-таки Гренвилл убил Винниата, он должен был взять его

блокнот. Возможно, он уже сжег его, но все же обыскать дом стоило – если не блокнот, то какие-то другие вещественные доказательства могли остаться. Я принялась рыться в ящиках письменного стола. Мне попадались пузырьки с чернилами – в том числе красными, как кровь, – печати необычной формы, рецепты, документы, относящиеся к домашнему хозяйству или связанные с путешествиями, и, наконец, записные книжки. Все они были исписаны текучим вычурным почерком Гренвилла. Быстро пролистав книжки, я увидела, что все записи относятся к ритуалам, обрядам и магическим заклинаниям, которые описывались в таких сугубо специальных терминах, что даже общая суть была мне непонятна. Среди них бросались в глаза такие характерные слова и выражения, как «темная сила», «внутреннее зло», «сатанизм», «суккуб»^[26], «золотая заря», «тайное невыразимое действие», «восхитительное совращение невинных», «книга мертвых». Но самым многозначительным был раздел, озаглавленный: «Как выпустить кровь из тела». Я подумала о трупке Дугласа Грина в пещере, обескровленном и окрашенном в алый цвет. По-моему, в книжках достаточно фактов для того, чтобы инспектор Нуньес заинтересовался Гренвиллом. В ящиках стола хранилась также переписка с оккультистами из Парижа, Лондона, Греции и Египта, касающаяся организации своего рода оккультистской коммуны на Тенерифе.

В некоторых записных книжках приводились сведения о различных ядах и противоядиях, указывались симптомы отравления и действие различных ядовитых веществ – аконитина, цианида, эзерина, болиголова, ржи рогатой, аконита, ядовитых грибов, рвотного ореха, пилокарпина. Последнее вещество, применяемое иногда при лечении глаукомы, вызвало у меня особый интерес, так как я знала, что это средство может служить и противоядием, нейтрализующим действие атропина, содержащегося в белене, которой, как я подозревала, угостили Винниата.

Я бегло просмотрела разделы, где Гренвилл, похоже, дал волю сексуальному воображению. Подробно читать эти записи я не собиралась, даже думать о его участии в противозаконных актах было противно. Листая страницы книжек, я физически ощущала исходившее от них зло, оно, казалось, проникало в меня через кожу. Сделав несколько глубоких вдохов, я постаралась вспомнить все хорошее, что у меня было в этом мире: маму, Розалинду, Карло, любимого пса Питера. Я представила себе Торки и красивый морской вид со скалой Тэтчер-рок, вообразила ощущение морской воды на коже. Это напомнило мне молодую женщину перед прыжком с палубы парохода. Мысль о Джине Тревельян почему-то не давала покоя. Это было самоубийство в чистом виде. Ее психика

расстроилась. Она обнаружила, что у мужа есть любовница, их общая знакомая. Всего этого вполне достаточно, чтобы объяснить, почему она решила покончить с собой. И все же я чувствовала в этом что-то неправильное, хотя и не могла определить, что именно. Одно было ясно: к ее смерти Гренвилл отношения не имеет, а потому при всей моей решимости не забывать о Джине Тревельян этой ночью ее можно выкинуть из головы.

Прислушиваясь, не ходит ли где-нибудь Гренвилл, я поднялась в библиотеку. Свеча отбрасывала длинные причудливые тени. Странно, подумала я, что Гренвиллу известна эта цитата из книги Филпотса. Еще более странно, что он знаком с самим Филпотсом.

В библиотеке я стала осматривать с помощью свечи книжные полки. Там встречались книги с экзотическими названиями: «Книга божественной магии» Абрахама Вормсского, «Александрийский кодекс», «Книга Сойга», «Догматы и ритуал высшей магии» и другие подобные им. Я сняла с полки наугад одну книгу. Это был трактат на арабском языке, называвшийся «Китаб аль-Бульхан» (Книга чудес). Я раскрыла том где-то в середине. На странице изображался получеловек-полудьявол. Череп его украшали рога, из углов рта торчали два клыка. На следующей странице я увидела еще один гротескный гибрид: чернокожий с тремя звериными головами. Иллюстрации были выполнены очень хорошо и умело, но сами изображения производили отталкивающее впечатление, так что я закрыла книгу и поставила в шкаф.

Я пошарила на полках за книгами в поисках пропавшего блокнота Винниата, но не нашла его. Посмотрела, нет ли следов сожженной бумаги в камине. Обрывки бумаги были, но оказались остатками канарской газеты. Затем я перешла к коллекции древних статуэток. В неровном свете свечи примитивные фигурки казались тотемным воплощением зла. Подражая музейным экспозициям, Гренвилл снабдил статуэтки этикетками с названием объекта и указанием места находки. Первой на глаза мне попала фигурка Тибисены, похожая на ту, что мы с Дэвисоном нашли в пещере. Рядом стояло скульптурное изображение Гуайоты, злобного духа, обитавшего в вулкане Тейде. Дэвисон рассказал мне, что, согласно местной легенде, Гуайота похитил солнце, принявшее облик Маджека, и запер его внутри вулкана, отчего весь мир погрузился во тьму. Но верховное божество гуанчей, бог-отец и создатель Ачаман освободил Маджека, а в вулкан заточил самого Гуайоту в наказание за грехи. Грин полагал, что Гренвилл хочет выпустить Гуайоту на волю и установить в мире господство зла.

Разумеется, все это были суеверия, далекие от действительности, тем не менее несбыточные устремления Гренвилла могли породить новые несчастья, заставить людей страдать.

Часы пробили два. Пора было идти к Вайолет. С зажженной свечой я поднялась на второй этаж. В коридоре порыв ночного бриза задул свечу и оставил меня в темноте. Дойдя до дверей Вайолет, я услышала в комнате странные приглушенные звуки. Что там могло происходить? Я вернулась на ощупь в свою комнату и взяла коробок спичек, лежавший на столике у окна. Вспомнился момент в пещере, когда, испугавшись призрачной фигуры, я пыталась зажечь трясущимися руками спички и рассыпала их. Тот же страх сковывал меня и сейчас. Я долго ощупывала столик, натываясь на стеклянное пресс-папье, подсвечник, книгу, прежде чем нашла коробок. Первая спичка, которую я попыталась зажечь, обожгла пальцы и упала на пол. Вторая сломалась, вонзив в палец крошечную занозу. Третья осветила каплю крови, выступившей на пальце. Я зажгла свечку и вернулась к комнате Вайолет. Около ее двери я остановилась, чувствуя, как сводит желудок, и не имея ни малейшего желания видеть, что делается за дверью. Может, лучше всего было бы немедленно покинуть этот дом и никогда больше сюда не возвращаться? Так ли уж надо было мне знакомиться со всеми нюансами зла, царившего в Маль-Пэ? Но тут я вспомнила полный отчаяния взгляд Вайолет, с каким она просила меня прийти к ней в два часа. Она хотела, чтобы я увидела что-то, узнала о чем-то.

Приложив ухо к дверям, я услышала звериное ворчание и хриплое дыхание. Я осторожно приоткрыла дверь, но при слабом свете свечи на прикроватном столике не сразу поняла, что происходит в комнате. А затем я увидела жуткую гротескную сцену, поистине противоестественную. На кровати переплелись две фигуры. Голая волосатая спина Гренвилла вздымалась и опускалась над бледным обнаженным телом дочери. Моим первым побуждением было кинуться к ним и стащить монстра с кровати, но в этот миг я увидела глаза Вайолет, полные слез, гнева, ненависти. Я шагнула к ним, но она покачала головой. Она не хотела, чтобы я предпринимала что-нибудь – по крайней мере, сейчас. Она не могла сказать мне правду об отце, потому что выразить ее словами было слишком страшно. Она позвала меня, чтобы я увидела все сама.

Я вышла в коридор и тихо прикрыла за собой дверь. Когда я вернулась в свою комнату, звук тяжелого дыхания Гренвилла все еще раздавался в ушах, а перед глазами стояла отвратительная сцена, которую мой разум отказывался постигать. Маль-Пэ было насквозь прогнившим местом, где

извращенная личность Гренвилла разрушала, подобно злокачественной опухоли, все вокруг, включая собственную дочь.

Чего ожидала Вайолет от меня? Может быть, она хотела, чтобы я обратилась в полицию и это привело бы к расследованию и всех прочих преступлений Гренвилла, то есть пыталась использовать меня в качестве связующего звена между собой и инспектором Нуньесом? Понятное дело, она слишком стыдилась, чтобы признаться во всем кому-либо – и тем более Нуньесу, который был равнодушен к ней. И уж последним человеком, кому она могла бы рассказать об извращенных притязаниях отца, был, очевидно, Эдмунд Фоссе. Утром надо расспросить Вайолет о ее намерениях.

Под влиянием сделанного открытия я задумалась о замечании, брошенном Гренвиллом в адрес Филпотса и его дочери Аделаиды. Неужели он намекал на что-то столь же непотребное в их отношениях? Филпотс был в высшей степени порядочным, достойным человеком. Очевидно, монстру Гренвиллу хотелось испачкать все вокруг нечестивой мерзостью. Мне казалось, он способен на все, что угодно.

Дверь моей спальни была снабжена замком, но ключ я не нашла. Я придвинула к двери стул. Гренвилла это, конечно, не остановило бы, вздумай он зайти ко мне, но для меня послужило бы предупреждением. Я не представляла себе, что стала бы делать потом.

Чем больше я думала о Гренвилле, тем больше распалась. Сидя на постели при колеблющемся свете свечи, я всеми силами старалась подавить в себе желание кинуться в комнату Вайолет. Я боялась того, что могла совершить. Я легла, но сон не шел. Стоило закрыть глаза, и мне представлялось, как Гренвилл умирает медленной и чрезвычайно мучительной смертью от моих ядов.

Глава 28

Ночь прошла без происшествий. Гренвилл не пытался вторгнуться ко мне, но легче от этого не становилось, поскольку сам воздух в комнате казался отравленным тем, что я видела ночью. Я не спала и лишь время от времени ненадолго забывалась, пока кошмар снова не набрасывался на меня.

В половине девятого раздался стук в дверь.

– Миссис Кристи... Агата! Это я, Вайолет, – едва слышным голосом произнесла девушка.

Поднявшись с постели, я подошла к двери и отодвинула стул. За дверью я увидела измученное лицо Вайолет. Казалось, каждая пора ее кожи излучала страдание и боль; глаза ее при виде меня заблестели от слез.

– Бедная девочка, – произнесла я, прикоснувшись к ее руке. – Заходите скорее, мы обсудим то, что было ночью.

Вайолет скинула мою руку со своего рукава.

– Ночью? Господи, что вы имеете в виду? – спросила она, отступив на шаг.

– То, что я видела в вашей комнате. Вашего отца.

– Простите, я не представляю, о чем вы говорите.

Я онемела, не зная, что сказать.

– Я пришла узнать, не стало ли вам лучше к утру, – объяснила она.

– Спасибо, я чувствую себя абсолютно здоровой.

– Вечером вам действительно было очень плохо, помните?

Я была совершенно сбита с толку и ничего не понимала.

– Но вы же знаете, что я притворялась. Мы говорили с вами об этом, когда я пошла в туалет. Вы попросили меня прийти к вам в комнату в два часа, и я пришла. И увидела вас там с вашим отцом.

– Боюсь, все это вам показалось из-за болезни, пищевого отравления. Отец говорит, иногда людям мерещатся странные вещи.

– Вайолет, мне ничего не мерещилось. Я видела вас в постели с отцом.

– Бог знает, что вы придумываете, – сказала она, повернувшись, чтобы уйти. – Я спокойно спала всю ночь, и папа тоже. Он сам мне сказал это утром. – Она озабоченно посмотрела на меня. – Возможно, после завтрака вам станет лучше. Если же нет, мы можем вызвать доктора, чтобы он осмотрел вас.

– Вайолет, прекратите, – оборвала я ее, начиная сердиться не на

шутку. – Вы не можете не помнить своих вчерашних слов и не знать, что я увидела в спальне. Понимаю, вам трудно об этом говорить, но я обещаю, что помогу вам. Мы можем вместе объяснить это инспектору. Я готова поддержать вас во всем, поверьте мне.

– Не понимаю, в чем дело, но у вас все признаки помрачения рассудка. Папа сказал, что в английских газетах писали о нервном приступе, который был у вас. Наверное, ваше душевное равновесие еще не восстановилось. – Вайолет говорила мягким терпеливым тоном, как медсестра, успокаивающая возбужденного больного. Она даже положила руку мне на лоб, проверяя, нет ли жара. – Вам надо как следует отдохнуть. Ложитесь в постель, пожалуйста, а я скажу папе, чтобы он позвал доктора Тренкеля.

С этими словами она втолкнула меня в комнату, захлопнула дверь и заперла ее снаружи на ключ. Я подергала за ручку, но дверь не открывалась. Я стала стучать в дверь.

– Вайолет! Выпустите меня! Нам надо поговорить о том, что здесь происходит. Вам нельзя здесь оставаться, это опасно. Ваш отец...

В ответ я услышала удаляющиеся шаги. Продолжать уговоры не было смысла. Я яростно колотила в дверь, но так же безрезультатно. Я подошла к окну, забранному решеткой и выходявшему в ядовитый сад Гренвилла. Если бы я закричала, меня никто не услышал бы, кроме Гренвилла и Вайолет. Открыв сумочку, я поискала, чем можно открыть замок, но ничего подходящего там не оказалось. Некоторым утешением служило то, что я предупредила Карло запиской, куда направляюсь. Если я не вернусь к чаю, она забеспокоится и даже, может быть, обратится к инспектору Нуньесу.

Но что могло заставить Вайолет так круто изменить позицию к утру? Может быть, она сказала отцу, что я видела их, и он запугал ее угрозами? Я сомневалась, что они действительно вызвали бы доктора Тренкеля. Но как собирался поступить со мной Гренвилл? Он ведь должен был понимать, что любые его действия против меня не останутся безнаказанными. Как он, к примеру, объяснил бы мою внезапную смерть в его доме? Может быть, умопомрачение Гренвилла зашло так далеко, что его уже не заботила собственная судьба? Или он был готов пойти на это как на последнее преступление, в котором его извращенный ум проявил бы себя во всей своей дьявольской славе? Я подумала о двух последних убийствах. Тело в пещере частично мумифицировали, всю кровь из него выкачали. Второй жертве, умершей от переломов черепа, воткнули в глаз цветок райской птицы. Что он придумает для меня? Отравит, а затем представит тело в каком-нибудь гротескном виде или принесет в жертву воображаемому языческому богу?

Но от подобных размышлений толку было мало. Я сполоснула лицо холодной водой, привела себя в порядок и собралась с мыслями. Обдумывая, как поступить, я сделала кое-какие приготовления, которые могли пригодиться в ответственную минуту. Спустя полчаса я услышала, как в замке поворачивается ключ. Я не стала кидаться к дверям и лишь подняла голову, когда в комнате появилась массивная фигура.

– Вайолет сказала, что вы все еще чувствуете себя нехорошо, – начал Гренвилл.

– Да. – Я решила, что разумнее всего подыгрывать ему в зловещей игре.

– Очень жаль, если так. Вайолет сказала также, что у вас, похоже, высокая температура и вы бредите.

– Да, ночью было что-то вроде лихорадки.

– Наверняка мы можем справиться с этим, – заверил он меня.

Крупная фигура Гренвилла, казалось, заполняла все помещение. Он был похож на великана, пытавшегося втиснуться в кукольный домик. Он достал из кармана пузырек с прозрачной жидкостью.

– Это экстракт, о котором я говорил вчера, помните?

– Да, – сказала я. – Может быть, он действительно поможет мне.

У него был несколько растерянный вид, – по-видимому, он не ожидал, что я буду так уступчива.

– Где ваш стакан для воды?

– Вот. – Я взяла стакан со столика и протянула ему.

Готовясь к визиту, я налила в стакан порцию жидких нюхательных солей. Надо было лишь дождаться момента, когда он подойдет ближе.

Он сделал шаг ко мне и добавил в стакан с водой жидкость, которую называл экстрактом трав. Я взяла стакан и поднесла ко рту. Гренвилл следил за каждым моим движением.

– Вы сразу почувствуете себя лучше, – сказал он. – Нельзя допускать, чтобы у вас были всякие бредовые видения. Это отнимает много сил, не правда ли?

– Да, я все еще слаба, – ответила я, сжимая стакан в руке. – Ничего мне так не хочется, как поспать несколько часов.

Еще секунда-другая, и его глаза окажутся на «линии огня».

– «Уснуть... и видеть сны?.. Какие сны в том смертном сне приснятся...»^[27] – процитировал он.

Я пока еще не собиралась сбрасывать свою земную оболочку – по крайней мере, не с помощью Гренвилла. Я притворилась, что пью из стакана, в нос ударил сильнейший запах нюхательных солей. Но на

Гренвилла они должны были произвести поистине сокрушительное действие, когда я плесну жидкость ему в глаза. Я надеялась, что она ослепит его – хотя бы временно – и я смогу убежать.

– Вы пьете? – спросил он, наблюдая за мной. – Надо проглотить это разом. Сразу почувствуете облегчение.

Атмосфера в комнате накалилась, воздух, казалось, был заряжен электричеством. Черные глаза Гренвилла излучали странный магнетизм. В его взгляде было что-то гипнотическое, усыплявшее меня. Моя рука, казалось, потеряла всякую чувствительность, я не могла двинуть ею.

– Да, я вижу, вы очень устали, – мягко произнес он. – Я знаю, какие неприятности вам пришлось пережить. Выпейте это и отдохните. Закройте глаза.

Веки у меня отяжелели, голова отупела. Мне страшно захотелось лечь в постель, забыться сном и не думать ни о Грине в пещере, ни о Винниате с райской птицей в глазу; я не буду дергаться из-за неоконченного романа, не буду больше вспоминать Арчи; мне не будет дела до кошмарной жизни Вайолет. Но тут мне живо вспомнилась несчастная девушка в постели, ужасная тоска в глазах. Нет, забыть это и простить Гренвилла было невозможно. Я почувствовала прилив энергии, но делала вид, что гипнотическое воздействие Гренвилла продолжается.

– Так, хорошо. Сейчас вы почувствуете, как вас омывают теплые волны, – произнес он шепотом. – Теперь глотните воды – и можете спать, сколько хотите.

Открыв глаза, я увидела, что он смотрит на меня с патологической заворуженностью, как будто я была не человеком, а подопытным материалом или вообще трупом. Я сжала в руке стакан с такой силой, что испугалась, как бы не раздавить его. Гренвилл осознал, что я вышла из состояния гипноза, а может, и не была в нем, и в глазах его промелькнул страх. Отняв стакан от губ, я уже была готова выплеснуть жидкий аммиак ему в лицо, но в это время снизу до нас донесся шум.

– Боюсь, она еще не встала, она спит, – в панике кричала Вайолет. – Прошу вас, туда нельзя...

– Агата! Агата! – послышался голос Карло.

Она пришла мне на выручку.

– Я здесь, наверху, – крикнула я в ответ и услышала приближающиеся шаги.

Лицо Гренвилла потемнело от гнева.

– Если вы пренебрегаете моим лекарством, то не получите его! – вскричал он и, выхватив стакан из моих рук, швырнул его о стену. Запах

аммиака наполнил комнату. – Что это за чертовщина? – спросил он, глядя на меня в изумлении, которое сменилось разочарованием и открытым отвращением.

Схватив сумочку, я выбежала из комнаты, попав в объятия Карло.

– Я беспокоилась, – сказала она. – Вайолет сказала, что ты плохо себя чувствуешь. Как ты сейчас?

– Гораздо лучше, и мне пора возвращаться в отель. Розалинда наверняка думает, куда это я пропала.

Несмотря на ужасные моменты, пережитые в Маль-Пэ, мне не хотелось быть резкой с Вайолет перед уходом. Она не перенесла бы публичного унижения.

Обернувшись, я увидела, что Гренвилл идет, пошатываясь, по коридору, прижав ко рту платок. Лицо его покраснело, он дышал хрипло, с трудом. Это напомнило мне, как он дышал ночью, извиваясь в постели Вайолет, и меня затошнило.

– До свидания, мистер Гренвилл, – бросила я вслед ему. – Уверена, мы скоро увидимся. – Схватив Карло за руку, я потянула ее к лестнице, где стояла Вайолет.

– Почему ты такая бледная? Что случилось? – спросила Карло шепотом.

– Надо выбираться отсюда как можно быстрее, – прошептала я в ответ. – Он ненормальный.

По глазам Карло было видно, что она оценила ситуацию.

– Благодарю вас, мистер Гренвилл, мисс Гренвилл, – сказала она. – Я позабочусь о миссис Кристи. Спасибо за вашу заботу о ней.

Проходя мимо Вайолет, я остановилась и коснулась ее руки. Она не поднимала на меня глаз.

– Вам надо уехать из этого дома, – произнесла я спокойно. – Остаться здесь опасно.

– До свидания, миссис Кристи, – ответила она холодно, убирая руку. – Надеюсь, вы выздоровеете.

– Вайолет, – начала я, но меня прервал голос Гренвилла, шедшего за нами.

– Очень жаль, что вы так скоро нас покидаете, – сказал он, стоя на верхней площадке лестницы с широкой маниакальной ухмылкой на лице.

– Не останавливайся, – прошептала я Карло.

– Нам еще многое надо обсудить, – продолжал Гренвилл. – Я подозревал, что вы обладаете исключительными способностями, но вы меня удивили. Ваша изобретательность поистине уникальна.

Мы спустились по лестнице и вышли во двор. Я старалась не поднимать головы, чтобы не видеть Гренвилла. Покидая поместье, мы слышали гневные выкрики и ответные жалобные причитания его дочери.

Глава 29

– Ну о чем только ты думала? – выругала меня Карло, когда мы отошли на безопасное расстояние.

– Я знаю, прости, но я не видела другого способа найти доказательство.

– Доказательство чего?

– Того, что Гренвилл убийца, разумеется.

Карло застыла на месте и в ужасе повернулась ко мне:

– Ты хочешь сказать, что пошла в этот дом, зная или, по крайней мере, подозревая, что его хозяин убийца?

– Да, но...

– Слава богу, ты хоть записку оставила. Тебе что, так уж хочется сделать Розалинду сиротой? – бросила она сердито, и резкость тона усилила ее шотландский акцент. – Ты этого хочешь?

– Не хочу, конечно, но у полиции нет против Гренвилла никаких улик. Я хотела узнать побольше о нем самом и о его так называемой черной магии.

– И что тебе удалось узнать?

– Больше, чем рассчитывала. – Я рассказала ей обо всех отвратительных вещах, которые видела в Маль-Пэ: непристойностях в записных книжках Гренвилла, его непреодолимой тяге к разврату, библиотеке с книгами о магии, демонах и ядах. Сказала я и о том, что подозревала его в попытке отравить меня «травяным экстрактом», обладающим якобы целебными свойствами. – Когда ты пришла, он разбил стакан с «травками» о стену – несомненно, для того, чтобы я не могла взять раствор на экспертизу.

Я не сказала Карло, однако, о своей коллекции ядов и о том, как именно собиралась спастись. Умолчала я и о тех деталях, которые могли связать Гренвилла со смертью Дугласа Грина, так как не хотела раскрывать истинную цель поездки на Тенерифе и сообщать о моем сотрудничестве с разведслужбой.

– Но с самым ужасным я столкнулась, когда по просьбе Вайолет пришла к ней в комнату в два часа ночи. Я увидела там Гренвилла в постели с собственной дочерью.

У Карло был вид, будто ее вот-вот вырвет на дорогу.

– Ты хочешь сказать?!.

– Да, увы, хочу, – ответила я и рассказала, как Вайолет пыталась утром убедить меня, будто я заболела и страдала галлюцинациями.

– То есть сегодня она все отрицала?

– Да, из страха перед отцом. Я думаю, если бы его не было поблизости, я могла бы убедить ее. Живя в этом насквозь прогнившем доме, она каждую минуту подвергается опасности. Когда мы придем в отель, я сразу же сообщу инспектору все, что мне известно.

– Ты полагаешь, это разумно?

– А что мне еще остается? Я не могу оставить все как есть, надо избавить девушку от страданий. Каждый день и каждая ночь – ад для нее.

– Но что, если она будет по-прежнему все отрицать?

На этот вопрос у меня не было ответа.

– Конечно, его библиотека и записные книжки носят далеко не невинный характер, но при всем этом ты, как я понимаю, не нашла никакого свидетельства, уличающего Гренвилла в убийстве.

Замечание рассердило меня.

– Но все сходится – как ты не видишь? Он интересуется ядами и хорошо знает их, в частности белену; вблизи от места убийства нет других домов, кроме Маль-Пэ; райские птицы цветут у него в саду; его страсть – оккультизм, и он не скрывает этого. Можно добавить к списку улики тот факт, что в его коллекции скульптуры гуанчей есть фигурка, аналогичная той, которую мы с Дэвисоном нашли на месте убийства Грина.

Однако Карло мои аргументы не убедили.

– Если бы ты видела его глаза так близко, как я, ты не сомневалась бы в том, что он виновен, – сказала я.

Мы молча перешли по мосту овраг, в котором нашли тело Винниата, и в эту минуту я вынуждена была признать, что Карло права.

– Ладно, я не могу представить Нуньесу доказательств того, что Гренвилл убил Винниата, но я должна по меньшей мере сообщить ему о творящемся у них под крышей. А отсюда напрашивается вывод: раз Гренвилл способен так поступать с дочерью, он вполне мог совершить и другие преступления.

– Надеюсь, ты отдаешь себе отчет в том, что делаешь, – сказала Карло.

– Что ты имеешь в виду?

– Что ты, возможно, откроешь ящик Пандоры.

– Но не могу же я замалчивать это.

– Да, наверное. Я только хочу сказать, неизвестно, какова будет реакция людей. Как воспримет разоблачение Вайолет?

– Но я же не собираюсь кричать об этом на всех углах! – возмутилась

я. – Надеюсь, ты не считаешь меня настолько бесчувственной.

– Разумеется, нет, – сказала Карло, успокаивающе беря меня за руку. – Просто меня это тревожит. Я беспокоюсь не только за Вайолет, но и за тебя. Я обещала заботиться о тебе, и мне не нравится, что ты так переживаешь из-за других, тратишь себя на всю эту грязь в их жизни. Не хватает только, чтобы повторилось то, что было в прошлом году.

Что я могла ей сказать? Согласно версии, известной Карло, у меня был нервный срыв после смерти матери, который сопровождался застоем в работе, а затем на это наложилось известие об измене Арчи. Карло верила вынесенному врачами заключению, что в Харрогейт я попала вследствие длительного приступа амнезии. Она ничего не знала ни о злодее Кёрсе, ни о секретном сотрудничестве с Дэвисоном.

– Да, наверное, ты права, – ответила я, чтобы умиротворить ее. – Обещаю, что обдумаю все как следует, прежде чем решаться на какие-либо действия.

Желая сменить тему, я спросила, что делала во время моего отсутствия Розалинда. Мы поговорили о дочери и ее преданной любви к плюшевому медведю, затем перешли к сплетням о постояльцах отеля. Миссис Брендел по-прежнему выступала с монологом о «Титанике» перед всеми, кого ей удавалось заполучить в слушатели. Профессор Уилбор и Руперт Мэйби участвовали накануне за обедом в общем разговоре об убийстве Винниата. Дейзи все еще не покидала номера, где за ней присматривал доктор Тренкель. Хелен Харт и Гай Тревельян в «Таоро» не появлялись.

– Они, без сомнения, готовятся к приему в Валентинов день. Не могу сказать, что мне очень бы хотелось участвовать в этом празднестве, – сказала я, думая о пристрастии хозяев к спиртному. – Но я обещала быть у них. Да и посмотреть студию Хелен и ее работы было бы интересно. Почему бы тебе не пойти тоже?

– Ты же знаешь, что я люблю эти вечеринки еще меньше, чем ты, – улыбнулась Карло. – Мне гораздо приятнее будет провести вечер с Розалиндой и интересной книгой.

Мы нашли Розалинду в саду, где она и ее приятель Реймонд играли с плюшевыми мишками под присмотром гувернантки Реймонда, француженки со светло-каштановыми волосами и печальными глазами. Она сидела на скамейке в тени пальмы и читала книжку. Неожиданно Реймонд выхватил медведя из рук Розалинды и убежал с ним. Розалинда разразилась слезами. Мы с Карло поспешили к ней.

– Дорогая, ну что ты плачешь? – спросила я, обнимая дочку.

– Синий Мишка! Реймонд отнял у меня Синего Мишку, – ответила

она, рыдая.

– Я уверена, что он не хотел отнять его насовсем, – сказала я, утирая ее слезы. – Куда, интересно, он убежал? Вон та дама – гувернантка Реймонда? – Розалинда кивнула. – Давай спросим ее, она наверняка сможет нам помочь.

Карло представила мне гувернантку, мадам Жиру, и спросила, видела ли она ссору между детьми. Она не видела, так как была занята чтением, но, узнав, в чем дело, стала ласково утешать Розалинду, словно собственную дочь.

– Вот правильно, утри слезки, *ma petite*^[28], – произнесла она с французским акцентом и, встав, обратилась к нам: – Реймонд иногда капризничает, но это, я думаю, потому, что он потерял брата. Однако это, конечно, не служит ему оправданием.

Она предложила пойти к оранжерее, за которой Реймонд любил играть. Там он и был – сидел на земле, скрестив ноги и держа в руках обоих медведей.

– Реймонд, наверное, ты должен объясниться со своей подружкой, как ты считаешь? – спросила мадам Жиру, подойдя к мальчику.

Реймонд, не отвечая, продолжал играть с медведями. Тогда она опустилась рядом с ним на колени и начала что-то тихо говорить. В конце концов Реймонд поднял голову и кивнул в сторону Розалинды.

– Бери своего мишку, – сказал он.

– Возьми, дорогая, – подтолкнула я Розалинду к нему. – Видишь, Реймонд не хочет больше с тобой ссориться.

Розалинда улыбнулась и неловко приблизилась к мальчику. Она протянула руку, чтобы взять игрушку, но Реймонд с силой оттолкнул ее:

– Это не твой мишка, это мой!

Розалинда с плачем побежала ко мне.

– Реймонд, да что с тобой такое? – спросила мадам Жиру своего воспитанника по-французски. – Я не понимаю, почему ты так себя ведешь!

– Она опять хочет взять моего мишку! – сердито вскричал мальчик. – Она весь день так делает!

– Мамочка, почему он такой злой? Почему он не хочет отдать мне Синего Мишку? – жаловалась Розалинда.

– Успокойся, не плачь, – ответила я. – Давай подойдем и попросим его объяснить это.

Хотя Розалинда сопротивлялась, я подвела ее к Реймонду.

– Здравствуй, Реймонд, – сказала я приветливо. – Я мама Розалинды. У вас тут, похоже, какое-то недоразумение. Объясни, пожалуйста, чем ты

недоволен?

– Я веду себя хорошо! Я не делаю ничего плохого! – ответил он.

– Я не ругаю тебя, – успокаивала я его. – Давай разберемся с медведями.

– Вот видите? – сказал он, показав мне мишку, которого Розалинда только что хотела взять. – Это Джордж, мой мишка. – Кажется, Карло говорила, что так звали умершего брата Реймонда. – Сразу видно, что это Джордж, у него нет глаза. А вот это мишка Розалинды. – Он отдал медведя моей дочери, и она прижала игрушку к груди.

– Все понятно, – сказала мадам Жиру. – Дело в том, что сзади оба мишки выглядят одинаково.

– Да, а Розалинда все время брала не того, какого надо, и я рассердился.

– Ну, теперь все разъяснилось, – сказала она. – Но я думаю, тебе надо извиниться перед Розалиндой. Как ты считаешь, Реймонд?

– Извини, – буркнул Реймонд, слегка оттопырив нижнюю губу, и тут же они с Розалиндой убежали играть дальше, как будто не было никакого недоразумения.

Мы поблагодарили мадам Жиру за помощь в разрешении спорного вопроса и за предотвращение международного скандала; она ответила, что ей не впервой и что она с удовольствием будет и дальше присматривать за обоими детьми. Мы дошли с ней до дверей «Таоро», где и расстались.

В отеле к нам сразу подошел Густаво и после нескольких учтивых фраз вручил мне конверт. В конверте была записка Нуньеса, предписывавшая мне явиться к нему как можно скорее. У него возник вопрос, с которым надо разобраться, писал он. Возможно, он откопал какую-то информацию о Гренвилле и хотел посоветоваться со мной. Интересно, подтвердили ли проведенные Тренкелем анализы, что Винниата отравили? Вероятно, доктор сообщил инспектору, что я разбираюсь в ядах, и Нуньес счел мою помощь в этом деле очень полезной.

– Меня хочет видеть инспектор, – сказала я Карло.

Повернувшись к окну, я увидела Розалинду, игравшую с Реймондом. Думая о дочери, я живо ощущала прикосновение ее гладкой щеки к моей, слышала ее смех, напоминавший птичий щебет. Я вспомнила, как Кёрс высказывал угрозы в ее адрес, а я была готова на все, чтобы защитить дочь. А вот у бедной Вайолет не было матери, которая могла бы помочь. При ней Гренвилл, возможно, не отважился бы растлевать дочь. Я решила, что у меня нет выбора, я обязана раскрыть Нуньесу ужасную правду.

– Похоже, судьба вынесла решение за меня, – сказала я.

Поднявшись на второй этаж, я постучала в дверь номера, занятого инспектором. На стук выглянул помощник Нуньеса, высокий мужчина с аккуратно подстриженными усиками, который пригласил меня войти. Инспектор сидел за письменным столом нахмурившись. Я хотела рассказать ему о том, что происходит в Маль-Пэ, но он поднял голову и посмотрел на меня враждебно:

– Присядьте, миссис Кристи.

– Спасибо. Я рада, что вы вызвали меня, так как я должна сообщить вам нечто очень важное. Это может пролить свет на все дело и заставит вас взглянуть на него под другим углом. Дело в том, что вчера вечером...

– Простите, я должен остановить вас, миссис Кристи, – свирепо произнес инспектор, подняв руку. – Прежде чем вы начнете рассказывать мне что-либо, я должен задать вам вопрос. И пожалуйста, как следует обдумайте ответ.

– Слушаю вас.

Для пущего эффекта Нуньес сделал паузу, поднялся на ноги и выпалил:

– Это вы украли жемчужное ожерелье миссис Винниат?

Глава 30

– Я не собираюсь повторять вопрос дважды, – произнес Нуньес, глядя на меня с нескрываемым презрением.

– Разумеется, я не крада ожерелья, – решительно заявила я. – Выслушайте же меня. Вчера вечером...

– Миссис Винниат готовилась к похоронам супруга, – прервал меня инспектор. – Она хотела надеть жемчужное ожерелье, передававшееся в ее семье по наследству и, по-видимому, очень ценное. Но его не было ни в шкапулке, ни в других вещах, ни где-либо в номере. У нее и без того очень тяжелый период в жизни, а тут она вдобавок узнает, что кто-то пробрался к ней в номер и украл жемчуг. Нужно не иметь сердца, чтобы совершить такое. Теперь я спрошу вас несколько иначе: известно ли вам что-нибудь о краже жемчуга миссис Винниат?

Он пригвоздил меня к месту пристальным взглядом. «Может быть, рассказать ему, что я видела, спрятавшись в шкафу?» – подумала я.

Слова уже были готовы сорваться с языка, но я остановилась. У меня было ощущение, что разумнее не раскрывать инспектору этот секрет.

– Да? Слушаю вас.

– Нет, боюсь, мне ничего не известно.

Нуньес посмотрела на меня, прищурившись.

– Надеюсь, вы понимаете, миссис Кристи, что мне не нравится, когда со мной хитрят и делают из меня дурака, – сказал он, подойдя ко мне. – В современной детективной литературе принято высмеивать полицию. Мы все... – как это по-английски? – а, да, неотесанные чурбаны. Совершенно безмозглые существа, непригодные к детективной работе. Положительный герой – это сыщик-любитель или в крайнем случае полицейский в отставке. Но позвольте заметить, что в реальном мире любитель не добьется ровным счетом ничего. – Он стоял так близко, что я чувствовала его дыхание. – Если у вас есть талант писать об убийствах, это не значит, что он с таким же успехом проявится вне уютного мирка детективного романа.

Я задумалась: что ему известно обо мне? Может быть, он догадывается о моем тайном сотрудничестве с Дэвисоном? Откуда у меня это нежелание рассказывать ему об увиденном в номере Дейзи Винниат?

– Так вы ничего не хотите сказать?

Я покачала головой.

– Тогда как вы объясните тот факт, что есть свидетель, который видел,

как вы выходили из номера миссис Винниат вечером в субботу, в начале двенадцатого?

– Очевидно, свидетель ошибся, – ответила я, стараясь не нервничать и продолжая упорствовать в своем блефе.

– Ошибся?

– Ну да. В «Таоро», я думаю, проживает немало женщин примерно моего возраста, издали похожих на меня.

– Вы так полагаете?

– Не могу предложить никакого другого объяснения.

– Не можете?

– Нет. Сожалею, инспектор, но тот, кто якобы видел меня, очевидно, спутал меня с другой женщиной.

Нуньес смотрел на меня непримиримым ледяным взглядом:

– Это все, что вы можете сказать по этому делу?

– Да. Но я хочу сообщить вам о том, что видела этой ночью. Я ночевала в доме Джерарда Гренвилла, и...

– А о таинственном мистере Блейке вам нечего сообщить? – прервал меня Нуньес. – Или он исчез с концами? Вы, случайно, не получали вестей от него?

– Нет, никаких, – ответила я на этот раз правдиво. – Итак, я была в доме Гренвилла, и...

Нуньес отвернулся, подошел к письменному столу и обратился к помощнику с холеными усами, стоявшему в углу:

– Борхес, проводите, пожалуйста, миссис Кристи в коридор.

– Но как вы не понимаете? Я...

– Пожалуйста, больше ни слова, миссис Кристи. До свидания.

Я почувствовала легкое прикосновение к руке. Борхес указал на дверь. Оставалось только подчиниться.

В дверях я обернулась.

– Я могу прийти к вам для беседы в другой раз? – спросила я.

– Только если захотите сказать правду о жемчужном ожерелье, – ответил Нуньес, не поднимая головы от стола. – Меня не интересует, что еще вы хотите сказать.

«Неотесанный чурбан! – думала я, раздраженно шагая по коридору. – Неудивительно, что расследование смерти Винниата не продвигается. Он будто намеренно не хочет замечать очевидного».

– Ну как, все в порядке? – спросила разливавшая чай Карло, когда я вошла в номер. – Как он воспринял известие?

– Этот клоун не пожелал выслушать меня, – проворчала я.

О том, что именно хотел услышать Нуньес, я не могла ей сказать.

– Может, это и к лучшему, – отозвалась Карло. – Чай будешь?

– Да, налей, пожалуйста. Как это может быть к лучшему, когда бедная девушка живет с отцом, вытворяющим немислимые вещи?

– У инспектора, наверно, хватает забот с расследованием смерти Винниата.

– Тут ты, как всегда, права, – сказала я, беря у Карло чашку. – Что они действительно умеют здесь, так это заваривать чай. В кипятке, из качественных листьев – не то что кое-где на континенте.

– Да, где подают неизвестно что вместо напитка, который мы привыкли называть чаем, – сказала Карло. – Между прочим, я ведь не сообщила тебе плохую новость о миссис Винниат.

– Что за новость? – спросила я, зная ответ.

– Ты представляешь, в субботу, в тот самый день, когда ей сообщили об убийстве мужа, кто-то забрался к ней в номер и украл нитку чрезвычайно ценного жемчуга!

– Поразительная бесчувственность!

– Очевидно, вор воспользовался тем, что миссис Винниат крепко спала, приняв снотворное. Говорят, инспектор разыскивает некую пару, мужчину и женщину, которые специализируются на краже драгоценностей. Они останавливаются в шикарных отелях и обчищают постояльцев. Это известие взбудоражило всех женщин. Инспектор не говорил с тобой об этом?

– Нет, – соврала я.

– Странно, – заметила Карло. – Но жаль, что ты не слышала миссис Брендел. Она опять оседлала своего конька.

– Нисколько не сомневаюсь. Послушай, Карло, ты не встречала здесь кого-нибудь, кто говорит по-испански и кому можно доверять?

– Мисс Харт вроде бы говорит по-испански.

Однако мысль о Хелен Харт с дерзким взглядом ярких голубых глаз и вызывающими манерами не вдохновила меня.

– Нет, вряд ли она подойдет. Нужен кто-нибудь вне круга наших знакомых.

Карло с подозрением посмотрела на меня:

– А зачем тебе человек с испанским языком?

– Нужно кое-что перевести. Естественно, за деньги.

– Что перевести? Это не имеет отношения к происходящим здесь событиям, а?

Нужно было срочно придумать что-нибудь и сбить Карло со следа.

– Разумеется, не имеет. Я следую твоему совету и не вмешиваюсь в эти дела. Просто у меня родилась идея небольшого рассказа. – С тех пор как мы приехали на остров, в глубине моего сознания действительно вызревал замысел рассказа. – Я хочу написать о том, как несколько лет назад у пляжа Мартианес утонул человек и какое это оказало воздействие на его близких. Я подумала, что необходимой мне информацией владеют в первую очередь местные жители, а из них не все знают английский.

Ответ, похоже, удовлетворил Карло. Все это и вправду могло послужить фундаментом для рассказа, создающего соответствующую атмосферу. Я представляла себе женщину, которая живет в доме недалеко от гостиницы Ла-Пас и носит черные одежды вдовы. Она стоит на краю утеса над бушующими морскими волнами и думает, не броситься ли в воду.

– Мадам Жиру говорит по-испански, и, по-моему, довольно бегло.

А вот эта женщина, так хорошо относившаяся к моей дочери, как раз то, что надо.

– Замечательно, – сказала я, взяв Карло за руку. – Не знаю, что бы я без тебя делала.

Глава 31

Карло пошла разыскивать гувернантку Реймонда. Через несколько минут мадам Жиру подошла ко мне на террасе. Мы сели в саду, где теплый бриз шевелил листья пальм, шепотом повторяя наш разговор. Какое-то время мы говорили по-французски о детях, о недоразумении с плюшевыми медведями, об отеле, вулкане и климате, а затем я перешла на английский язык.

– Вопрос очень деликатный, мадам Жиру, но надеюсь, вы поможете мне, – начала я. – Если вы откажетесь, я, разумеется, не буду в претензии, но поверьте, дело это крайне важное. Благодаря вашей помощи мы можем спасти жизнь человека. Ваше участие повредить вам никак не может, это я обещаю.

Я рассказала ей, что размышляла о смерти Винниата и случайно узнала о существовании человека, который не замешан ни в одном преступлении, но может сообщить кое-какую информацию о Джерарде Гренвилле, – это Хосе, сын Консуэлы, работавший одно время в Маль-Пэ. О Гренвилле и особенно о его увлечении оккультизмом ходит много слухов, сказала я, и я хочу выяснить, насколько они обоснованны.

– Как видите, дело неотложное, – сказала я.

– Если это так важно, то почему инспектор Нуньес не занимается этим делом? – спросила мадам Жиру.

– Хороший вопрос. Безусловно, инспектор должен был бы заняться им. Но у него, похоже, шторы на глазах, и он не видит, что у него под носом.

Гувернантка помрачнела и, опустив голову, стащила черную перчатку с одной руки, затем с другой. Я увидела, что ее руки обезображены шрамами. Она потеряла палец в том месте, где могло быть обручальное кольцо, и на глазах ее появились слезы.

– Откуда вы узнали?

– Дорогая мадам, клянусь, мне ничего не известно о вас. Я лишь попросила Карло найти кого-нибудь, кто знает испанский язык, и она назвала вас.

– Значит, это указание свыше, – сказала она. – Видите ли, несколько лет назад я была замужем. Я понимала, что Альберт слишком хорош для меня – настоящий красавчик, а у меня внешность заурядная. Но мне казалось, ему будет хорошо со мной, и я вышла за него.

Слова гувернантки задели знакомые струны в моей душе. Я тоже

вышла за мужчину, показавшегося мне ослепительно красивым, – и чем это кончилось?

– Я закрывала глаза на то, что он пил, на приступы буйной ярости, охватывавшие его временами, – продолжала мадам Жиру. – Однажды у нас произошла бурная ссора. Даже не знаю, что его вывело из себя, только он схватил кухонный нож и... и вот... – Она раскрыла ладонь, на которой тоже была сеть красных шрамов. – И это не только на руках, но и здесь, и здесь. – Она указала на живот и на грудь.

– О боже, мадам Жиру, я...

– В ту же ночь Альберт сбежал из нашей квартиры в Перпиньяне. Полиция разыскивала его, но безрезультатно. Возможно, он уехал в Америку, не знаю. Мне пришлось вытерпеть массу болезненных операций и процедур. Когда я оправилась от всего этого, я обратилась к матери и сестре Альберта, умоляя сказать, где он. Я уверена, они знали это, но не хотели иметь со мной ничего общего и даже стали распространять в городе слухи, что я женщина легкого поведения. Мне пришлось уехать из Перпиньяна и пробиваться своими силами. Мой отец был французом, а мать испанкой. Оба они к тому времени умерли, и я отправилась в Париж. А в начале этого года супруги Мёррей, пара очень добросердечных американцев, пожалели меня и предложили работу – после смерти их сына Джорджа надо было помочь им присматривать за Реймондом.

Она снова натянула перчатки, сжав губы в застывшей улыбке, – очевидно, эта процедура доставляла ей боль.

– Когда вы спросили, не могу ли я помочь, я сначала немного испугалась, но теперь поняла вас. Конечно, я помогу, если буду в силах. Нельзя, чтобы люди вроде Альберта оставались безнаказанными. Объясните мне, что я должна сделать.

Мужество и решимость мадам Жиру впечатлили меня. Я сказала, что прежде всего надо найти Хосе. Сделать это лучше всего через его мать Консуэлу, которая работает кухаркой у Гренвиллов. Ей мадам Жиру могла сказать, что собирает материал для книги, которую готовит писательница, ночевавшая в Маль-Пэ. Однако я предупредила гувернантку, чтобы она ни в коем случае не говорила обо мне никому в доме, кроме Консуэлы. Для Вайолет и ее отца я была персоной нон грата. Консуэле же можно было сказать, что ее стряпня произвела на меня впечатление, я решила написать для английского журнала статью о канарской кухне и для этого мне надо поговорить с ней. Я предложила мадам Жиру деньги за работу, но она категорически отказалась. Она сказала, что к вечеру у нее будет несколько свободных часов, и тогда она сходит в поселок. На этом мы попрощались,

и, поблагодарив мадам Жиру, я вернулась в отель.

По пути в номер я увидела в конце коридора женскую фигуру в черном. Это была Дейзи. Она выглядела маленькой и хрупкой, как полумертвая птичка. При виде меня она застыла, словно последние остатки жизненной энергии покинули ее. Я подошла к ней, но она отвернулась.

– Дейзи, я знаю, что вы...

– Я думала, вы мой друг, – бросила она сквозь зубы, поглядев на меня с неприкрытой ненавистью.

– Да, я ваш друг. Если бы вы знали, как я стараюсь...

– Как вы могли? Мое прекрасное ожерелье, которое мама подарила мне на свадьбу! – Слезы полились из ее покрасневших глаз.

– Позвольте объяснить вам...

– Что объяснить? Что вы ждали, пока я усну, чтобы прокрасться ко мне и взять жемчуг? А на следующий день нагло заявили, чтобы успокаивать?

Мне очень хотелось сказать ей, кто украл жемчуг, но я опять решила, что лучше пока не раскрывать секрет.

– Дейзи, я понимаю, как это выглядит в ваших глазах, но...

– Пусть инспектор разбирается. Я не хочу с вами говорить. – С этими словами она направилась прочь по коридору, но остановилась и прибавила: – И мне не хотелось бы, чтобы вы показывались на похоронах.

Слова, словно пули, пригвоздили меня к стене. На глаза навернулись слезы. Но кого я оплакивала? Определенно не Винниата, который мне никогда не нравился. Возможно, отчасти Дейзи, чье горе было мне хорошо знакомо. Безусловно, мадам Жиру, чью трагическую историю я только что выслушала. А также Вайолет, чьи страдания даже трудно представить. Но прежде всего я плакала оттого, что сначала Нуньес, а теперь Дейзи обошлись со мной с таким презрением. Мне было обидно и одиноко, и при этом я не могла ни поделиться с инспектором своими опасениями, ни оправдаться перед Дейзи. Если бы хоть Дэвисон был здесь – я могла бы поплакаться ему в жилетку, зная, что он поймет меня.

Нет, надо перетерпеть. Я должна решить эту головоломку! И хотя клубок зла был слишком запутан, не поймешь даже, что он собой представляет, я знала: я обязана сделать это, чтобы не случилось еще что-нибудь ужасное.

Глава 32

Я ни на минуту не забывала о цветке райской птицы, ввинченном в глазное яблоко Винниата. Убийце недостаточно было просто отнять жизнь. Я не сомневалась, что эта бьющая на эффект деталь выражала желание убийцы наказать писателя за то, что он увидел. Это возвращало меня к поиску мотивов убийства.

Я опрашивала всех, встречавшихся с Винниатом на острове, чтобы узнать, с кем он разговаривал и что мог увидеть. Я заводила непринужденную беседу с людьми, стараясь, чтобы она не выглядела как формальный допрос. Болтала с Густаво, коридорными, горничной, которая знала ограниченный набор английских слов, с официантами и инструктором по теннису. Скрупулезно записывала в тетрадь, когда Винниат встал, что ел на завтрак, с кем разговаривал. Я обращалась с вопросами к миссис Брендел, Хелен Харт, Гаю Тревельяну, профессору Уилбору и даже неприветливому Руперту Мэйби. Никто не упоминал Гренвилла в связи с Винниатом, и потому полученная информация казалась мне несущественной. К моему большому сожалению, я не могла больше беседовать с Дейзи. Я вспоминала, как она взглянула на прикроватный столик, когда я спросила, взяла ли полиция все блокноты мужа. Попытка проникнуть в ее номер еще раз, чтобы найти блокнот, была бы слишком рискованной. Нуньес и так уже подозревал, что я воровка.

Я уже собиралась отложить на время расследование смерти Винниата и вернуться к несправедливо забытому мной Дугласу Грину, когда меня навестила мадам Жиру. Ей удалось найти дом возле гавани, в котором жила Консуэла, и договориться о встрече со служанкой на следующий день. Консуэла была в этот день свободна, так как Гренвилл с дочерью собирались навестить друзей, живущих в дальней деревушке среди холмов. Когда я узнала об этом, мне до смерти захотелось навестить Маль-Пэ в отсутствие хозяев, но после того как Гренвилл понял, что я за ним слежу, он наверняка уничтожил все улики, связывавшие его с убийствами. А может быть, он наврал Консуэле, что его и Вайолет не будет дома, в надежде, что я заберусь к ним и попаду в западню. Я хорошо представляла себе, какая садистская радость выразилась бы на его уродливом лице при моем появлении в Маль-Пэ.

По пути из «Таоро» к белым домикам возле гавани я расспрашивала мадам Жиру о распространенных на Тенерифе блюдах национальной

кухни, чтобы подготовиться к разговору с Консуэлой. Кое-что из прославленных местных блюд я уже успела попробовать, но мадам Жиру набросала мне состав типичного канарского меню: жареный зеленый перец с *мохо* (картофелем в мундире с острым красным или зеленым соусом, который я пробовала в Маль-Пэ), перец из Падрона, домашние мясные крокеты, *эскальдон де гофио* (рыба с запеканкой, по-видимому популярная у гуанчей и приготовленная из канарской муки из жареных зерен пшеницы или кукурузы), жареный сыр и *карне фиеста* (маринованное мясо).

Консуэла жила в традиционной рыбацкой хижине – беленом известкой домике, стоявшем на мысу у самого моря. Мадам Жиру постучала в дверь, и спустя секунду на пороге появилась Консуэла с приветливой улыбкой на обветренном и измученном заботами лице. Она жестом пригласила нас в дом. В воздухе стоял запах жареной рыбы, пропитавший стены дома в течение жизни многих поколений. Сразу было видно, что дом принадлежит не зажиточным людям, однако Консуэла содержала его в порядке и чистоте.

Я попросила мадам Жиру поблагодарить хозяйку за гостеприимство и за вкусную еду, которой она угощала меня в Маль-Пэ. Лицо Консуэлы просияло. Сама она не считала свою стряпню чем-то выдающимся. Сеньор Гренвилл не жаловался, она же кормила его такой же пищей, какую готовили и ее мать, и бабушка. Ее удивило, что кто-то заинтересовался ею. Мы обсудили важность натуральных продуктов, выращиваемых ее мужем в саду и огороде, а также добывавшихся из моря. Стоя у разожженной плиты, Консуэла раскрыла секреты собственных рецептов приготовления блюд, которыми гордилась. Я перевела разговор на семейную жизнь, рассказала об умершей матери и о любимой дочери.

– Мне тоже хватает и радостей, и горя, – сказала она. – Но я не жалуясь.

– Бывает, что больше всего горя нам доставляют те, кого мы любим, – сказала я.

Сложив на коленях потемневшие морщинистые руки, Консуэла поделилась своими заботами, связанными с Хосе.

– Да, сын доставил мне немало хлопот, – вздохнула она. – Каждая морщина на моем лице появилась из-за него. Каждую неделю у него новая девушка. Бесконечные драки. Не задерживается надолго ни на одной работе. Слишком много пьет. Меня все это очень беспокоит, а муж говорит, что смешно расстраиваться, для мальчика это нормально.

– Мистер Гренвилл сказал, что Хосе работал у него.

Консуэла с печальным вздохом отвернулась от нас:

– Да, правда, но это в прошлом. Теперь он работает официантом в баре

на набережной.

– А вам нравится работать в Маль-Пэ у Гренвилла? – спросила я.

– При чем тут «нравится – не нравится»? У меня есть работа, и это главное. – Она посмотрела на меня и мадам Жиру с подозрением. – Какое это имеет отношение к канарской кухне?

– Простите, я чересчур любопытна, – улыбнулась я и стала для отвода глаз расспрашивать Консуэлу о разных способах приготовления рыбы, об оливковом масле, кориандре, чесноке и кляре для жарки морепродуктов.

Затем я сердечно поблагодарила хозяйку и пообещала прислать ей через Гренвилла журнал со статьей.

* * *

– Спасибо за перевод, – сказала я мадам Жиру, когда мы шли обратно по набережной. – Теперь я знаю, что и как приготовить, если ко мне в гости вдруг нагрянет испанская семья. А что касается Хосе, стало известно хотя бы, где он работает.

Я какое-то время молчала, думая, как найти подход к молодому человеку, и перебирая в уме разные сценарии. Мои размышления прервали крики и ругань, вслед за которыми из бара вылетел темноволосый юноша и рухнул наземь.

– De puta madre!^[29] – вскричал он, гневно сверкая глазами.

– Что он сказал? – спросила я мадам Жиру.

– Лучше я не буду переводить это. Он выражает свое недовольство.

Вслед за молодым человеком вышел мужчина более старшего возраста и более крепкого сложения, на левой щеке у него красовался шрам, несколько зубов отсутствовало. Брызгая слюной, он произнес гневную тираду на гортанном испанском языке, в которой звучало имя Хосе. Похоже было, что сын Консуэлы в очередной раз потерял работу. Мужчина со шрамом хотел долбануть Хосе по голове, но, увидев, что мы на него смотрим, просто пнул его напоследок и вернулся в бар.

– Вам помочь? – спросила мадам Жиру по-испански, подойдя к упавшему юноше. Он был красив, но под глазами залегли темные тени. – Как вы себя чувствуете?

– Estoy bien, no pasa nada^[30], – ответил Хосе.

Мадам Жиру помогла ему подняться и заговорила с ним о чем-то. Я не понимала, что они говорят, но Хосе в конце концов улыбнулся. Мадам

Жиру представила его мне, и я через нее извинилась за то, что не знаю испанского. Затем она произнесла по-испански фразу, в которой прозвучало имя «сеньор Гренвилл». Молодой человек нахмурился.

– Он спрашивает, откуда вы знаете Гренвилла, – сказала она.

– А что вы уже сказали ему?

– Только то, что вы знаете о его работе в Маль-Пэ и хотите задать несколько вопросов.

Я догадывалась, что Хосе вряд ли пылает любовью к Гренвиллу, и потому попросила:

– Скажите ему правду. Что я подозреваю Гренвилла в убийстве Дугласа Грина и Говарда Винниата.

Это произвело феерическое воздействие на Хосе. Он отчаянно замотал головой, заговорил громко и сбивчиво и вытаращил глаза, в которых стоял страх. Мадам Жиру несколько раз останавливала его быструю речь и переводила ее по кусочкам.

– Этот слух начался как глупая сплетня, – сказал ей Хосе. – Я потерял работу и злился. В голове крутились всякие глупости. Вайолет не заступилась за меня. Я начал говорить в барах о том, что происходит в Маль-Пэ.

– А что там происходит?

– Ну, сначала я говорил в основном правду о Гренвилле и его интересе к этому оккультизму. А потом я начал преувеличивать – хотел досадить старому дураку. Я пытался развлечь его дочку, проявить к ней внимание. Ей же нужно было какое-то общение с мужчинами. Этот инвалид – как его там? – Эдмунд, кажется, – что он мог ей дать, какое удовольствие доставить? Неудивительно, что Гренвилл не хотел, чтобы она выходила за него.

– А что насчет Грина? Ты с ним разговаривал?

– Да, разговорился как-то в баре. Я видел его, еще когда был маленьким мальчиком. Дуглас был немного старше меня. Он уехал учиться в Англию, а потом вернулся на остров и по-прежнему отлично говорил по-испански. Он был незаконнорожденным. Он спросил меня, чем я занимаюсь, и я сказал, что работал одно время в Маль-Пэ. Он заинтересовался и стал расспрашивать меня о том, что делает Гренвилл. Ну, я рассказал ему все, что знал, и присочинил кое-что – например, что Гренвилл хочет высвободить злой дух Гуайоты из вулкана. Дуглас сказал, что в Англии есть люди, которые хотят помешать таким, как Гренвилл, заниматься черной магией. Он записал то, что я сказал, и обещал дать мне денег. Я думал, что просто помогаю ему, и не ожидал, что из этого выйдет

что-нибудь плохое. Когда я узнал, что труп Грина нашли в пещере в таком состоянии, мне стало худо. Я начал пить, чтобы забыть обо всем этом. А теперь тут еще один труп! Я больше не буду пить ни грамма, обещаю! И не скажу никогда больше ни одного плохого слова. Господи, неужели я буду третьим? Как вы думаете?

Хосе был в такой панике, что мадам Жиру взяла в баре бренди и вынесла ему бокал. Он залпом опрокинул его, нарушив только что данное слово никогда больше не употреблять спиртного.

– Хосе, ты должен говорить только правду, – сказала я внушительно, глядя ему в глаза. – Сочинять то, чего не было, очень опасно.

– Я очень сожалею, простите, – захныкал Хосе, как маленький мальчик. – Я все это придумал.

Услышав это признание, я едва не потеряла дар речи, но, немного придя в себя, стала подробно расспрашивать его, докапываясь до правды. Истории, которые Хосе рассказывал в барах, начинались с небольшого преувеличения, но при повторном их изложении после неумеренных доз алкоголя превращались в чистый вымысел. Гренвилл никогда не говорил о намерении высвободить злой дух.

Это разрушало мое представление о совершенных преступлениях. Все ложные факты с моими версиями и теориями смыло грязной волной цунами. То, что я считала достоверно установленным, приходилось отбросить. Надо было начинать расследование с самого начала.

Я узнала на собственном опыте, что Гренвилл – носитель зла. Но был ли он убийцей? Я пыталась убедить себя в том, что был. У кого еще на острове настолько извращенная психика? Гренвилл представлял собой распущенную или просто аморальную личность – разница невелика – и, несомненно, был предрасположен к убийству, а также обладал знаниями и средствами, необходимыми для его осуществления. Если даже он не планировал всерьез освободить злого духа из вулкана или совершать еще что-либо столь же нелепое, в действительности зло торжествовало – как иначе расценивать гибель двух людей? И все же... что-то тут было не так. В уголке моего сознания вырисовывались смутные очертания загадочной фигуры. Чем пристальнее я вглядывалась в нее, тем больше она расплывалась и тем дальше отступала в тень. У меня возникло ощущение, будто я видела или слышала что-то такое, что служило ключом к тайне. Но что это было? Передо мной мелькали сцены последних дней – разговоры за обеденным столом, казалось бы, несущественные замечания. Но все они сливались в сплошной неразборчивый шум.

Простившись с Хосе, мы с мадам Жиру вернулись в отель. Я была

сбита с толку и не готова обсуждать что-либо. Она пыталась помочь мне, но я должна была сама разобраться в создавшемся информационном хаосе.

В «Таоро» я поблагодарила мадам Жиру и поднялась в номер. Достав записную книжку, я внимательно просмотрела записи, касавшиеся убийств Грина и Винниата. Я с остервенением строила новые гипотезы, основывавшиеся на голых фактах, пытаюсь, как это ни трудно было, исключить Гренвилла из роли главного подозреваемого. Если кто-то слышал, как Хосе сплетничал о Гренвилле, он мог воспользоваться этими сплетнями и совершить преступление, зная, что подозрение падет на оккультиста. А я, похоже, попала на удочку. Может быть, кто-то намеренно подстроил мне ловушку? С этой минуты, подумала я, надо более взвешенно рассматривать все относящееся к самим убийствам и к подозреваемым в их совершении. Я перебрала в уме встречи с Гренвиллом, вспоминая все, что он говорил. В свое время я оценивала это, исходя из убеждения, что он убийца. Но, может быть, он был всего лишь – если тут годится «всего лишь»! – извращенцем, подвергающим дочь невообразимым страданиям? А в отношении меня он, возможно, и не замышлял ничего плохого?

И не исключено, что его настойка действительно была безобидным экстрактом трав, а не ядом, призванным отравить меня. Я вспомнила тот миг, когда чуть не плеснула раствор аммиака ему в глаза. Он посмотрел на меня с удивлением и обидой, как на человека, предавшего его, – и неудивительно. Оказалось, что это я чуть не совершила преступление. Мне стало так тошно – в буквальном смысле слова, – что я спустилась на ужин с опозданием.

* * *

В ресторане я улыбнулась постоянным соседям по столу, уже сидевшим на местах: профессору Уилбору и Руперту Мэйби, которые по-прежнему столовались в «Таоро», миссис Брендел и доктору Тренкелю, Хелен Харт и Гаю Тревельяну. Хелен и Гай развлекали нас, обсуждая планы на Валентинов день. Я улыбалась, но прятала под улыбкой стыд, подозрения и элементарный страх. Заговорили о похоронах Винниата, которые должны были состояться на следующий день, и о том, сколько человек примут в них участие. Собирались пойти все, кроме доктора Тренкеля, – у него был прием больных, который он не мог отменить. Я пыталась есть, но все замечательные блюда – сочные крокеты с сыром в

качестве приправы, луковый суп, приготовленная на пару белая рыба, тушеное мясо, холодный рисовый пудинг – казались мне несъедобными. Украдкой бросая на окружающих взгляды, я сделала вывод, что до некоторых дошел слух, будто я украла ожерелье Дейзи Винниат. Я так хорошо представляла себе их мысли, как будто они произнесли это вслух: «Она кажется вполне приличной женщиной, но ведь дыма без огня не бывает». В середине обеда, когда Тренкель на минуту вышел из-за стола, я поднялась следом за ним.

– Доктор Тренкель, – спросила я, – удалось вам выяснить что-нибудь новое относительно смерти мистера Винниата?

Доктор со смущенным видом кашлянул в кулак.

– Боюсь, я и так уже слишком много наговорил, – ответил он, ускоряя шаг.

– Почему вы так думаете?

– Миссис Кристи, вы же знаете, что я не должен был ничего вам говорить о мистере Винниате. Инспектор Нуньес считает, что нельзя делиться информацией с посторонними. – Он постучал пальцем по носу. – Тайна следствия и все такое, вы ж понимаете.

– Да, понимаю, – ответила я, борясь с желанием высказать ему то, что я знала о нем. – Все верно.

Вернувшись за стол, я примерила роль убийцы на каждого за столом, придумывая для него мотивы и разыгрывая мысленно различные сценарии убийства. Поймав себя на том, что изобретаю неправдоподобные причины, по которым бедная миссис Брендел могла бы желать смерти Винниата, я отложила салфетку и сказала, что мне нездоровится и потому я пойду к себе и лягу. В каком-нибудь из моих романов все подозреваемые уже выстроились бы в голове у детектива в определенном порядке, он владел бы всей информацией, знал бы об алиби каждого и о точном времени убийства. У него на руках имелись бы показания всех свидетелей, и, исходя из них, он определил бы личность убийцы методом дедукции. У меня же не было подобной информации. С Дэвисоном, который был бы способен помочь во многих случаях, я не могла посоветоваться; инспектор Нуньес ошибочно подозревал меня в краже; доктор Тренкель не желал больше делиться соображениями о вскрытии, а одна из главных свидетельниц, Дейзи Винниат, не хотела со мной говорить.

В номере было тихо и спокойно. Карло и Розалинда уже спали в смежной комнате. Я подошла к окну и посмотрела на луну, заливавшую приглушенным светом склоны вулкана Тейде. На следующий день Винниата должны были похоронить на Английском кладбище у моря.

Дейзи недвусмысленно выразила желание, чтобы я не появлялась ни на похоронах, ни на скромных поминках, устраиваемых в отеле после похорон. Но это было одновременно и преимуществом, которым я собиралась воспользоваться.

Я уснула, но почти сразу меня разбудил кошмарный сон. Мне приснилась Розалинда, которая взяла по ошибке плюшевого медведя Реймонда, и он так разозлился на мою дочь, что столкнул ее в море со скалы. Я видела, как она падает, а затем барахтается в воде и пытается плыть, но волны накрывают ее с головой. Я проснулась в холодном поту, и мне потребовалось несколько минут, чтобы успокоиться. Понимая, что поступаю неразумно, я тем не менее выбралась из постели и, открыв дверь в соседнюю комнату, проверила, на месте ли Розалинда. Она, конечно, спокойно спала, однако что-то тревожило меня. Налив стакан воды и взяв записную книжку, я снова легла и сделала запись, которая ничего не говорила никому, кроме меня: «Джина Тревельян. Синий Мишка. Розалинда и Реймонд». Ниже я приписала: «Если Джерард Гренвилл невиновен в смерти Дугласа Грина и Говарда Винниата, то кто виновен?»

Глава 33

Стоя у окна коридора на верхнем этаже отеля, я наблюдала за тем, как похоронная процессия выходит из «Гаоро». Впереди шла Дейзи, голову она обмотала черной кружевной накидкой; на шее, где могло бы висеть жемчужное ожерелье, не было ничего. Среди одетых в черное я видела фигуры профессора Уилбора, Руперта Мэйби, миссис Брендел, Гая Тревельяна, Хелен Харт, инспектора Нуньеса и, в самом конце, Гренвилла с дочерью, которая катила кресло Эдмунда Фоссе.

Договорившись с Карло, что она присмотрит за Розалиндой и Реймондом, я послала записку мадам Жиру, попросив ее помощи. Мы договорились встретиться на террасе в десять часов. Пока я ждала ее за столиком, солнце скрылось за облаками, с гор спускался туман. Было по-прежнему тепло, но в воздухе чувствовалась сырость, и я накинула на плечи шаль, подаренную Флорой Кёрс. Я вспомнила, что она была на мне в то утро, когда Джина Тревельян покончила с собой. Воспоминание и в целом было не из приятных, но мне не давала покоя неуловимая деталь, которую я тогда видела. Я представила, как она стоит на краю палубы, подняв руки и словно собираясь взлететь, и поняла, что точно так же стоял Винниат на мосту через высохшее русло.

Напрашивались определенные выводы, но я не спешила с ними. Один раз я уже попала впросак, записав Гренвилла в убийцы, и не хотела повторять ошибку.

Мне требовался неоспоримый факт, на который можно было бы опереться. Я не знала, что он мог бы собой представлять, но не сомневалась: Тренкель что-то скрывает. Мадам Жиру с готовностью согласилась мне помочь – тем более ей это ничем не угрожало – и прекрасно поняла, что от нее нужно.

Записавшись на прием к доктору во второй половине дня, я вместе с мадам Жиру направилась к дому, где жил профессор Уилбор с помощником. Покинув территорию отеля, мы спустились через террасированные сады к морю, но не пошли в сторону Ла-Паса, а свернули влево по дорожке, которая вела к старому форту. Профессор говорил, что его дом легко узнать: он стоял на холме над заливом и был окрашен в розовый цвет. Когда мы вышли на берег моря, туман немного рассеялся, и мы уже издали увидели дом над полоской черного песка.

Вблизи стало видно, что дом сильно обветшал. Сквозь щели между

плитами террасы пробивалась трава; краска на стенах шелушилась и свисала, как наполовину содранная кожа; с земли к окнам тянулись широкие полосы сырости. Я дважды постучала в дверь – у мужчин могла быть проходящая служанка, хотя на вид дом пустовал. Я повернула ручку, но дверь оказалась запертой. Дверная рама настолько прогнила, что казалось, ее можно проткнуть пальцем, но не хотелось оставлять следов своего пребывания здесь. Я была в числе тех, кто не присутствовал на похоронной церемонии, и, обнаружив взломанную дверь, Нуньес убедится, что не зря подозревал меня во всех смертных грехах. Оставив мадам Жиру у дверей, я обошла дом и заглянула в грязное окно.

Хотя свет был скудным, мне удалось разглядеть очертания некоторых предметов: стопку книг на столе, полки с неотмытыми черепками и умывальник с раковиной, заполненной грязной посудой. В доме не хватало женской руки. Мне хотелось закатать рукава, добыть мыло, щетку, горячую воду и навести порядок.

– В доме никого нет, а нам туда не попасть, – сказала я, вновь присоединившись к мадам Жиру. – Придется возвращаться в отель. Зато успею подготовиться к приему у врача.

– Может быть, забраться через окно? – предложила мадам Жиру.

– Боюсь, времена, когда я могла запросто забираться в окна, давно миновали.

В ответ она улыбнулась – впервые с тех пор, как мы познакомились.

– Вы, наверное, догадываетесь, что после того происшествия с Альбертом моя жизнь была довольно безрадостной, – сказала она. – Я сосредоточилась на своих обязанностях: заботиться о Реймонде, утешать, когда ему приснился плохой сон. Но мне не на что жаловаться. Я ничего другого и не ждала, и я безмерно благодарна Мёрреям. Однако после приезда на Тенерифе и знакомства с вами я чувствую, что во мне просыпается *joie de vivre*^[31]. Правда, развлекаться, шпионя около чужих домов и беседа в барах с мужчинами, наверное, предосудительно.

Когда я сообщила мадам Жиру, какое развлечение задумала для нее следующим, лицо ее расплылось в улыбке.

– С вами не соскучишься, миссис Кристи, – рассмеялась она. – Я пока еще не читала ваших книг, но обязательно прочту. Если ваши романы похожи на... на все это, то я не сомневаюсь, что получу большое удовольствие.

Мы не торопясь пошли в отель, останавливаясь, чтобы передохнуть, и беседуя на разные темы – о Реймонде и смерти его брата, о супругах Мёррей, о постояльцах «Таоро». Когда мы были уже в парке на территории

отеля, мадам Жиру остановилась и коснулась моей руки.

– Вы ведь знаете, что о вас ходят злостные сплетни? – спросила она.

– Ну да, нелепое утверждение, будто я похитительница бриллиантов и прочих драгоценностей.

– Я верю, что вы ничего не крали, – сказала она, понизив голос, так как мимо нас прошла пара, по виду немцы, посмотревшие на нас с неодобрением. – Да если бы и украли, для меня это ничего не изменило бы. Но вы ведь, наверно, знаете, кто взял этот жемчуг?

Я немного поколебалась.

– Ваша интуиция не подвела вас. Знаю.

– Тогда почему же вы не скажете инспектору и не положите конец всем этим дурацким сплетням?

– На то есть причины, – ответила я.

– Какие?

– Я и сама пока не вполне понимаю, – призналась я, когда мы сели за столик на террасе. – Но я уверена, что вор – не тот, о ком вы могли бы подумать. И он не нуждается в деньгах – по крайней мере, не похоже на это. Больше я пока ничего не могу сказать. Надеюсь, вы не обидитесь.

– Нет, конечно.

Мы очень мило общались и, наверное, казались гостям «Таоро» женщинами средних лет, которые не обременены лишними заботами и проводят дни за игрой в бридж и бесконечными чаепитиями с сопутствующими разговорами о погоде и перемыванием косточек общим знакомым. Я никогда не доверяла обманчивой внешней картинке, хотя и изменила этой привычке в отношении Гренвилла. Но меня сбilo с толку его увлечение оккультизмом, его интерес к ядам, его неприятная личность и непростительное обращение с дочерью. Это и внушило мне мысль, что он непременно должен быть убийцей. Конечно, пока не было ничего, что доказывало бы обратное, однако теперь я все подвергала сомнению. Я не могла позволить себе ошибиться еще раз.

– Наверное, уже почти одиннадцать, мне пора к врачу, – сказала я. – А вы как себя чувствуете? Не появилась ли слабость?

– Да, раз уж вы спрашиваете, признаюсь, что у меня немного кружится голова, – ответила мадам Жиру, поднеся руку театральным жестом ко лбу.

– Это хорошо, – сказала я. – Увидимся после того, как вы окончательно «поправитесь».

Оставив мадам Жиру, я отправилась в кабинет Тренкеля. Поздоровавшись с сестрой, я сказала, что мне назначено на одиннадцать часов. Сестра сообщила врачу о моем визите, он вышел в приемную и с

каменным выражением лица пригласил меня в кабинет.

– Чем могу помочь сегодня, миссис Кристи? – спросил он, не поднимая головы от стола.

– Да все то же самое, доктор, – ответила я, изображая нервную барабанную дробь пальцами. – Плохо сплю. Мучают ночные кошмары. Никак не могу забыть той ужасной сцены. – Я усилием воли выдавила из себя несколько слез и, достав платок, принялась их утирать. – Вы говорили, что я должна отдыхать и гулять, я так и делаю. Ложусь спать рано, но продолжаю нервничать. Все время думаю о том, что за негодяй мог совершить такое насилие над бедным мистером Винниатом и что он предпримет еще. Вздрагиваю от малейшего шума. За обедом ничего не могла есть – вы, наверное, это заметили.

Тренкель посмотрел на меня с подозрением. Хотелось бы мне знать, что он думает. Он наверняка слышал от Нуньеса или другого постояльца «Таоро» о том, что я якобы украла жемчуг миссис Винниат. Кто-то – скорее всего, одна из многочисленных горничных – заметил, как я выхожу из номера вдовы. Возможно, доктор гадал, не видела ли я, как он брал ожерелье, и обдумывал, не подкинуть ли в мою комнату или в сумочку улику, подтверждающую, что я воровка. Ему, должно быть, казалось, что это неплохой способ отвлечь внимание от него самого.

– Да, я обратил внимание, вы были немного не в себе, – ответил он. – Что-нибудь еще беспокоит вас в данный момент? Может быть, какой-то ваш поступок?

– Поступок? Не понимаю вас.

– Иногда при нервных расстройствах люди не отдают себе отчета в том, что делают. Некоторые, к примеру, ходят во сне и не помнят об этом. Другие без всяких видимых причин совершают необъяснимые поступки, которых никогда не совершили бы в нормальном состоянии. Бессознательное – это могучая сила, которую только сейчас начинают немного понимать.

– И вы думаете, именно это происходит со мной?

– Не исключено. Но для того чтобы определить это, могут потребоваться месяцы, а то и годы. Возможно, вам следует обратиться к консультанту в Англии по месту проживания. Во всяком случае, похоже на то, что находка тела мистера Винниата явилась потрясением для всей вашей нервной системы. Это могло всколыхнуть старые воспоминания о вещах, которые вы старались забыть и о которых не думали с самого детства. А из-за этого вы могли сделать что-то такое, что не отложилось в вашем сознании.

Таким образом Тренкель пытался подготовить почву для осуществления своего генерального плана: посеять в моем сознании семена подозрения, что я действительно украла драгоценности. Он подкинет ожерелье в мою комнату и намекнет Нуньесу, что неплохо бы произвести у меня обыск. Тренкель был, несомненно, хитер, но я хитрее. Я посмотрела на стенные часы. Час икс настал.

Глава 34

– Доктор! Доктор! – вскричала медсестра. – Выйдите, пожалуйста! Скорее!

– Что случилось? – спросил Тренкель, подбегая к дверям.

– Даме в саду плохо.

Доктор нерешительно посмотрел на меня и хотел сказать что-то, но сестра в панике закричала снова:

– Туристы говорят, что это может быть сердечный приступ. Скорее, доктор! Скорее!

– Тогда вам лучше пойти со мной, – сказал ей Тренкель, хватая медицинскую сумку.

Как только он выскочил из комнаты, я заперла дверь изнутри. Нельзя было терять ни минуты. Прежде всего я хотела прочитать свидетельство о смерти Говарда Винниата. Однако, напрасно обыскав шкаф для документов и письменный стол доктора, я решила, что свидетельство у Нуньеса. Это было досадно, но у меня оставалось еще какое-то время.

Я даже сама не знала толком, что ищу, – наверняка же в кабинете должно быть что-то, проливающее свет на кражу жемчуга, а может быть, и на оба убийства. Если бы, например, я нашла свидетельство исключительно крупного денежного долга, это объяснило бы, почему Тренкель взял ожерелье. Или – он был обычным kleптоманом и, подобно сороке, не мог устоять перед похищением блестящих украшений? Интересно, кстати, не случались ли раньше кражи в отеле, или это первая? Надо было бы спросить у Густаво. Правда, вряд ли заслуженный сотрудник «Таоро» захочет делиться со мной сведениями, которые могут запятнать репутацию отеля.

Я еще раз прошлась по ящикам письменного стола, роясь в рецептах, вырезках из газет и медицинских журналах на английском и немецком языках, но не нашла никаких финансовых документов доктора. Чем больше я рылась, тем отчетливее Тренкель представлялся, к моему разочарованию, как хороший уважаемый врач. Я засомневалась в своих детективных способностях.

Возможно, мне следовало сказать Дэвисону, что отныне я буду заниматься только сочинением романов о преступлениях, а не участием в их расследовании. Очевидно, Дэвисон был не прав и в профессиональные разведчицы я не годилась. Я начала мысленно сочинять письмо Дэвисону, и

в это время передо мной всплыло лицо Вайолет, искаженное страданием под тяжестью отцовской фигуры, а за ним – еще более страшное видение кровавого месива среди камней и цветка, торчавшего в глазном яблоке Винниата. Я вспомнила пещеру у пляжа Мартианес, где нашли тело Дугласа Грина, и печальный рассказ Дэвисона о дружбе с ним. Какой смысл был приезжать на Тенерифе, если я сейчас все брошу? Я вернусь к спокойной жизни в Англии и буду думать о том, что убийца гуляет на свободе, справедливость поправа, а зло торжествует.

И потом, если я сейчас выйду из игры, Дейзи Винниат и инспектор Нуньес будут всегда с презрением думать обо мне как о воровке. А возможен и другой вариант: если Тренкель действительно планирует подкинуть мне украденный жемчуг, меня могут арестовать за воровство. Я, конечно, стану отрицать свою вину, и тот общеизвестный факт, что после моего исчезновения в прошлом году врачи диагностировали у меня приступ амнезии, сочтут смягчающим обстоятельством, но жизнь моя будет погублена. Решат, что независимо от того, помню я или не помню о совершенном преступлении, моя психика неустойчива. Репутация моя пострадает, а на Розалинду будут смотреть как на дочь преступницы.

Нет, этого я не допущу.

Я взглянула на часы. Неизвестно было, сколько времени оставалось до возвращения Тренкеля. Я снова обыскивала шкафчик, где он хранил папки с историями болезней пациентов, расположенные в алфавитном порядке. Я поискала папку Руперта Мэйби, но не нашла таковой, затем стала искать записи о Джерарде и Вайолет Гренвилл – и тоже безрезультатно. Но это было неудивительно: оккультист наверняка лечил себя сам, а дочери в случае недомогания предписывал какой-нибудь «травяной экстракт». При мысли об этом меня передернуло.

Я добралась до папок, начинавшихся с последних букв алфавита, и на ум мне пришел персонаж с копной растрепанных волос и крыжовенными глазами – профессор Уилбор. На первый взгляд он был добродушным и симпатичным человеком, но внешняя добросердечность часто скрывает массу всевозможных грехов. Я раскрыла его папку. Почерк был неудобочитаемым, но я разобрала в записях о лечении отдельные словосочетания – диспепсия, тучность, повышенное давление, предрасположенность к диабету. Ничего такого, что могло бы заинтересовать меня, я не нашла.

Я уже собиралась закрыть папку и вернуть на место, но обратила внимание на почерк. Он был таким же неразборчивым, каким обыкновенно пишут врачи. Я достала другую папку, отведенную женщине, страдающей

бронхитом. Снова неудобочитаемый почерк. То же самое я увидела в папке больного туберкулезом и в папке астматика. Все это было очень странно и указывало на какую-то фальшь.

Я услышала приближающиеся шаги и голоса. Но мне надо было убедиться, что я обнаружила что-то действительно серьезное, и я быстро вытащила папку Эдмунда Фоссе. Почерк был аккуратным и вполне разборчивым, словно писал кто-то другой. Может быть, Фоссе обращался раньше к другому врачу и тот переслал Тренкелю записи? Но под врачебным заключением стояла подпись Тренкеля.

– Вот именно, – произнес Тренкель в коридоре. – Все могло быть гораздо хуже. Спасибо вам, сестра.

Я поспешно сунула несколько страниц из папки в сумочку, поставила папку на место и отперла дверь. Когда доктор вошел в кабинет, я сидела на том же месте, где он меня оставил.

– Прошу прощения, миссис Кристи.

– Надеюсь, там ничего серьезного?

– Нет, – ответил он, быстро окинув взглядом кабинет. – Ложная тревога. Между прочим, она, по-моему, ваша знакомая.

– Неужели? – испуганно произнесла я, привстав с места.

– Да, это мадам Жиру. Но волноваться не о чем, с ней все в порядке. – Он жестом предложил мне сесть обратно. – Просто краткая потеря сознания.

– Но сестра говорила о сердечном приступе.

– Симптомы легко спутать.

– Значит, опасность позади?

– Да, она пришла в себя.

– Ну, слава богу.

– Да, все кончилось хорошо, – произнес Тренкель. По его тону мне показалось, что он догадывался о розыгрыше. – Итак, на чем мы остановились? А, да. Ваши расстроенные нервы.

Он опять заговорил о скрытом воздействии бессознательного и об иррациональном поведении, а я думала о загадке разных почерков. Это казалось мне чрезвычайно любопытным. В уме у меня складывалась версия настолько странная и замысловатая, что трудно было поверить в нее. Она требовала проверки, однако получить доказательство ее было хотя и возможно, но очень трудно и рискованно. Впрочем, другого способа выяснить истину я не видела.

– Вы знаете, это копание в прошлом, эти детские воспоминания вызывают у меня сомнения, – сказала я. – У меня было исключительно

счастливого детства.

– Ну, может быть, у вас еще не наступило время для этого, – отозвался Тренкель. – Для начала надо заняться сегодняшним днем. По вашим симптомам можно предположить наличие неврастения. Поэтому для успокоения нервов я рекомендовал бы вам тонизирующее средство вроде гликолактофоса Клея и Пейджета, но и беседу с консультантом не исключал бы.

– Вы не могли бы написать мне название этого средства? На слух я его вряд ли запомню.

– Да, конечно, сколько угодно. – Он взял авторучку и написал название на листке бумаги. – Принимайте по две чайные ложки два или три раза в день. Но перед приемом надо разбавить порошок водой и размешать в виде пасты. Можно добавить еще воды или молока, принимать лекарство с какао или крепким бульоном.

Он дал мне листок. Почерк был таким же неразборчивым, как и во всех папках, кроме одной.

– Или, если предпочитаете, я могу приготовить для вас что-нибудь другое, – сказал доктор.

– Спасибо, я сначала попробую это, – ответила я, вставая.

– Простите, что не мог тогда сказать вам ничего конкретного о смерти мистера Винниата, – добавил он. – Инспектор запретил. Тайна следствия и все такое.

– Я понимаю, – ответила я. – Ситуация слишком непростая.

– Лучше всего, если вы постараетесь не думать об этом. Ваша нервная система перенапряжена. Лишние тревоги и беспокойство вам совсем ни к чему.

– Да, вы правы.

– Запишитесь у медсестры на повторный прием. Послезавтра вас устроит?

– Уже послезавтра?

– Лучше пресечь нарушение в зародыше. – Он сделал пальцами энергичный жест, словно срывал бутон цветка, который стал жертвой массирующей атаки тли. – И если вам вдруг захочется обсудить что-либо еще, пожалуйста, не стесняйтесь прийти ко мне. Вам слишком хорошо известно, что наше сознание может выкидывать самые разные фокусы, особенно в те минуты, когда мы меньше всего этого ожидаем.

Глава 35

Несколько дней назад я обещала миссис Брендел, что буду сопровождать ее в поездке в Икод-де-лос-Винос, где вся наша компания собиралась устроить пикник под знаменитым гигантским Драконовым деревом. Но когда она сказала, что мы выезжаем уже на следующее утро, я засомневалась. Ехать в Икод с попутчиками, которые могли заметить, что я встречаюсь с Дэвисоном, было рискованно. Однако мне необходимо было попросить его об услуге настолько важной, что это оправдывало риск. Оставалось только придумать предлог, под которым я могла бы покинуть группу на полчаса или час.

К тому же в обществе надо было держаться так, словно все в моей жизни идет как обычно. Меня подозревали в краже жемчужного ожерелья, но я делала вид, что не догадываюсь об этом.

После завтрака наша небольшая группа – миссис Брендел, профессор Уилбор, Руперт Мэйби, Хелен Харт, Гай Тревельян, Карло, Розалинда и я – собрались на ступеньках отеля. Мы заказали два такси – для мужчин и для женщин – и отправились в путь по приморской дороге мимо банановых плантаций и заброшенных ферм, выращивавших лук на семена. Розалинда уснула у меня на коленях. Зашел разговор о похоронах Винниата. Дейзи стойко перенесла церемонию; викарий англиканской церкви, живший неподалеку, прочитал скромную, но проникновенную молитву. Мое отсутствие на похоронах никак не комментировалось, однако, когда миссис Брендел упомянула двадцать второй псалом – тот самый, который я читала про себя по дороге в Маль-Пэ, – Хелен Харт бросила на меня такой взгляд, будто я скрывала секрет.

В ее глазах был вопрос, который волновал всех: неужели известная писательница действительно способна обокрасть женщину, потерявшую мужа? А если нет, что она делала в номере Дейзи Винниат? У Хелен Харт хватило бы дерзости спросить меня в открытую, и я со страхом этого ожидала.

– Хватит уже о смерти, – бросила Хелен, положив руку на колено миссис Брендел. – Я с нетерпением жду вечеринку в понедельник. А вы?

– Конечно, я тоже, дорогая, – ответила миссис Брендел. – Однако...

– И никаких «однако». Жизнь продолжается, и это главное. Вы согласны, миссис Кристи?

– Да, но я думаю, миссис Брендел хотела только...

– Да я понимаю, но это слишком мрачная тема. Вы ведь все придете к нам, надеюсь?

Все, кроме Карло, заверили ее, что придут.

– Я, наверное, останусь в отеле, чтобы присматривать за Розалиндой, – сказала моя секретарша, сидевшая на переднем сиденье.

– А почему бы вам не взять Розалинду с собой? – спросила Хелен.

Карло посмотрела на меня умоляюще. Участие в вечеринке, тем более у такой хозяйки, как Хелен Харт, представлялось ей равноценным посещению ада.

– Я думаю, она и так уже переутомилась, – сказала я, указав на спящую дочь. – Пусть лучше останется в отеле с Карло.

– Ну хорошо, – отозвалась Хелен и обратилась к Карло: – Очень жаль только, что вы не увидите мою последнюю работу.

– А что за работа? – спросила я.

– Описывать ее я не буду, – сказала скульпторша. – Не хочу, чтобы люди заранее подготовились к тому, что увидят. Я возилась с ней два года с перерывами. В прошлый раз на Тенерифе я совсем немного не успела ее закончить, и было очень досадно бросать ее в таком виде, но сейчас я уже внесла последние штрихи.

– Звучит интригующе, – заметила я.

– Надеюсь, вы не разочаруетесь, – отозвалась Хелен, сверкнув глазами. – А вы над чем работаете, миссис Кристи?

– Да все никак не закончу роман, – ответила я со вздохом. – Карло может подтвердить, ей об этом слишком хорошо известно. – Роман висел у меня на шее, подобно жернову, и вызывал тошноту. – Я немного запустила работу над ним в последнее время, и теперь надо браться за дело засучив рукава.

– Я забыла, как он называется? – спросила Хелен.

– «Тайна „Голубого экспресса“».

– Забавно, что вы, автор детективных романов, вляпались во все местные злоключения. Идеальное совпадение – нарочно не придумаешь.

– Вы так считаете? – отозвалась я, стараясь, чтобы прозвучало не слишком скептически.

– Словно в каком-нибудь из ваших романов, – высказала она мысль, которая, видимо, очень нравилась ей.

– Я не сказала бы.

– Ну, возможно, я слишком много беру на себя и преувеличиваю. Я уже говорила, что не читала ваших романов, но, думаю, не ошибусь, предположив, что, окажись здесь ваш суперспособный детектив, он уже

увязал бы все ниточки воедино и был бы готов вывести гнусного убийцу на чистую воду.

Я ничего не ответила, но мисс Харт, похоже, была в разговорчивом настроении.

– Скажите, – продолжала она, – а не слишком ли тягостно писать об убийствах и прочих преступлениях?

– Я не задумываюсь об этой стороне дела, – ответила я. – Сначала это было моим хобби и желанием проверить, на что я способна, – и в итоге мне удалось достичь определенных успехов. А теперь, после развода, такие вещи вовсе не занимают меня. Я должна писать, чтобы зарабатывать на жизнь.

– Понятно, – сказала она. – Интересно, а у вас есть версия последнего преступления? Вы догадываетесь, кто убил Винниата?

У меня были кое-какие соображения на этот счет, но я не собиралась делиться ими с ней.

– Нет, – ответила я. – Но я уверена, инспектор выявит истину.

– Вы так думаете? Я не знаю ваших способностей, но Нуньес не внушает мне доверия. Не удивлюсь, если это дело будет еще одним нераскрытым преступлением вроде...

– Ну вот, а кто теперь разговорился на мрачную тему? – вмешалась миссис Брендел. – Хорош разговорчик в присутствии ребенка, пусть даже спящего.

– Да, вы правы, миссис Брендел. Простите, пожалуйста, – отозвалась Хелен тоном, в котором не чувствовалось никакого раскаяния. – Давайте тогда поговорим... Даже не знаю о чем... о виде из окна? Нет? А-а, знаю: о погоде! – саркастически произнесла она. – Это незаменимая тема в тех случаях, когда больше говорить не о чем.

Характерной чертой Хелен Харт была противоречивость. Она часто говорила одно, а подразумевала нечто совсем иное. Взять хотя бы ее странное поведение на «Джелрии», ее реакцию на смерть Джинны Тревельян. Казалось, ее мучило чувство вины, но вскоре она была уже весела и беспечна, и, судя по всему, ее интересовало только одно: что надеть к обеду. Ее любовь к выпивке была видна давно; теперь же я стала подозревать ее в склонности к употреблению и других веществ.

– Надеюсь, сегодня не будет такого тумана, как вчера, – сказала я, улыбнувшись Хелен.

В ее глазах промелькнуло едва заметное презрение. Оно задержалось всего на миг, но было несомненным. Она поняла, что я заметила это, и через какую-то долю секунды лицо ее расплылось в преувеличенно

широкой улыбке.

– Да уж, присоединяюсь к вам безоговорочно, – произнесла она.

– Мне очень хочется увидеть знаменитое Драконово дерево, – сказала я. – Говорят, ему больше тысячи лет. Неужели это правда?

– Бог его знает. Но оно красиво, это несомненно.

– Я всегда любила деревья, – призналась я. – И может быть, это покажется странным, но одного из моих воображаемых друзей детства я назвала Деревцом.

– Неужели? Забавно.

– Я не знала этого, – заметила Карло.

– Наверное, потому, что вокруг Эшфилда росло много красивых деревьев. Эшфилд – это дом в Торки, где я выросла, – пояснила я Хелен.

– Деревья можно использовать как модель для скульптуры, получается очень красиво, – заметила она.

– Да, я видела такие скульптуры на вашей выставке в Лондоне, – сказала я.

– А какие деревья росли у вас в саду, когда вы были ребенком? – спросила Хелен.

Было ясно, что спрашивает она только из вежливости, а на самом деле это ее нисколько не интересует.

Я поведала о великолепных деревьях Эшфилда и сказала, что они сняты мне до сих пор. Хелен выслушала меня с остекленевшим взглядом.

– Как это увлекательно! – воскликнула она.

Создавалось впечатление, что она заставляет себя проявлять интерес к разговору, и я не осуждала ее: это была скучная отвлеченная тема, не то что такие животрепещущие вопросы, как вечеринки, поступки других людей, выпивка, секс.

– Смотрите, ваша дочка проснулась, – сказала она.

Я погладила Розалинду по голове, и дочь спросила: скоро ли мы приедем? А затем высказала мнение, что было бы гораздо лучше, отправься мы вместо этой поездки на экскурсию на вулкан Тейде, чья снежная вершина виднелась слева от нас. Мы обсудили возможности такой экскурсии и сочли ее слишком рискованной. Розалинда надулась, а Карло пыталась поднять ее настроение описанием яств, которые ожидают нас на пикнике.

– Ты сможешь посмотреть за ней полчаса? – спросила я шепотом Карло, когда мы приехали в Икод. – Я хочу сделать Розалинде сюрприз, купить ей что-нибудь в подарок. – Плохое настроение дочери позволяло мне отлучиться на полчаса и встретиться с Дэвисоном, хотя совесть и

грызла меня из-за того, что использую это как предлог.

– Конечно, конечно, – согласилась Карло.

– Встретимся около Дерева. Уверена, его нетрудно будет найти.

Я вышла из автомобиля на центральную городскую площадь, осененную большой смоковницей и засаженной кустами лавра и мальвы. Рядом с нами остановилась машина с мужчинами. Когда я проходила мимо них, Гай Тревельян и профессор Уилбор учтиво прикоснулись к шляпам, а Руперт Мэйби отвернулся, сделав вид, что не заметил меня. Следуя указаниям Дэвисона, данным мне ранее, я поднялась по белокаменной лестнице, миновала церковь Сан-Маркос и, пройдя по улице Сан-Себастьян, свернула на улицу Сан-Агустин, где и стояла гостиница Дэвисона. Однако для конспирации я сначала прошлась по улице мимо монастыря Эспириту-Санто и вокруг квартала, после чего, убедившись, что за мной нет слежки, зашла в гостиницу.

В холле было темно: ставни на окнах закрыли, и свет поступал только из полуоткрытых дверей во внутренний дворик. Когда глаза привыкли к полутьме, я разглядела на стенах иконы, изображавшие святых и распятого Христа с терновым венцом на голове и окровавленным лбом. Воздух пропитался запахом ладана. В первое мгновение я подумала, что ошиблась дверью и вторглась в частную часовню. Я уже хотела выйти, когда услышала низкий голос, произнесший нечто нечленораздельное. Голос принадлежал миниатюрной сморщенной старухе во всем черном, которая сидела в кресле.

– Простите, я не говорю по-испански, – сказала я, подозревая, что старуха примет меня за слабоумную.

Она быстро и невнятно произнесла еще одну фразу, состоявшую из шипения, перемежавшегося непривычными для меня гласными звуками.

– Это *hostal*^[32] Эспириту? – спросила я.

– *Si, si*, – ответила старуха, кивая и мерцая черными глазами в темноте. – *Necessita usted una habitación?*^[33]

– Мне нужен мистер Артур Джонс. Он здесь? – Мой вопрос остался без ответа, и я медленно повторила имя: – Мистер Артур Джонс?

– *Si, Señor Jones. Le conozco. Un caballero. Pero desafortunadamente Señor Jones no está aquí*^[34].

В конце концов после многократного повторения вопросов и интенсивной жестикуляции я поняла, что Дэвисон живет в этой гостинице, но сейчас вышел. Достав из сумочки лист бумаги, я написала ему записку, в которой сообщала, что приехала в Икод с группой туристов на пикник под

Драконовым деревом. И попросила его выяснить через английских коллег некий важный вопрос, подчеркнув, что ответ желательно получить как можно скорее, поскольку меня могут арестовать за кражу жемчуга Дейзи Винниат. О своих умозаключениях относительно Гренвилла и о том, что я видела в Маль-Пэ, писать не стала, признавшись только, что первоначально основывалась на ложных суждениях и потому ошибалась в выводах. В сумочке у меня был и конверт, в который я вложила записку. Запечатав конверт и написав на нем имя Артура Джонса, я отдала его вдове Святого Духа^[35].

Солнечный свет на улице ослепил меня, и мне пришлось на один миг опереться о стену гостиницы. На главную торговую улицу города я выходить не хотела, но в другом месте нашла кондитерскую, которая уже собиралась закрываться на обед. Я купила коробку маленьких пирожных для Розалинды и спросила бледную продавщицу, как пройти к Драконову дереву. Разговаривать на каком-либо языке мы не могли, но девушка не поленилась нарисовать на бумажной салфетке план городского центра. Следуя ему, я пробралась сквозь лабиринт улочек к площади, затем сквозь еще один лабиринт, западнее ее, и в конце концов вышла на улицу, ведущую к Дереву. Увидев его, я застыла. Дело было не только в том, что оно возвышалось над землей футов на сорок с лишним; оно дышало необыкновенным изяществом и благородством и было похоже на спящего великана. Наша группа сидела на подстилках под его обширной сенью.

– Мама! – закричала Розалинда, увидев меня. – Я сказала им, что нельзя без тебя начинать есть, но мужчины ответили, что умрут с голоду, если будут ждать.

– Конечно, не надо было ждать, – сказала я, присаживаясь к общему столу.

– Что вы хотели бы попробовать, дорогая? – спросила миссис Брендел. – «Таоро» снабдил нас очень щедро. Есть паштет, пирог, сколько угодно хлеба и вроде бы еще осталось что-то от цыпленка.

– О, спасибо. Немного паштета с хлебом – то, что надо.

Розалинда подвинулась, освободив место рядом с собой, и мы вчетвером – миссис Брендел, Карло, Розалинда и я – с удовольствием закусили в тени Дерева.

Теплый бриз овеивал нас, а перед нами раскрывалась прекрасная панорама береговых холмов, террасами спускавшихся к морю и утопающих в зелени виноградников. Завязалась общая беседа о Драконовом дереве, его истории, связанных с ним мифах и его применении в медицине.

– Раньше на Тенерифе росло еще одно, даже более крупное драконово

дерево, – сказал профессор Уилбор. – Согласно естествоиспытателю Александру фон Гумбольдту, посетившему остров в тысяча семьсот девяносто девятом году, оно было больше шестидесяти футов в высоту, а окружность его равнялась сорока пяти футам. Говорят – хотя верится в это с трудом, – что ему было шесть тысяч лет и что гуанчи выдолбили его ствол и устроили там святилище.

– А что с ним случилось? – спросила Хелен.

– Оно погибло в результате катастрофического наводнения тысяча восемьсот девяносто восьмого года.

– Не могу представить, чтобы здесь было наводнение, – обронила миссис Брендел.

– А между тем остров затапливало несколько раз, – заметил профессор. – Одно из самых мощных наводнений произошло в тысяча восемьсот двадцать шестом году. Остров захлестнула гигантская волна, по-видимому вызванная землетрясением в Атлантике, и смыла в море статую Богоматери в Канделярии^[36].

– Ужас, – откликнулась миссис Брендел. – Я знаю, какой разрушительной силой обладает вода. Когда я...

– Скажите, – прервала ее Хелен Харт, – это та самая статуя, которую впоследствии якобы нашли два гуанча, что пасли коз?

– Да, – улыбнулся профессор. – Легенда гласит, что один молодой пастух бросил в нее камень и его руку парализовало. Тогда другой кинулся на нее с ножом, но поранил самого себя.

И в эту самую минуту что-то капнуло мне на лицо, а на моем белом платье я увидела кровь. Видимо, в глазах у меня был такой ужас, что Розалинда завопила во всю мочь, а вслед за ней закричала и миссис Брендел. Нервы у всех после убийств Дугласа Грина и Говарда Винниата были, понятно, расшатаны. Я задрала голову, вглядываясь в гущу ветвей и ожидая увидеть там кошмарное зрелище, однако ничего подобного не заметила.

– Не пугайтесь, – сказал профессор, поднявшись. – Капает с дерева. Это «драконья кровь».

Взяв салфетку, я стерла клейкую красную массу с лица и стала успокаивать Розалинду. Профессор показал нам отслоившийся кусочек коры, который выделял смолу. Мужчины переместили разостланные на земле подстилки с тарелками, чашками, стаканами и всем прочим в безопасное место.

– Дерево поранилось? – спросила Розалинда.

– Нет, дорогая, не беспокойся, – ответила Карло. – Оно лишь меняет

старую кору на новую.

Я попыталась стереть пятно с платья влажной салфеткой, а остальные зачарованно смотрели на балдахин из ветвей и листьев над головами.

– Когда я впервые увидела кровь драконового дерева на белой мраморной площадке около Ла-Паса, я тоже подумала, что случилось что-то ужасное, но мой друг объяснил мне, в чем дело, – сказала Хелен.

Я вспомнила, что, по словам Дэвисона, тело Дугласа Грина покрывал блестящий слой «драконьей крови».

– Это был мистер Тревельян? – спросила я.

Вопрос, похоже, застал ее врасплох.

– Нет, это был другой человек, – ответила она, бросив беспокойный взгляд в сторону Гая, все еще устраивавшего новый стол для пикника, и сменила тему. – Мне кажется, после пережитого испуга мы заслуживаем немного вина. Профессор, не попробовать ли нам вина, о котором вы говорили?

– Прекрасная идея, – откликнулся Уилбор, доставая две бутылки из сумки, лежавшей рядом с ним. Он передал фужеры с темно-красной жидкостью смертоносного вида самым смелым дегустаторам – Хелен Харт, Гаю Тревельяну и миссис Брендел. – Не знаю, что это за вино, – сказал он. – Его дал мне Джерард Гренвилл.

При упоминании этого имени миссис Брендел, уже успевшая пригубить вино, состроила гримасу.

– Отвратительный напиток, – заявила она. – Если бы я была не в обществе, то выплюнула бы его на землю.

– Нас вы можете не стесняться, дорогая миссис Брендел, – сказал профессор. – Тут все свои.

Хелен бросила убийственный взгляд на обоих.

– Конечно, это не бургундское высшего качества, но все же оно не настолько плохое.

Миссис Брендел взяла салфетку и, прикрыв ею рот, наклонилась в сторону и выплюнула остатки вина на сухую землю меж гигантских корней Дерева.

– Простите меня, пожалуйста, – сказала она. – Если бы я знала, что вино от него, ни за что не стала бы пробовать.

– Но почему? – спросил профессор. – Он совершенно безобидный человек.

– Безобидный?! – воскликнула миссис Брендел, не веря ушам. – Вот уж не стала бы употреблять этот эпитет по отношению к нему.

– А что вы имеете против него? – вмешалась Хелен Харт. – Неужели

вы верите дурацким сплетням? Все знают, что это выдумки. Миссис Кристи наверняка может подтвердить, что он порядочный человек.

Я растерялась. Что ей было известно о моем визите в Маль-Пэ?

– Почему вы так думаете? – спросила я.

– Ну как же, я слышала, что вы довольно близко сошлись с ним – точнее, с ним и его дочерью, – ответила она с лукавой усмешкой в голубых глазах.

Я ничего не ответила. Карло что-то шептала Розалинде, чтобы отвлечь ее от этого разговора.

– Вам понравилась Вайолет? – продолжила Хелен, сделав глоток. – Надеюсь, общение с вами приободрило ее. Она в последнее время такая грустная. Оно и понятно, раз ее жениху осталось недолго жить. Не удивлюсь, если она совершит какую-нибудь глупость. Некоторые полагают... – Она понизила голос, чтобы Розалинда не слышала, – что как только Эдмунд умрет, бедняжка тоже покончит с собой.

– Не думаю, – отозвалась я. – Люди, которые говорят о самоубийстве, очень редко совершают его. Опасаться следует за тех, кто переносит все молча. Они и сами бывают очень опасны.

– Дорогой, – произнесла Хелен, оперлась рукой о колено Гая Тревельяна и протянула ему пустой фужер, – ты не плеснешь мне еще порцию этого бодрящего напитка? В нем, по-моему, что-то есть.

Гай Тревельян, не обратив внимания на просьбу любовницы, продолжал обсуждать с Уилбором и Мэйби историю образования вулкана Тейде.

– Это интересно. По-видимому, Каньядас^[37] сложились примерно сто семьдесят тысяч лет назад, когда гигантский оползень срезал и перевернул все горные вершины на острове.

– Гай, ты не мог бы...

– Оползень оставил после себя огромную впадину, открытую морю, а дно океана покрылось...

– Гай, прошу тебя...

– А вслед за этим в результате реактивации вулканической деятельности в области Лас-Каньядас образовались вулканы Тейде и Пико-Вьехо, и...

– Господи помилуй, Гай! – вскричала Хелен, вскочив на ноги.

Гай воззрился на нее в изумлении.

– Это же скука смертная, как ты не понимаешь? Ты скучен! – Она выплюнула эти слова с неуправляемой яростью. Ее бледное лицо покраснело, глаза выкатились, как у бешеной собаки.

Под Деревом воцарилось молчание. Хелен схватила бутылку и налила себе вина трясущейся рукой. Осознав, что закатила некрасивую сцену, она взъерошила Гаю волосы, изобразила лучезарную улыбку и произнесла с притворным любованием:

– Ох уж эти твои камни!

Выпив вина, она пригладила свою белокурую гриву и постаралась взять себя в руки.

– Иногда ты так ведешь себя, что люди могут подумать, будто любишь эти камни больше, чем меня.

Было ясно, что она пытается выдать свою вспышку за шутку, однако никто на это не клюнул. Сгустилась напряженная атмосфера, и всем было неловко.

– Кстати, о камнях, Гай, – нарушила молчание миссис Брендел, желая вернуть разговор в цивилизованное русло. – Вы, наверное, повезете с собой в Британию целую кучу образцов?

Гай растерянно посмотрел на нее, не видя смысла в вопросе:

– Я не понимаю... Почему вы так думаете?

– Ну как же, разве не приятно путешествовать по свету, посещать все эти интересные места, собирать разные камни и посылать домой. Вам хорошо, у вас есть куда их положить. Если бы у меня был с собой пустой сундук, я бы набила его тонкими кружевами и тканями. Когда я была на «Титанике»...

– Ну да... – отозвался Гай, но слова замерли у него на губах.

Взгляд его вдруг утратил всякую живость и устремился на какую-то точку позади миссис Брендел. Я обернулась и увидела, что к нам приближается Нуньес с двумя помощниками по бокам. Они явились за мной. Очевидно, нашли улику, позволяющую выдвинуть против меня обвинение в краже.

Розалинда не должна была видеть, как ее мать арестовывает полиция. Шепотом попросив Карло позаботиться о девочке, я встала. Красная смола растеклась по юбке, как алый знак виновности.

– Я готова ехать с вами, но давайте ради моей дочери сделаем это без лишнего шума, – сказала я Нуньесу.

Но Нуньесу хотелось унижить меня, и он произнес громко, чтобы услышали все под Драконовым деревом:

– Миссис Агата Кристи, вы подозреваетесь в краже ценного жемчужного ожерелья, хранившегося в комнате миссис Дейзи Винниат.

Раздались удивленные возгласы всей компании и громкий плач Розалинды.

Нуньес дал знак помощнику взять меня под локоть.

– Вы арестованы, – объявил он.

Эти слова были встречены гулом протестующих голосов.

– Не валяйте дурака, – заявила миссис Брендел. – Миссис Кристи не может совершить такое.

– Это не укладывается в голове... Ни на что не похоже, – пробасил профессор Уилбор.

Карло подбежала ко мне.

– Это недоразумение, – сказала она. – Я уверена, что все разъяснится.

– Послушайте, инспектор, – бросил Гай, – не можем ли мы просто...

Но я слышала только испуганный крик дочери, которая вслед за Карло подбежала ко мне и вцепилась в юбку.

– Мама! – рыдала она. – Пусть он не увозит тебя.

– Отойдите, пожалуйста, – сказал Нуньес. – Необходимо доставить миссис Кристи в Оротаву и допросить. – Он подал знак помощнику усадить меня в автомобиль. – Чем быстрее мы сделаем это, тем скорее все разъяснится и ее отпустят.

Это звучало разумно, но я сомневалась, что Нуньес намеревается отпустить меня. Не для того арестовывал.

– Но ведь... – хотела я возразить, однако не стала этого делать.

Если выводы, к которым я пришла, верны, лучше пока не раскрывать того, что я знала о Тренкеле. Проблема была в том, что, находясь под арестом, я не могла собирать информацию, необходимую для завершения дела. Между тем державший мою руку полицейский потянул меня в сторону машины.

– Мама, останься, – в слезах умоляла Розалинда. – Пожалуйста, не уезжай.

– Не волнуйся, дорогая, – ответила я, глядя ее по голове. – Это глупое недоразумение. Мы разберемся во всем, и я вернусь к тебе в отель. А пока ты будешь с Карло. – Я кинула на подругу-гувернантку умоляющий взгляд и отвернулась от плачущей Розалинды, чувствуя, что еще секунда – и я потеряю всякий контроль над собой. Не хватало только бедной девочке видеть мать в истерике.

– Я готова, инспектор Нуньес, – сказала я.

Нуньес кивнул с гордым и удовлетворенным видом. Такое же выражение я видела однажды на лице участника сафари в Южной Африке, убившего львицу. Инспектор указал мне на открытую дверь автомобиля.

– Мамочка!.. Мамочка!.. – Пронзительный крик прорезал воздух.

Затем послышались рыдания.

Я не стала обрaчиваться, боясь, что у меня разорвется сердце.

Глава 36

Возвращение в Оротаву было безрадостным. Я подавленно молчала, перед глазами стояло искаженное горем лицо Розалинды. Нуньес с подозрением косился на красное пятно на юбке. Неужели он всерьез верил, что я способна ограбить женщину, у которой только что умер муж? Но он руководствовался представленной ему информацией – тем фактом, что меня видели выходящей из номера Дейзи Винниат, а теперь еще, очевидно, тем, что в моей в комнате нашли жемчуг, подкинутый Тренкелем. Интересно, как доктор это проделал? Наверное, попросил горничную впустить его, чтобы оставить для меня лекарство.

– Неужели вы думали, что вам это сойдет с рук? – спросил Нуньес.

– Простите, вы о чем?

– О жемчуге. Вопрос был только в том, сколько времени нам понадобится, чтобы найти его.

Я промолчала.

– Доктор Тренкель сказал, что у вас было нервное расстройство, и просил меня обращаться с вами помягче.

Со стороны Тренкеля это было великодушно.

– Доктор был очень внимателен со мной, и я благодарна ему за это, – ответила я.

– Вы не скажете, почему это сделали? Вам нужны были деньги? Или вами двигала жажда приключений? Я читал о женщинах, которые так изнывали от скуки, что искали развлечения в преступлениях.

– Боюсь, то, о чем вы говорите, скорее похоже на сюжет неудачного триллера, инспектор, – бросила я.

Нуньес поморщился:

– Опять вы надо мной насмехаетесь, миссис Кристи. Не кажется ли вам, что время для этого прошло?

Я молча уставилась на синюю полосу моря, ограниченную четкой линией горизонта. Мне вспомнился размытый горизонт, который я видела из иллюминатора парохода, доставившего меня с холода английской зимы в этот рай под солнцем. В то утро я вышла на палубу, закутавшись в шаль, подаренную Флорой Кёрс, и сразу услышала крики Джины Тревельян. Она стояла на краю палубы, готовясь к прыжку, ее руки поднялись к солнцу, словно крылья птицы, собравшейся лететь в теплые края.

Путь из Икода в Оротаву длился, казалось, целую вечность. В Ла-

Оротаве Нуньес отвез меня не в отель, а в здание казенного вида, стоявшее возле гавани. Воздух вокруг был насыщен запахом гниющей рыбы. Инспектор провел меня в пустую беленую известкой комнату с решетками на окнах.

– Сядьте, пожалуйста, – сказал он, указав на деревянный стул, и сам уселся за письменным столом. – Как видите, тут нет ничего похожего на «Таоро» с его комфортом, и я предпочел бы не помещать сюда женщину вашего положения, но вы не оставили мне выбора.

– Могу я узнать, кто видел, как я выходила из комнаты миссис Винниат?

– Боюсь, я не вправе делиться с вами информацией.

– А как вы отнеслись бы к моему заявлению, что я украла жемчуг с познавательной целью?

– Значит, вы признаете, что сделали это?

– Нет, не признаю. Но если бы призналась, что взяла жемчуг потому, что это понадобилось для сочинения одной сцены в моем романе, вы поверили бы мне?

– Нет, вряд ли.

– Понятно, – сказала я. – Очень жаль. – Я стала думать, что сказать дальше. – Дело в том, что я не крала ожерелья, но знаю, кто это сделал.

Нуньес посмотрел на меня скептически.

– Вот как? Миссис Кристи, вы рассказывали мне столько историй, столько – как их там? – небылиц, что, боюсь, придется подвергать сомнению все, что вы говорите.

– Вы должны поверить мне на этот раз, инспектор. Это связано с убийством мистера Винниата и с более ранним преступлением, убийством Дугласа Грина.

– Каким же образом?

– Я не могу объяснить, потому что сама пока не знаю, но я уже близка к разгадке, и очень важно, чтобы вы меня отпустили и я могла бы закончить это дело. Мне осталось выяснить еще один момент в этой истории, и головоломка будет решена.

– За кого вы меня принимаете? – рассердился Нуньес, лицо его покраснело. – За вашего персонажа – растяпу полицейского или неумелого следователя? Вы напрасно ждете, что я попадусь на эту удочку.

– Я понимаю, вам трудно решиться и отпустить меня. Но если вы будете держать меня взаперти, мы, возможно, никогда не доберемся до истины.

– Миссис Кристи, расследование преступлений – это работа полиции,

а не развлечение для пишущих дам. – Он произнес два последних слова так, будто они были неприличными. – Почему бы вам вместо этого не сказать правду?

Что мне было делать? Я хотела приберечь информацию о Тренкеле, чтобы использовать ее в решающий момент. Доктор, я была уверена, играл определенную роль в более крупной игре. Но инспектор не оставил мне выбора, приходилось раскрывать карты.

– Хорошо, – сказала я, пригладив юбку. – Я понимаю, что это, возможно, выглядит неправдоподобно, но прошу вас отнестись к моим словам со всей серьезностью.

Нуньес взял ручку и, склонившись над столом, приготовился записывать показания.

– Я действительно была в номере Дейзи Винниат в тот вечер, когда украли жемчуг.

Нуньес кивнул, довольный тем, что подтверждается его версия преступления, и начал писать.

– Я надеялась найти у нее пропавший блокнот Винниата. Я знала, что Дейзи дали снотворное и я смогу обыскать комнату.

– Так, так, продолжайте.

– Я занималась поисками и вдруг увидела, что ручка двери поворачивается и кто-то собирается войти. В панике я спряталась в платяном шкафу. Вы знаете, что в «Таоро» шкафы очень вместительны.

– Да, это так. И что дальше?

– И вот, сидя в шкафу, я увидела человека, который вошел в комнату и взял жемчужное ожерелье из шкатулки. Это был доктор Тренкель.

Инспектор швырнул ручку на стол.

– Да как вам могло прийти в голову, что я поверю? – вскричал он, морщась от отвращения. – Доктор Тренкель! Старый и заслуженный сотрудник отеля. Он вылечил десятки – нет, сотни – больных людей. И вы хотите, чтобы я поверил, что он обыкновенный воришка? С какой стати он стал бы рисковать своим положением? Нет, это абсурд.

– Все не так просто. Дело в том, что...

– Я не собираюсь слушать эту чушь, – заявил инспектор, выставив ладонь, чтобы остановить меня.

Он поднялся из-за стола, взял свои записи и, подойдя к двери, окликнул помощника, который тут же пришел на зов. Нуньес сказал помощнику что-то по-испански, тот взял меня за руку, и она словно в тиски попала.

– Инспектор, поймите же, я говорю правду!

Но инспектор, не обращая на меня внимания, покинул комнату.

– Вы должны помочь мне! – крикнула я ему вслед.

Его помощник потащил меня по темному коридору в направлении двух камер.

– Вы не знаете, что я действую не по своей инициативе, я...

Но не было смысла кричать в пустоту. Нуньес ушел, а его коллега не говорил по-английски. Когда мы подошли к камере, он хотел отобрать у меня сумочку. Я вцепилась в нее изо всех сил и стала жестами объяснять, что она мне нужна. Я показала на кроваво-красное пятно на юбке, надеясь сбить полицейского с толку. Это и вправду сработало.

– Entra^[38], – сказал охранник, открыв толстую деревянную дверь.

Мне ничего не оставалось, кроме как подчиниться. Опустив голову, я вошла в сырую и вонючую камеру. Дверь захлопнулась за спиной, прогремел засов. Когда глаза привыкли к темноте, я разглядела матрас, лежавший в углу на полу, и ведро, которое, видимо, и было источником вони. Чтобы не плакать, я стала вспоминать все лучшие мгновения детства – материнские объятия, восторженное чувство свободы, с каким я играла в саду Эшфилда, – но я не могла сдержать слез. Прислонившись к стене, я рыдала, пока у меня не заболело все тело. Как можно было вести себя так глупо, так наивно? О чем я думала? Надо было не поддаваться на уговоры Дэвисона и оставаться в Эбни-холле, доме моей сестры в Чешире. Тем не менее я должна была что-то сделать, чтобы смерть Уны Кроу и Флоры Кёрс не была напрасной. Иначе моя поездка на Тенерифе стала бы уж вовсе бессмысленной.

Я еще раз перебрала в уме все факты, касавшиеся убийств на Тенерифе. Частично мумифицированное тело Дугласа Грина в пещере. Фигурка Тибисены, которую мы с Дэвисоном нашли там же. Способ убийства Говарда Винниата и жуткий воткнутый в глаз цветок райской птицы. Это был театральный жест, бьющий на эффект. Кто-то хотел бросить подозрение на Джерарда Гренвилла, и я заглотила наживку. У него была плохая репутация – он слыл оккультистом и верил в колдовство; он собирал образцы скульптуры гуанчей и интересовался ядами. Когда же я узнала, что он вдобавок проявляет нездоровый интерес к собственной дочери и удовлетворяет его самым вопиющим образом, я уверовала, что он убийца. Тому, кому были знакомы все грани личности Гренвилла, было нетрудно слепить из него убийцу. Кто-то исподтишка манипулировал мной, как марионеткой. Я начала подозревать, кто этот тайный манипулятор, но у меня не было доказательств. И вряд ли была возможность добыть их, сидя в зловонной тюрьме. Надо выбираться из нее.

Я достала из сумочки мешочек с ядами и перечислила вслух их названия, как заклинание. Использовать тетродотоксин было слишком рискованно. Он погружает человека в глубокий сон, который можно принять за смерть. А вдруг охранник не придет проверить, что со мной делается? Я не хотела проснуться в гробу и слушать, как комья земли сыпятся на крышку. Да, в общем-то, использование любого яда небезопасно. Не исключено, что я могла отравиться по-настоящему и оказаться перед лицом мучительной смерти. Кто услышит меня, если я стану кричать? Ну, несомненно, приказал охраннику не обращать на меня внимания до самого утра. Если уж принимать яд, то перед восходом солнца. А значит, придется всю ночь терпеть вонь в камере. Мне опять вспомнилась любимая поговорка бабушки: «То, от чего нельзя избавиться, надо перетерпеть». Сейчас я воспринимала ее как злую шутку.

Я села на сырой матрас. Мне не хотелось проверять одеяло на пригодность, и я положила сверху шаль Флоры и постаралась устроиться с наименьшим неудобством. Закрыв глаза, я позволила мыслям свободно сменять одна другую, подобно образам беспокойного сна. Больше всего не давала покоя одна, затаившаяся в глубине сознания и не желавшая выплывать на свет. Однако я чувствовала, что она имеет решающее значение. Может быть, это отрывок из книги или фрагмент разговора? Я как будто держала в руках два не соответствующих друг другу фрагмента пазла, один с зазубренным краем, а другой – с закругленным. И как я ни старалась их соединить, ничего не получалось.

Было слишком темно, чтобы читать записную книжку, и я попыталась уснуть. Но у меня не шла из головы сцена под Драконовым деревом. Упавшие на лицо капли, которые я сначала приняла за кровь. Ужас в глазах дочери. Крики Розалинды и миссис Брендел. Ее несмолкаемая старческая болтовня побуждала не обращать внимания на то, что она говорит. А между тем... Я была уверена: она сказала что-то очень важное.

Я попыталась вспомнить все наши разговоры и утонула в море слов и предложений, изливаемых ею. Злодейства Гренвилла, «Титаник», ее украшения, ее сундуки...

Я подскочила на постели. Сундуки?! От снизошедшего на меня откровения мурашки забегали по коже. Что тогда сказала миссис Брендел? Что она завидует Гаю Тревельяну, у которого есть пустой сундук. В тот миг эти слова казались пустячными, абсолютно ничего не значащими. Но ведь в блокноте Винниата, который я нашла в его номере, говорилось, что при погрузке на «Джелрию» сундук Тревельяна был так тяжел, что лица носильщиков стали свекольного цвета. Как я была глупа! Наконец-то все

вставало на свои места. Но какой жестокий, поистине бесчеловечный замысел!

Я была возбуждена и довольна тем, что вскоре смогу объяснить все до конца, но радость сменила внезапная мысль: в этом случае миссис Брендел грозит смертельная опасность. Я вскочила и подбежала к двери.

– Выпустите меня! – закричала я. – Надо остановить еще одно убийство! Помогите! Дайте мне поговорить с инспектором Нуньесом. – Я стала вспоминать испанские слова, которые успела выучить: – Por favor! Sangre. Muerte. Muerte!^[39]

Я барабанила в дверь, я пнула ее и повредила ногу.

– Вы должны помочь! Инспектор Нуньес! Мне надо поговорить с ним. Muerte.

Я повторяла и повторяла эти слова, но охрана не отозвалась на мои призывы. Я колотила в дверь руками и ногами, пока у меня совсем не осталось сил. Голос мой охрип. Обливаясь слезами, я рухнула на пол. Мой крик тонул в темной пустоте.

Глава 37

Голова мотнулась вперед, и я пробудилась от полусна. Послышались шаги в коридоре и скрежет ключа в замке. Я кое-как поднялась на ноги, держась за стену, при этом спину пронзила такая боль, словно меня прострелили. Я поспешно поправила волосы, стряхнула пыль и грязь, приставшие к юбке. Секунду спустя передо мной возник Нуньес.

– Я вижу, вы не очень хорошо спали, миссис Кристи, – сказал он.

– Да. Я беспокоилась о миссис Брендел, которой грозит большая опасность, – выпалила я возбужденно, как человек, плохо владеющий собой. – Сейчас нет времени все объяснять, но поверьте мне, ее жизнь под угрозой. Надо приставить к ней полицейского и увезти ее отсюда. Я слишком медленно соображала, и лишь когда...

– Пожалуйста, успокойтесь, – прервал меня инспектор. – По-моему, вас лихорадит.

– Нет, со мной все в порядке, – соврала я. – Но вы должны помочь мне. Понимаете...

– Мне надо было внимательнее отнестись к тому, что говорил доктор Тренкель. Он предупредил о вашем состоянии, и...

– Доктор Тренкель? – Выплюнула я мерзкое имя. – Я же сказала вам, что доктор...

– Надеюсь, вы все же не будете упорствовать в обвинениях против него. Это ни к чему. Наоборот, я считаю, отсюда вы должны сразу пойти к нему, чтобы он помог вам восстановить душевное равновесие. Вы сейчас нуждаетесь в его помощи больше, чем когда-либо. Я читал, что с вами было в конце прошлого года, но не думал, что это настолько серьезно. Я сожалею, что заставил вас переночевать в этой неуютной камере, но вы, надеюсь, понимаете, это было сделано ради вашей безопасности.

Я не вполне понимала его.

– Вы меня отпускаете?

– Да. Мы арестовали пару, которая созналась в краже жемчужного ожерелья миссис Винниат.

– И кто же это?

– Во-первых, гувернантка, которая живет в «Таоро» вместе с семьей американских туристов, ее зовут мадам Жиру. Она примерно вашего возраста и очень похожа на вас общим обликом, так что ее нетрудно было спутать с вами.

– А второй? – спросила я, не желая услышать ответ.

– Еще один ваш знакомый, мистер Александр Блейк, известный также под именем Джон Дэвисон. Он вернулся ночью в «Таоро», разыскал меня и во всем сознался. В паре с мадам Жиру они разработали целую систему. Останавливались в отелях высшего класса и крали одно-два исключительно ценных ювелирных изделия.

«Интересно, – подумала я, – что у Дэвисона на уме?»

– Значит, Александр Блейк – вымышленное имя?

– Да, по всей вероятности. Ему почти удалось повесить это преступление на вас. Вам повезло, что он объявился в последнюю минуту.

– Понятно... Даже не знаю, что сказать.

– Надеюсь, вы хоть отчасти простите нас за это... – сказал инспектор, обведя камеру широким жестом. – Но, может быть, вы используете этот опыт в каком-нибудь романе.

– Сомневаюсь, – ответила я, безуспешно пытаюсь понять планы Дэвисона. Он, по-видимому, прочитал записку, узнал, что меня арестовали, и принял срочные меры. – И вы говорите, эта пара созналась в краже?

– Да, рассказали о себе все, когда мы нажали на них. Мадам Жиру поняла, что кто-то видел, как она выходит из номера миссис Винниат, решила воспользоваться сходством с вами и каким-то образом подкинула жемчуг в вашу комнату, чтобы подставить вас.

Надо было действовать по сценарию Дэвисона.

– А как мадам Жиру попала в мою комнату?

– Подробности еще предстоит выяснить. Но я не могу понять, зачем вы сочиняли все эти небылицы.

– Как вы сами говорили, слишком живое воображение.

– Да уж. Я думаю, будет лучше, если ваш интерес к преступлениям ограничится сочинением романов.

– Вы совершенно правы, инспектор, – ответила я с притворной улыбкой. Мне надо было как можно скорее вернуться в «Таоро». – Но я всерьез беспокоюсь о миссис Брендел. Я боюсь, что человек, ответственный за смерть Дугласа Грина и Говарда Винниата, попытается убить и ее.

– Если я не ошибаюсь, этот человек сидит сейчас у нас за решеткой, – ответил Нуньес. – Я думаю, Джон Дэвисон знал, что Дуглас Грин, а затем и Говард Винниат обнаружили что-то, разоблачающее его как похитителя драгоценностей или как...

Мне хотелось заорать на инспектора во весь голос, но не было времени спорить и объяснять, зачем Дэвисон приехал на остров.

– Вы знаете, я очень устала, – сказала я, – и мне надо принять ванну. Вы видите, как я выгляжу.

– Да-да. Я сейчас распоряжусь насчет машины для вас, – говорил Нуньес, сопровождая меня к выходу из здания. – Я только хочу извиниться за то, что пришлось поместить вас в такие неприятные условия, но этого можно было избежать, если бы вы говорили правду вместо того, чтобы сочинять хитроумные истории.

– Не знаю, что на меня нашло, – ответила я с натянутой улыбкой.

– Ну и ладно, не будем больше об этом, – сказал он, открыв дверцу машины и дав распоряжение водителю отвезти меня в «Таоро». – Оставим все позади. А о миссис Брендел не беспокойтесь. Я уверен, преступник сейчас за решеткой.

Нуньес захлопнул дверь, и мы тронулись. Согнав с лица улыбку, я сжала губы. Наверное, мое лицо в эту минуту было похоже на древнегреческую маску трагедии. Я думала о том, какую злую шутку сыграла судьба с миссис Брендел. Невинная фраза, оброненная на пикнике без всякой задней мысли, могла стать ее смертным приговором, если к ней прислушались, и подействовать так же неотвратимо, как хорошая доза мышьяка или цианида. С каждым оставленным позади метром пути я молилась, чтобы миссис Брендел была еще жива. «Пожалуйста, Боже, пожалуйста, спаси ее», – повторяла я про себя. Я даже в окно не могла смотреть и уставилась на красное пятно на юбке. Как только автомобиль остановился у входа в «Таоро», я выскочила из него и взбежала по ступенькам. Краем глаза я заметила нескольких постояльцев отеля, воззрившихся на меня с удивлением – а может, и ужасом, – как на сумасшедшую, сбежавшую из психлечебницы.

– Густаво, вы не знаете, где миссис Брендел? – выпалила я, подбежав к стойке консьержа.

– Сейчас сообразим, – отозвался он. – Встает она довольно поздно и сегодня, по-моему, еще не выходила к завтраку. А что, случилось что-нибудь? – Он тоже неодобрительно покосился на меня.

– Дело крайне срочное, – ответила я. – Не исключено, что ее жизнь в опасности.

– Хорошо, я пошлю мальчика к ней в номер. – Он жестом подозвал коридорного.

Но я боялась, что мальчик найдет там что-нибудь слишком ужасное.

– Густаво, мне кажется, лучше сходить вам самому, если вы не против.

– Ладно, – согласился он и подозвал помощника, чтобы тот занял его место за стойкой.

Я последовала за Густаво через холл и по парадной лестнице молча, как тень. Остановившись у двери миссис Брендел, он постучал. Никакого ответа не последовало. Он постучал второй раз и третий, но с тем же результатом. У меня от страха перехватило дыхание.

– Очень странно, – произнес Густаво, посмотрев на часы.

– Миссис Брендел! – крикнула я. – Миссис Брендел, вы у себя? Откройте, пожалуйста.

В дальнем конце коридора послышался скрип инвалидной коляски – кого-то везли. Густаво постучал еще раз, и снова без всякого успеха.

– Нет, так не годится, так совсем не годится, – сказал он, доставая ключи из кармана. – Пожалуйста, подождите меня здесь, я проверю, все ли в порядке.

Постучав в последний раз, он отпер дверь и распахнул ее. Ждать в коридоре я, естественно, не могла и зашла вслед за ним в полутемную комнату. В ней ощущался слабый запах розового мыла. Кровать была пуста. Я посоветовала Густаво посмотреть в гардеробе и прикрыла рот носовым платком, уверенная, что увижу труп с перерезанным горлом. Но в шкафу не оказалось ничего, кроме вешалок с платьями. Это было так неожиданно, что я чуть не вскрикнула. Густаво стал заглядывать во все углы, а я направилась к ванной и медленно открыла дверь. Что-то, застрявшее под дверью, заскрежетало, и я в испуге сделала шаг назад, но затем, набравшись храбрости, вошла в ванную. Пол усеивали жемчужины – одна из них и закатилась под дверь. Это было, по всей вероятности, рассыпавшееся ожерелье миссис Брендел, которое она всегда носила. Я уже поняла, что увижу, и медленно приблизилась к ванне. Она была наполнена водой, а в ней, полностью одетая, лежала миссис Брендел. Глаза ее были открыты, лицо – белым, как у призрака. Мне вспомнилась строка из шекспировской «Бури», которую процитировал Винниат на обеде, устроенном на «Джелрии» после отплытия из Саутгемптона: «Эти жемчужины были его глазами». Теперь двое из той компании мертвы.

– Густаво! – позвала я, чувствуя, как подгибаются ноги. – Она здесь.

– О, нет! – воскликнул он, войдя в ванную.

– Я опоздала, – сказала я, пытаюсь заглушить рыдания носовым платком. – Она убита.

– Убита?! Как это? Кто мог это совершить?

Я ничего не ответила.

– Может быть, грабитель, которого спугнули? – предположил Густаво, глядя на мерцавший на полу жемчуг. – Интересно, это как-то связано с кражей ожерелья миссис Винниат? Ох, я надеялся, что скандала не будет,

но теперь, наверное, все станет известно.

– Что станет известно? – спросила я.

– В прошлом году дама куда-то задевала изумрудную брошку, а в позапрошлом другая вдова потеряла браслет с бриллиантами и сапфирами. Мы решили, что виновата их рассеянность и беспечность.

– Густаво, найдите, пожалуйста, инспектора Нуньеса.

– Инспектор сказал, они поймали воров. Кто бы мог подумать, что гости «Таоро», мадам Жиру и этот – как его – мистер Блейк окажутся охотниками за бриллиантами? Но странно, до этого года они никогда не останавливались у нас, я уверен. Хотя, может быть, раньше они были загримированы. Или же забирались в отель глубокой ночью, чтобы украсть брошь и браслет. Когда инспектор арестовал их, он уверял меня, что больше нам не о чем беспокоиться. И вот – пожалуйста. – Он указал на тело в ванной.

Волосы миссис Брендел распустились в воде, образовав вокруг головы нимб из водорослей. На шее были видны красные пятна, оставленные тем, кто сдернул жемчужную нить. По-видимому, после этого убийца задушил ее, а потом, наполнив ванну водой, утопил.

– Бедная миссис Брендел, – вздохнула я. – Она говорила мне, что после пережитого на «Титанике» боится воды. И опять она стала жертвой жестокой иронии судьбы, утонув в ванной на глубине в один фут.

– Надеюсь, она не страдала, – сказал Густаво, уходя.

Я была не в силах ответить, потому что последние секунды жизни миссис Брендел наверняка были очень тяжелыми.

Глава 38

Карло открыла дверь нашего номера, и я упала в ее объятия.

– Господи боже мой! – сказала она. – Что происходит?

Из соседней комнаты влетела Розалинда.

– Мама! – закричала она и, подбежав, стала тянуть меня за юбку, спрашивая: – Ты хорошо себя чувствуешь?

– Да, и особенно теперь, когда вижу вас обеих. Это было ужасное недоразумение. Инспектор решил, что я ворую драгоценности.

– Он дурак! – воскликнула Розалинда.

– Увы, ты права, дорогая, – ответила я, заставив себя улыбнуться. – Он действительно дурак.

Карло мягко взяла меня под локоть. Я знала, что так просто от нее не отделаюсь. Она сразу поняла: случилось что-то очень плохое.

– Дорогая, Синему Мишке, наверное, пора спать, – обратилась она к Розалинде. – Пойди уложи его, а мы с мамой поговорим о делах.

– Его, наверно, еще не надо укладывать. Он говорит, что только встал.

– Надо, надо. Не отлынивай, пожалуйста, – приказала Карло.

– Ну ладно, но предупреждаю, он не уснет, – проворчала Розалинда, уходя со своим любимцем в смежную комнату.

– Ты выглядишь ужасно, – сказала Карло, плотно прикрыв дверь за Розалиндой. – Что все-таки происходит?

– Еще бы мне не выглядеть ужасно после ночи, проведенной в жуткой камере в полицейском участке, – ответила я, садясь без сил на кровать.

– Так инспектор действительно верил, что ты украла ожерелье миссис Винниат?

– Да, судя по всему, верил.

– А почему он тебя отпустил?

Мне не хотелось отвечать на вопросы Карло, потому что я не могла сказать ей всю правду, однако оставлять их без ответа тоже нельзя было.

– Инспектор нашел, как он считает, настоящего вора.

– Я чувствую, все не так просто. Ты чего-то недоговариваешь. Я права?

Меня мучила совесть из-за того, что я утаивала от Карло слишком многое. Она была не только моим секретарем и гувернанткой Розалинды по совместительству, но и близкой подругой. Но я никак не могла сообщить ей о сотрудничестве с Дэвисоном и раскрыть настоящую причину приезда на

Тенерифе.

– Да, ты права, – ответила я. – Я еще не сказала тебе о миссис Брендел. Она умерла.

Карло была не очень хорошо знакома с миссис Брендел, но ей нравился эксцентричный характер пожилой дамы и ее чудачества.

– Как это произошло? – спросила она со слезами на глазах. – Неужели это еще одно...

– Да, ее утопили в ванной. Без сомнения, это убийство.

– Какой ужас! Но почему ее убили?

– Наверное, она видела или слышала что-то, уличающее опасного преступника, хотя сама не сознавала этого.

– Что она могла видеть или слышать? Кто преступник?

– Все вскоре станет известно, – ответила я с подчеркнутой уклончивостью.

– Ты же обещала, что не будешь вмешиваться в эти дела. Ты говорила, что приехала сюда отдохнуть.

– Так оно и было, так и есть. Но что я могу поделать, если людей вокруг меня убивают одного за другим? – Я не собиралась отвечать Карло с такой резкостью, хотела только отвлечь ее от неудобных для меня вопросов, но получилось слишком грубо. – Послушай, – сказала я, взяв ее за руку, – да, я обещала, что постараюсь только отдохнуть, но что делать, если я, мне кажется, знаю – или почти знаю, – кто совершил убийства?

– И ты собираешься сообщить все, что знаешь, инспектору?

– Увы, я пыталась, но безуспешно. Он не стал слушать.

– Ты подозреваешь этого монстра, Гренвилла?

– Он, конечно, монстр, но не думаю, что убийца.

– Не думаешь? А кто тогда?

– Пожалуйста, потерпи, Карло, – сказала я, сжав ее руку. – Я понимаю, это очень неприятно, и мои поступки для тебя – постоянная головная боль, но мне осталось выяснить еще несколько деталей, и вся картина прояснится.

Она поглядела на меня с тревогой:

– Надеюсь, ты не будешь подвергать себя опасности?

– Что мне сейчас нужно, – сказала я вместо ответа, – так это принять горячую ванну и несколько часов поспать.

– Но не надо ли тебе...

– Я поем позже. Сейчас, после этой вони в камере, в меня ничего не полезет.

– Ты не ответила на мой предыдущий вопрос.

Перед глазами у меня возникла плавающая в ванне миссис Брендел.

– Понимаешь, Карло, надо положить этому конец. Невозможно, чтобы это продолжалось. Инспектор доказал, что соображает не очень хорошо и вряд ли станет соображать лучше. Полиция не сумела предотвратить цепь кровавых преступлений. Но теперь все изменится.

– Ты говорила, что не станешь...

– Сейчас уже не имеет значения, что я говорила, – произнесла я взволнованно. Общая картина вырисовывалась у меня в голове. – Это змеиное гнездо необходимо уничтожить.

– Вот теперь ты пугаешь меня по-настоящему.

– Пойми, иначе впереди нас ждет сплошной кошмар. Зло порождает зло.

– Давай я помогу тебе раздеться, – сказала Карло, желая сменить тему. – Боюсь, это пятно на юбке ничем не свести.

Меня больше заботили пятна на душе, но я не стала делиться переживаниями с Карло, чтобы не встревожить ее еще больше.

– Ох, да! Тебе же пришла телеграмма первой почтой, – спохватилась она. – Надеюсь, это не плохие вести.

– Телеграмма?

– Да. Прости, но при известии о миссис Брендел все остальное выскочило у меня из головы. – Она подала мне конверт, лежавший на туалетном столике.

Я вскрыла конверт. Это было сообщение, посланное сотрудником Хартфорда из лондонского управления Секретной разведывательной службы. Очевидно, перед тем, как сдать в плен Нуньесу, Дэвисон послал запрос на информацию и просил доставить ее мне в «Таоро». В телеграмме были имена трех женщин, пропавших без вести в течение недели перед отплытием «Джелрии» из Саутгемптона. Указан был также род их занятий. Именно род занятий одной из них – танцовщица – привлек мое внимание. Звали ее Сьюзен Саундерс. Это было ключевое звено, которого мне не хватало для воссоздания всей картины преступления. Сьюзен Саундерс была еще одной жертвой в этой цепи смертей.

Глава 39

Когда я приняла ванну и оделась, раздался стук в дверь. Пришел инспектор Нуньес, получивший известие об убийстве миссис Брендел. Карло впустила инспектора в комнату. Вид у него был ужасный, лицо посерело.

– Не понимаю, как это объяснить, – пожаловался он. – Я в полной растерянности. У меня все так хорошо складывалось. Я считал, что этот Блейк убил Дугласа Грина и Говарда Винниата, которые каким-то образом узнали о его охоте за драгоценностями и угрожали разоблачением. Но миссис Брендел убили уже после того, как я арестовал мистера Блейка и мадам Жиру, – произнес он упавшим голосом и замолк.

– Выпейте воды, – предложила я.

– Спасибо, это очень любезно с вашей стороны, – сказал он, взяв стакан охлажденной воды, которую я налила ему из графина. – Простите меня, миссис Кристи, за то, что я не хотел вас слушать. В камере – и как только мне пришло в голову засадить вас туда? – вы сказали, что миссис Брендел в опасности, а я грубо отмел ваше предупреждение, в чем искренне раскаиваюсь.

Я не стала его утешать.

– И если вы простите мне мою самонадеянность, я хотел бы спросить, что привело вас к такому заключению?

– Понимаете, инспектор, это очень необычное дело, так что на объяснение уйдет время. Давайте присядем, если вы не против.

Отослав Карло и Розалинду в другую комнату, я изложила инспектору всю цепь событий, казалось бы не связанных друг с другом. Самоубийство Джинны Тревельян по пути на Teneriffe. Мои подозрения, касающиеся Гренвилла, хотя о том, как я узнала о его противоестественной связи с дочерью, говорить не стала. Разговор с Хосе, признавшимся, что он клеветал на Гренвилла. Я сказала о том, что Винниат и миссис Брендел отметили одну деталь, вроде бы абсолютно несущественную: сундук Гая Тревельяна был очень тяжел при погрузке на пароход в Саутгемптоне, но оказался пустым по прибытии на Канары. И, отметив это, они подписали себе смертный приговор.

– Если бы эта деталь, пустой сундук, была вам известна, вы, я думаю, начали бы подозревать Гая Тревельяна. Я права?

Инспектор неуверенно кивнул, хотя вид у него был озадаченный.

– Во всяком случае, вы заинтересовались бы этим и, наверное, спросили бы Тревельяна, что было в сундуке, а он, возможно, выдал бы себя. Однако я сомневаюсь, что вы стали бы наводить справки в Англии о пропавших женщинах. И вряд ли подумали бы об атропине. А это один из главных ключей ко всему делу.

Инспектор недоумевающе хлопал глазами.

– Боюсь, я вас совсем не понимаю, – посетовал он.

– Простите, я действительно слишком сумбурно излагаю. Но на подробные объяснения сейчас нет времени. Мне необходимо проверить еще один момент. Дело довольно запутанное, инспектор, но все преступления сводятся к одному исходному мотиву, надо только прояснить недостающие детали.

– Так что теперь? – спросил Нуньес, выглядел он как маленький мальчик, потерявший маму. – Я не понимаю, как...

– Будем продолжать как обычно, – сказала я. – Состоятся еще одни похороны. Не знаю, конечно, будет ли Хелен Харт устраивать вечеринку завтра, но думаю, будет. Она не любит, чтобы чья-либо смерть мешала ей наслаждаться жизнью.

– Так мне не арестовывать Гая Тревельяна?

– Пока не стоит. Это, боюсь, не решит всех проблем.

– Все так сложно?

– О да. Это похоже на подгнившую луковицу. Снимаешь один слой, а под ним опять гниль. Тоже зло, но иного рода. Нам надо добраться до самой середины, до источника всех зол.

– Мне, наверное, придется еще раз обсудить все это с вами. Я еще не вполне понимаю...

– Да, конечно, – согласилась я. – Но прежде чем мы встретимся, необходимо, чтобы вы сделали одну вещь для меня.

– Все, что угодно. Мне страшно неловко, что я доставил вам столько неприятностей. Запереть даму на всю ночь в этой камере, и тем более...

– Вы должны освободить мистера Блейка и мадам Жиру.

– Что?!

– Они не имеют никакого отношения к краже жемчужного ожерелья. Пожалуйста, инспектор, верьте мне.

– Но Блейк сознался в краже. Почему вы...

– Он взял на себя вину только для того, чтобы вы освободили меня. Вы можете быть абсолютно уверены в том, что ни мистер Блейк, ни мадам Жиру тут ни при чем. Я знаю, кто украл жемчуг. Я видела это собственными глазами.

– Но не может же быть, чтобы это был Тренкель. С какой стати ему рисковать всем ради нитки жемчуга?

– Хороший вопрос. Но боюсь, что этого, как и многого другого, я сейчас не могу вам сказать. Однако в скором времени все прояснится. Все это взаимосвязано. Самоубийство Джинны Тревельян. Смерть Дугласа Грина, чье тело нашли в пещере. Убийство Винниата и миссис Брендел. Кража жемчуга – лишь небольшая часть общего замысла. Мне осталось, надеюсь, подобрать еще один или два ключа к решению загадки, и работа завершится.

– Я не уверен, что мое начальство отнесется одобрительно к тому, что я...

– Ваше начальство отнесется к вашим действиям еще менее одобрительно, если вы допустите новое убийство.

– Еще одно убийство? – в испуге спросил Нуньес.

– Да, боюсь, они не остановятся.

– Не остановятся? – Руки инспектора слегка задрожали, и лед в его бокале позванивал, ударяясь о стенки. – И кто, по-вашему, станет следующей жертвой?

Я убрала с лица выбившуюся из прически прядь волос:

– Ну, это ясно. Следующей жертвой буду я.

Глава 40

Мне пришлось еще какое-то время уговаривать инспектора, прежде чем он согласился отпустить Дэвисона и мадам Жиру. Он признал, что и так уже совершил слишком много ошибок и, если допустит еще одно убийство, карьера его на этом закончится. Однако он взял с меня обещание, что ни один освобожденный не покинет Пуэрто-Оротаву, и дал мне сорок восемь часов на завершение расследования. Со своей стороны он обещал сделать все возможное, чтобы защитить меня. Обмен представлялся мне справедливым, и в пять часов я доехала на такси до казенного домика в гавани и стала ждать, когда моих друзей отпустят на свободу – ибо как еще, если не друзьями, могла я назвать людей, согласившихся сесть ради меня за решетку? Наконец они вышли в несколько помятом и испачканном виде, что не помешало мне горячо обнять их.

– Боже, ну и условия здесь, – сказал Дэвисон. – Не представляю, как вы выдержали ночь в зловонной камере.

– С трудом, – ответила я. – Но давайте не будем больше об этом. Мадам Жиру, я не знаю, как мне вас благодарить.

– Ну, я же знала, что вы не крали жемчуга, – ответила она. – Мне с самого начала было ясно, что вы честная и порядочная женщина, с которой к тому же – как и со мной – не очень порядочно поступил любимый человек. Так что когда мистер Блейк пришел ко мне и предложил взять вину на себя, чтобы дать вам возможность завершить расследование, я с готовностью согласилась.

– При этом вы рисковали запятнать свою репутацию и остаться без работы...

– Но я ведь не сделала ничего плохого. Я уверена, люди поняли бы это.

– Спасибо, спасибо вам, – сказала я. – К несчастью, я не успела предотвратить убийство миссис Брендел. Я слишком медленно соображала и не разглядела вовремя ключей к решению загадки.

– Теперь с этим ничего не поделаешь, так что давайте поедем в «Таоро», – сказал Дэвисон, открывая дверцы машины для меня и мадам Жиру.

Он поднес руку к шляпе, приветствуя двух полицейских, сидевших в соседней машине и выделенных Нуньесом для моей охраны.

– Инспектор дал нам только двое суток на завершение дела, а это будет непросто, – сказала я, прокашлявшись. – И возможно, очень опасно.

Однако мне не следовало расслабляться. Надо было притворяться сильной в глазах окружающих – да и в собственных тоже. Когда я задумывалась о том, чем рискую – не только жизнью, но и возможностью наблюдать, как Розалинда растёт, обнять когда-нибудь внуков, – мне хотелось запереться в своей комнате или сесть на первый пароход, отправляющийся в Англию. Но теперь об этом и думать было нечего.

– Прежде всего мне надо проверить кое-что, – сказала я. – Высадите меня, пожалуйста, возле Английской библиотеки.

Дэвисон озабоченно посмотрел на меня.

– Я не могу отпустить вас одну, – сказал он, понизив голос. – Теперь, после убийства миссис Брендел, мы не имеем права рисковать. Вы и сами знаете, что опасность велика. Я намерен повсюду сопровождать вас.

Я понимала, что он думает об Уне.

– Я не возражаю. Даже если учесть, что инспектор выделил двух людей для моей охраны, я почувствую себя гораздо увереннее, если вы будете рядом.

– Это, наверное, самый большой комплимент, какой вы когда-либо мне делали, – сказал он, широко улыбаясь. – А что вы хотите проверить в библиотеке? – Я не успела ответить, как он, нахмурившись, добавил: – Но вы забыли: сегодня воскресенье, библиотека закрыта.

– Я не забыла, я подумала, что полицейские смогут открыть ее для меня. Наверняка они найдут ключи, как вы думаете?

Дэвисон обратился по-испански к помощникам инспектора. Те в ответ на его просьбу энергично закивали и разразились потоком быстрой речи.

– Что они говорят? – спросила я.

– Что достать ключи – не проблема. Запасной ключ есть у смотрителя.

После визита к смотрителю, жившему в скромном домике на территории «Таоро», мы подвезли мадам Жиру к отелю, а сами доехали до Английской библиотеки. Выйдя из машины, мы направились по аллее, обсаженной пальмами, к простому одноэтажному зданию. Двое полицейских следовали за нами, как тени. Библиотека состояла из нескольких комнат со стеллажами, на которых аккуратно расставили книги.

Английскому населению Оротавы этот островок родной культуры был, несомненно, очень дорог. Они могли побывать в самых разных мирах, представавших на страницах книг. В просторном центральном зале я на несколько минут забыла о трагических событиях последних недель. Сколько раз в трудные минуты жизни я находила спасение, переселяясь в мир какого-нибудь романа! Мне вспомнились книги моего детства. Помню, я за один присест проглотила «Пленника Зенды». А как я обожала Жюль

Верна, которого читала на французском языке! Очень нравились мне также книги Л. Т. Мид для девочек, любовные романы Стенли Уаймена и исторические приключенческие романы Джорджа Генти. Конечно, назвать их серьезной литературой нельзя, но они давали возможность увидеть мир в необычном ракурсе, а эмпатия, которая их пронизывала, позволяла понять его. Если бы я обладала даром красноречия, объяснила бы это Говарду Винниату, я же вместо этого расстраивалась и заикалась, а теперь он мертв. Я очень сомневалась, что потомки оценят творчество Винниата, но это же не значило, что от него надо было избавиться. Интересно, подумала я, каким должен быть человек, способный хладнокровно убить сначала Дугласа Грина, потом Говарда Винниата, миссис Брендел? Неужели он может спокойно сесть и погрузиться в чтение романа?

– Кстати, Хартфорд прислал вам информацию о пропавших в Британии женщинах? – прервал мои размышления Дэвисон.

– Да, и она оказалась чрезвычайно полезной.

Хотя в помещении не было никого, кроме нас, мы разговаривали шепотом.

– Я, признаться, не понимаю, какое это может иметь отношение к происходящему здесь, – сказал он.

– Да, выглядит странно. Но одна пропавшая женщина, Сьюзен Саундерс, играет ключевую роль в цепи убийств. Знаете, есть немало такого, что само по себе ни о чем не говорит, и только в сопоставлении с чем-то другим оказывается важным элементом общей картины.

– Я все равно ничего не понял, – сознался Дэвисон. – И при этом я поначалу воображал себя вашим наставником! *L'élève a dépassé le maître*^[40].

От мысли, что я стала его учителем, губы мои растянулись в улыбке. Но я действительно очень изменилась с тех пор, как мы впервые встретились с Дэвисоном около моего клуба на Гайд-Парк-Корнер в холодное декабрьское утро, когда я была на грани нервного срыва.

– Я искренне сомневаюсь в этом, – ответила я. – Чуть позже расскажу вам, что здесь происходило и что я узнала, пока вы были в Икоде. А сейчас я хотела бы посмотреть книги по медицине, если они здесь есть.

– Зачем вам книги по медицине? Что вы хотите в них найти?

– Я хочу проверить кое-что, увиденное в кабинете Тренкеля и показавшееся мне очень странным.

– Как это связано с интересующими нас событиями?

– Мне нужна книга, в которой говорилось бы о симптомах и о лечении туберкулеза, – сказала я в ответ.

– Эта тема должна быть очень популярна здесь, – заметил Дэвисон. –

Смотрите, – указал он на полку со справочниками.

Просмотрев названия книг, я взяла с полки три тома: «Оротава как курорт» Джорджа Виктора Переса, «Лечение туберкулеза на Канарских островах» Пейджета Тёрстена и «Использование климатических особенностей в лечебных целях» Уильяма Хаггарда.

Я прочитала о целительных свойствах солнечных ванн и об укрепляющем действии восточных ветров. Я узнала, что, по мнению медиков, люди, живущие на высоте пяти-семи тысяч футов над уровнем моря, никогда не болеют туберкулезом. Климат долины Оротава был особенно благотворен, потому что здесь не очень жарко летом и не сильно холодно зимой. Здесь не выпадала обильная роса, не случалось заморозков и заметного похолодания при закате солнца, не дул сирокко. Пальмы достигали ста двадцати футов в высоту, по поводу чего один исследователь заметил: «Растения – это свидетели, которые не умеют врать». Жаль, подумала я, что нельзя сказать то же самое о свидетелях-людях. Некоторые готовы на все, чтобы урвать какие-нибудь блага от жизни, к примеру...

– Может, в эту заглянете? – спросил Дэвисон, протягивая мне книгу Б. Бандельера и О. Рёпке «Клиническое лечение туберкулеза. Все формы заболевания». – Написана предельно сухо и скучно, но, возможно, вы найдете в ней то, что вам нужно. Если бы вы сказали мне, что ищете, я мог бы...

– Спасибо, она действительно может оказаться очень полезной, – ответила я. – Дэвисон, простите меня. Я расскажу вам все, как только мы вернемся в «Таоро», а сейчас...

Я замолчала, листая страницы медицинского учебника, чей язык могли полностью понять только специалисты. Страница раздела, посвященного нарушениям кровообращения при туберкулезе, привлекла мое внимание. Я все-таки окончила курсы медсестер, и это помогало при чтении следующих абзацев:

«Кахексия, лихорадочное состояние и недостаточное кровоснабжение приводят на поздних стадиях фтизиса к атрофии и жировой дистрофии сердечной мышцы. Слабый дующий функциональный шум в области артериальных апертур зачастую служит признаком ее истощения и сердечной недостаточности.

При хроническом фиброзном фтизисе область малого круга кровообращения постепенно сужается и может наблюдаться гипертрофия правого желудочка и его дилатация.

Развитая стадия легко распознается по усиленному второму

легочному шуму, растущей сердечной тупости в правой части, эпигастральной пульсации и систолическому шуму в области трехстворчатого клапана. С возрастанием нагрузки прекращается возмещение функций и происходит закупорка вен печени, почек и конечностей с последующим флебитом и тромбозом вен. Вследствие дыхательной недостаточности могут наблюдаться цианоз видимой слизистой оболочки или приступы астмы».

Я вытащила из сумочки странички, выданные из истории болезни Эдмунда Фоссе. В глаза мне бросились фразы, точь-в-точь совпадающие с прочитанными в учебнике: «поздние стадии фтизиса», «атрофия и жировая дистрофия сердечной мышцы», «закупорка вен печени и почек», «цианоз видимой слизистой оболочки».

Доктор Тренкель просто-напросто переписал заключение из книги, и потому-то почерк был таким аккуратным и разительно отличался от того, каким делались записи в истории болезни других пациентов.

Теперь можно было сообщить все, что я выяснила, инспектору Нуньесу и надеяться, что этого хватит для выдвижения обвинений против преступника. Я могла передать это дело в руки полиции и, представив ей отчет, спокойно возвращаться в Англию и читать о совершенных на Тенерифе убийствах в газетах «Таймс» и «Дейли мейл». Но при этом я вместе с теми, чья жизнь была исковеркана, лишилась бы права увидеть торжество справедливости. Существовала также возможность, что хитрый, расчетливый и ловкий преступник сумеет извратить свидетельства, обелить себя и избежать наказания. Я не была готова уклониться от завершения расследования. Дэвисон привез меня в этот райский уголок для того, чтобы я помогла ему распутать это дело, и я не уеду, пока не выполню задачу.

Пора срывать с убийцы маску.

Глава 41

Как я и ожидала, Хелен Харт не отменила вечеринку, однако внесла в последнюю минуту ряд изменений организационного характера и разослала гостям весть, что хочет превратить вечеринку в событие, посвященное памяти миссис Брендел. Испанцы, объясняла она, не соблюдают английский обычай устраивать поминки, так что будет вполне уместно, если друзья миссис Брендел соберутся поговорить о ней до похорон.

Мы с Дэвисоном провели день в подготовке к осуществлению нашего плана. Я сознавала, что он, в отличие от развязки детективного романа, где автор расставляет все по местам, будет частью реальной жизни со всей ее неразберихой и опасностями, а потому ожидать можно чего угодно. Чтобы выглядеть соответственно случаю, я надела изумрудно-зеленое платье. Дэвисон оценил его по достоинству, когда мы встретились в баре «Таоро».

– Уна сказала бы, что ради такого платья и умереть не жалко, – заметил он, пригубив сухое мартини.

– Угу. Или в *таком* платье.

– Агата, прошу вас, не надо таких шуток.

– Но вы же знаете, что на самом деле я не собираюсь позволить кому-либо уकोкошить меня.

– Надеюсь. Однако вы вполне уверены, что не хотите отказаться от нашего плана? Еще не поздно остановиться. Собранных улик почти достаточно для ареста.

– «Почти» – это не «достаточно».

– Может, выпьете? Хотя бы для того, чтобы успокоить нервы?

– Нет. Я думаю, нам пора идти. Уже половина восьмого.

Дэвисон осушил бокал, предложил мне свой локоть, и мы вышли из отеля к ожидавшему нас такси. По пути мы говорили о посторонних вещах: чего нам больше всего не хватает из того, что мы оставили в доброй старой Англии, куда хотели бы поехать в следующий раз и зачем испанцы кладут столько чеснока во все блюда.

Наконец такси добралось до дома Хелен Харт на вершине утеса. Вход освещали свечи и факелы, которые отбрасывали в сад колышущиеся сюрреалистические тени. Когда мы проходили по аллее высоких финиковых пальм и вдыхали ночной воздух, пропитанный приторно-сладким запахом экзотических цветов, я заметила очертания скульптур,

расставленных по саду. Служанка из местных встретила нас в дверях и проводила в большую гостиную, где гудели голоса.

– Миссис Кристи! Я так рада, что вы нашли возможность прийти, – воскликнула Хелен, увидев меня. – На ней было элегантное бледно-голубое платье и подходящий по тону жакет с большими карманами. – И к тому же вы привели своего загадочного друга. Прошу прощения за забывчивость, но как, вы говорили, вас зовут?

– Блейк. Александр Блейк, – ответил Дэвисон, снимая шляпу.

– Что я могу вам предложить? Коктейли? Гай, сделай для гостей два коктейля.

Я послушно взяла у Гая Тревельяна бокал с прозрачной жидкостью, пить которую не собиралась, а Дэвисон даже поднес свой бокал ко рту и притворился, что пьет.

– Тут, я думаю, все вам знакомы, – сказала Хелен, блеснув голубыми глазами.

Она была в своей стихии.

– Да, я тоже так думаю, – согласилась я, оглядевшись.

В углу комнаты доктор Тренкель разговаривал с профессором Уилбором, рядом были Руперт Мэйби и бледный Эдмунд Фоссе в инвалидном кресле.

– Осталось дожидаться Гренвилла с дочерью; скоро они будут, – продолжила хозяйка. – Эдит, конечно, не слишком благоволила Гренвиллу, но я пригласила их еще до того, как она умерла, и было бы грубо сказать им, чтобы не приходили, – тем более что Вайолет наверняка хочется повидать Эдмунда. Что касается миссис Винниат, она все еще не в состоянии выходить в свет, и, воспользовавшись этим, вы могли бы, миссис Кристи, объяснить нам, что с вами произошло. Я не могла поверить глазам, когда инспектор неожиданно нагрянул на пикник и увез вас.

– Это дурацкое недоразумение, – ответила я.

– Просто недоразумение?! – воскликнула она, потягивая коктейль. – Если бы меня упрятали на ночь за решетку, я нашла бы для этого более сильные выражения. Как ты считаешь, Гай?

– Да уж, действительно, – отозвался Гай, моргая налитыми кровью глазами. – Кстати, мистер Блейк, я слышал, вас тоже забирали в полицию?

– Только для того, чтобы расспросить.

– Разумеется, мы ни на секунду не поверили в вашу виновность – правда, Гай? – сказала Хелен. – Однако остается вопрос, кто же украл жемчуг. Вопрос, конечно, бледнеет по сравнению с убийствами бедного Говарда и Эдит. Я представляю, как ужасно было обнаружить ее труп в

ванне.

– Да, это был кошмар, – ответила я.

– Она была нашим добрым другом, и Гай воспринял ее смерть особенно тяжело. Ты ведь был потрясен – да, дорогой?

Гай ничего не ответил и, отвернувшись к тележке с напитками, стал смешивать новую порцию коктейлей.

– Как я написала вам в записках, надо помянуть Эдит – хотя бы поднять бокалы в память о ней. Или, возможно, кто-нибудь захочет сказать о ней пару слов после обеда. Если вы все считаете, что это будет уместно, я могла бы вспомнить пару случаев. Но сначала, как обещала, я покажу вам в студии свою последнюю работу.

В ответ все закивали, со всех сторон зазвучало «ага» и «угу».

– Я никак не могу поверить, что миссис Брендел умерла, – сказал Уилбор. – Хотя я познакомился с ней только после ее приезда в Оротаву, она произвела на меня впечатление доброй, хорошей женщины.

– Да, совершенно непонятно, кому понадобилось убивать ее, – поддержал профессора доктор Тренкель.

– Вы осматривали тело, доктор? – спросил Уилбор.

– Да, и нашел следы удушья, хотя умерла она, боюсь, от утопления. Инспектор полагает, что убийца хотел похитить драгоценности миссис Брендел. Оставшиеся на теле следы указывают на то, что ожерелье было сорвано с шеи во время борьбы. Но поскольку ничего не украли, Нуньес предполагает, что убийцу спугнули и он бежал, не успев подобрать рассыпавшиеся жемчужины с пола.

– Ужасно, – вздохнул профессор. – Но я уверен, инспектор арестует этого человека.

Когда Гай Тревелиян приготовил всем напитки, Хелен повела гостей по коридору в заднюю половину дома, обращенную к морю. Студия впечатляла. За огромными окнами от пола до потолка сейчас стояла полная темнота. Снизу доносился грохот волн, разбивавшихся о скалы.

– Днем, естественно, все выглядит по-другому, – сказала Хелен. – Все залито светом, иногда он даже слепит.

Мне опять вспомнилась строка из «Герцогини Мальфи»: «В глазах мутится. Ей лицо закрой! / Да, молодою умерла она...» Теперь-то я понимала, почему она впервые пришла мне на ум на «Джелрии» и как была связана с Джиной Тревелиян. Мое зрение тоже помутилось, я ошибалась с самого начала.

– Здесь несколько вещей, которые я создала в самое последнее время, – сказала Хелен, взяв в руки маленький резец со скамейки. – Вот жаба из

зеленого оникса, а это змея, которую я вырезала из цельного куска мрамора.

Хелен Харт была, несомненно, очень талантливым скульптором; ее произведения – зачастую абстрактные – были наделены грубой первобытной силой.

– Как видите, я стремлюсь передать суть вещей, а не внешнее правдоподобие, – сказала она, указав на портрет сидящего мальчика, изготовленный из ангидрита. – Некоторые воспринимают это с трудом. Но что действительно важно, так это эмоциональный отклик людей. Я хочу вызывать своими работами сильные чувства у зрителя. К примеру, миссис Кристи, что вы чувствуете – не думаете, а чувствуете – при виде этого? – спросила она, показывая резцом на коренастую фигуру с плоским лицом, вырезанную из африканского черного дерева. – Это тоже одна из последних работ, и, говоря по правде, я горжусь ею.

Мне потребовалась минута-другая, чтобы собраться с мыслями. Когда-то я пробовала заниматься скульптурой, но мои поползновения, разумеется, и близко не стояли с талантом Хелен Харт.

– Прошу прощения, если ошибаюсь, но мне кажется, что это изображение первобытной женщины.

Хелен, похоже, слегка опешила:

– Это удивительно точно. Как вам удалось понять? Я изобразила здесь свою версию Евы, Евы-дикарки.

Я могла бы сказать кое-что по этому поводу, но не стала. Время еще не пришло.

– Но что вы чувствуете, глядя на нее? – допытывалась скульпторша.

– Ну, пожалуй, я ощущаю в ней силу. Да, большую силу, даже пугающую.

– Мистер Блейк, вы представляетесь мне тонко чувствующим человеком. Что вы скажете об этой работе? Я только закончила ее и решила, что будет уместно представить ее всем в Валентинов день. – Хелен указала на большую скульптуру из алебаstra, стоявшую на постаменте и изображавшую две сплетенные в объятиях фигуры.

– Увы, боюсь, язык искусства мне недоступен, – ответил Дэвисон, выступавший в роли страхового агента из Саутгемптона. – Я не владею соответствующей терминологией. Так что, наверное, лучше спросить кого-нибудь другого.

Оглядев гостей, Хелен остановила взгляд на Эдмунде Фоссе. Тот покраснел и посмотрел на нее удивленно.

– Да ведь я... – начал Фоссе.

– Не смущайтесь, мистер Фоссе. Это изображение сексуального объединения. Я назвала его «Радость соития».

– Хелен, дорогая, зачем смущать мистера Фоссе? – вмешался Гай, коснувшись ее руки.

В глазах Хелен мелькнул недобрый огонек гнева или даже ненависти, и казалось, она сейчас выскажет нечто жестокое, а то и пустит в ход резец, но вместо этого она сунула резец в карман жакета и притворно улыбнулась.

– Может, расскажешь о тех, кто вдохновляет тебя на труды? – предложил Гай, стремясь сгладить впечатление, оставленное ее вспышкой.

– Слышал ли кто-нибудь из вас об Урсуле Эджкам или Элси Гендерсон? – спросила Хелен.

По лицам гостей было видно, что имена не вызвали у них никаких ассоциаций.

– А о Генри Муре и Джейкобе Эпстайне?

– О да, их мы знаем, – тут же послышались голоса.

– Интересно, не правда ли, что имена скульпторов-мужчин у всех на слуху, но ведь есть много женщин, ничуть не менее талантливых и искусных.

Она напомнила мне строки из стихотворения Киплинга, которые Гай цитировал на «Джелрии», о кобре, гималайской медведице, скво из племени гуронов или чокто.

– Например, Барбара Хепуорт, – подал голос Руперт Мэйби.

– Да, по крайней мере одно женское имя среди британских скульпторов людям известно, – сказала Хелен. – Что касается этой женщины, то я могу рассказать вам...

В эту минуту в дверях студии появилась служанка, объявившая, что прибыли Гренвилл и его дочь.

– Пойдемте встретим их, – сказала Хелен, и все потянулись из студии. – Я только хочу сказать, что пытаюсь придать своим работам возбуждающую женскую энергию, которой, на мой взгляд, не хватает современной скульптуре. Но хватит об этом, я и так уже наскучила вам.

– Вовсе нет, – возразил профессор. – По-моему, это очень интересный вопрос. Вы ведь знаете, что скульптура гуанчей уделяет большое внимание женским формам.

Вслед за Хелен и профессором все вернулись в жилую часть дома. Мы с Дэвисоном намеренно отстали.

– Вы обратили внимание, как она размахивала резцом? – прошептал Дэвисон. – И какое выражение было в ее глазах?

– Да, она, похоже, балансирует на лезвии ножа, – ответила я.

– Поистине Ева-дикарка, – заметил он и добавил, помолчав: – Так вы уверены, что надо продолжать?

– Да. Я уже говорила вам в баре «Таоро», что никогда в жизни не действовала с большей уверенностью.

Глава 42

Я ожидала встречи с Гренвиллом и Вайолет с некоторым волнением, но они приветствовали меня так, словно мое пребывание в Маль-Пэ было заурядным светским визитом. Я же никак не могла забыть страшную картину с громадной фигурой Гренвилла, прижавшей к кровати дочь. Возможно, Вайолет не сказала отцу, что я видела их, и пыталась стереть все это из памяти. Наверное, это помогало выжить в диких условиях. Может быть, я все же могла бы помочь ей? Например, поговорить с Гренвиллом после того, как наш сегодняшний план осуществится. Мне до смерти не хотелось делать этого, но тогда оставалось только обратиться в полицию, что было бы слишком тяжело для всех, кого ситуация так или иначе касалась, и особенно для бедной Вайолет.

– Очень жаль, что мы пропустили осмотр студии, – сказал Гренвилл. – У нас опять проблема с Консуэлой.

– Из-за ее сына? – спросила Хелен и, не дожидаясь ответа, повела нас в столовую. – Но вы ведь столько раз бывали в моей студии и все видели, за исключением самой последней работы. Я покажу вам ее после обеда, если хотите.

В столовой красовался большой прямоугольный стол, привезенный, по словам хозяйки, из Англии. Его покрывала кружевная скатерть очень тонкой работы. Я вспомнила, как миссис Брендел говорила, что хотела бы привезти такую скатерть домой. Теперь у нее этой возможности не было. Я вспомнила, как она лежала в ванне в «Таоро» с красными пятнами на шее, а на полу валялись жемчужины, и физически ощутила, как во мне вскипает гнев и кровь приливает к лицу.

– У нас сегодня совершенно неформальный обед, так что рассаживайтесь, пожалуйста, как угодно, – предложила Хелен. – Надеюсь, цветы вам нравятся, – добавила она, указав на стоявшие на столе вазы, заполненные красными розами. – Эти розы дал мне садовник «Таоро». – Обратившись ко мне, она спросила, получила ли я в этот день открытку-валентинку. Узнав, что не получила, она состроила жалостливую гримасу и, бросив взгляд на Дэвисона, произнесла: – Ну, не расстраивайтесь.

Все заняли места за столом. Доктор Тренкель подкатил к столу кресло Эдмунда Фоссе; Вайолет села слева от него, а я справа. Дэвисон устроился напротив меня между профессором Уилбором и Рупертом Мэйби, доктор Тренкель – напротив Джерарда Гренвилла, а Хелен Харт и Гай Тревельян

сели у противоположных торцов стола.

– Мы до сих пор не имели возможности толком поговорить друг с другом, миссис Кристи, – сказал Эдмунд Фоссе, пока я разворачивала салфетку и расстилала ее на коленях.

– Да, у меня все время какие-нибудь дела, – ответила я. – Отправившись сюда, я боялась, что не найду на острове ничего интересного, но оказалось совсем наоборот.

– Да, действительно, – согласился он. – А как продвигается ваша писательская работа?

– Ох, боюсь, медленно. Надо будет заняться ею всерьез после того, как...

– После чего?

– Ну, когда я найду время.

– Да, время... – произнес Эдмунд грустно. – То, чего у меня больше нет.

Лицо Вайолет искажилось от боли, она накрыла ладонью его руку.

Я в этот миг подумала: уж не догадывается ли он, что его ждет? Он, конечно, мог иметь в виду свое физическое состояние, но вдруг...

– «Всему свое время, и время всякой вещи под небом», – процитировала я Екклесиаст.

– «Время рождаться, и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное», – подхватил Эдмунд.

«Время убивать, и время врачевать; время разрушать, и время строить... время молчать, и время говорить», – продолжила я мысленно.

Время рассказать всем правду приближалось.

– Вы верите в Бога? – спросил Эдмунд.

– Я думаю, вера может служить утешением человеку в трудную минуту, – ответила я. – А вы верите, мистер Фоссе?

– Да, я тоже нахожу в ней большое утешение, – ответил он. – Но моральную поддержку можно найти не только в религии, правда ведь? – Он взглянул на Вайолет, смотревшую на него со всепоглощающей преданностью. – Вы, конечно, знаете о наших проблемах. Жаль, что мы с Вайолет не встретились несколько лет назад, – тогда, может быть, мы успели бы насладиться обществом друг друга, прежде чем проклятая болезнь начала разрушительную работу.

Служанка разносила легкое консоме.

– А где вы жили до того, как переехали на Тенерифе? – спросила я.

– В Лондоне. Но врачи посоветовали мне найти более подходящий для моего состояния климат. Я нашел его здесь.

– Но это не помогло?

– Сначала помогало, и я уж думал, что доктор Тренкель вылечит меня, но затем стало хуже, и на этот раз все было гораздо серьезнее.

– Жаль это слышать, – отозвалась я.

– Но мы не теряем надежды, – вступила в разговор Вайолет с чрезмерным, как мне показалось, оптимизмом. – Есть и другие доктора, кроме Тренкеля. Я думаю, стоит съездить в Швейцарию или Америку. Я слышала, там иногда добиваются успеха.

– Может, и съездим, дорогая, – сказал Эдмунд, снова пожав ее руку, – может, и съездим.

Я заметила, что Гренвилл бросает с дальнего конца стола неодобрительные взгляды на дочь, и подумала, не ощущает ли оккультист шестым чувством то, что мне известно.

– Вы не едите, миссис Кристи? – обратилась ко мне Хелен.

Я действительно не притронулась к супу – но не из-за боязни отравления, а потому, что мысль о предстоящем начисто лишала аппетита.

– Прошу прощения, мне немного не по себе, – ответила я. – Никак не могу войти в норму после того, как обнаружила труп бедной миссис Брендел.

– Да, можно понять, какой ужас вы пережили, – сказал Эдмунд Фоссе.

– Надеюсь, это не рецидив болезни, которая одолела вас в Маль-Пэ? – спросил Гренвилл с оттенком скрытого злорадства в голосе. – У англичан такой чувствительный организм.

В это мгновение я сделала условный знак Дэвисону. Согласно нашему договору, когда я притронушь правой рукой к мочке левого уха, мы приступим к осуществлению плана. Он должен был совершить что-то такое, что привлекло бы всеобщее внимание. И Дэвисон превзошел самого себя, резко поднявшись и опрокинув тарелку с горячим консоме на колени Руперту Мэйби.

– О черт! – вскричал Мэйби.

– Ох, простите, я так неловок, – сказал Дэвисон и стал промокать колени Руперта салфеткой.

– Убери от меня лапы, ты... – прорычал Мэйби, потеряв от неожиданности контроль над собой, из чего я заключила, что он, по-видимому, догадывается, какой характер носила дружба его брата с Дэвисоном. – Спасибо большое, я сам справлюсь, – добавил он, взяв себя в руки.

Все гости уставились на эту сцену. Хелен Харт вскочила и поспешила на помощь. На меня никто не обращал внимания. Открыв сумочку, я

достала шприц и, спрятав его под столом, всадила иглу в бедро Эдмунда Фоссе. Он вскрикнул – не столько от боли, сколько от удивления – и, опираясь о стол руками, попытался подняться: хотя тело его было истощено, руки оставались сильными. Однако введенное мною средство оказывало свое действие и препятствовало движениям. Он открыл рот, желая что-то сказать, но не смог произнести ни слова. Лицо его исказилось от ужаса.

Я хотела встать, но Эдмунду удалось схватить меня за запястье. Я попыталась вырваться, однако, несмотря на частичный паралич, он крепко держал меня, а в глазах его клокотала ярость. Я стала разгибать его пальцы свободной рукой, но он прилип ко мне, как моллюск к скале. Мы уронили на пол столовые приборы, и всеобщее внимание переключилось с Мэйби и Дэвисона на нас.

– Что происходит, скажите на милость? – крикнула Хелен.

– Миссис Кристи, в чем дело? – спросил Гай, поднимаясь на ноги.

Сделав глубокий вдох, я произнесла, чувствуя, как хватка Эдмунда слабеет:

– Боюсь, я должна признаться, что убила мистера Фоссе. Я хотела решить этот вопрос как-нибудь по-другому, но в конце концов убедилась: иного выхода нет.

Все молча воззрились на меня в полном изумлении. Первой вышла из транса Хелен Харт.

– Что вы сделали? – вскричала она.

– Ввела ему дозу морфия. – Средство оказывало все более сильное действие на Фоссе. Рука его повисла, голова упала на грудь. Сделав шаг назад, я показала всем шприц и пузырек и произнесла бесстрастным тоном медсестры, усвоенным мною во время войны в добровольческом медицинском отряде: – Результат будет фатальным. Губы и ногти посинеют. Вскоре должна начаться рвота, дыхание станет затрудненным; возможен апоплексический удар. После этого он неизбежно впадет в кому, и наступит смерть. Боли он не почувствует.

Все глядели на меня со смесью страха и замешательства в глазах.

Одна служанка выскочила из комнаты – очевидно, за помощью. Я надеялась, что Нуњес где-то рядом с домом, как мы договорились.

– Я не понимаю, – произнесла громким шепотом потрясенная Вайолет. – Это вы виноваты во всех этих смертях? Вы их убили?

Лицо ее застыло и казалось маской.

– Я сожалею, Вайолет, – мягко произнесла я. – Но у меня не было выбора. – Я протянула руку, чтобы прикоснуться к девушке.

Я собралась с силами, готовясь к тому, что должно было последовать. Я ожидала, что Вайолет кинется на меня, но она сидела совершенно неподвижно, напоминая фарфоровую куклу, которая была у меня в детстве. Казалось, вся жизненная энергия покинула ее. В этот миг в другом конце столовой раздался не то крик, не то рев животного, не сразу нашедший выражение в словах.

– Нет! – завопила Хелен. В глазах ее бушевало абсолютно неуправляемое безумие. – Нет! Эдмунд!

Она бросилась ко мне, расталкивая всех на пути.

– Что вы сделали?! – снова спросила она.

Я как можно спокойнее повторила уже сказанное. Хелен склонилась над Эдмундом и, обхватив его голову руками, стала вытирать его рот салфеткой.

– Доктор Тренкель! Доктор Тренкель! – крикнула она. – Вы не можете его спасти?

Дэвисон положил руку Тренкелю на плечо и прошептал ему что-то на ухо.

– Что происходит? Почему никто не хочет помочь? – Хелен прижала безвольно обвисшее тело Фоссе к себе, и на какую-то минуту сцена стала такой же скорбной и мучительной, как «Пьета», которую я видела в парижском музее. – Он умирает – умирает! Дорогой мой, любовь моя!

Это встряхнуло Гая.

– Хелен? – произнес он и, обойдя вокруг стола, попытался оторвать ее от поникшего тела Эдмунда Фоссе. – Ты чувствуешь себя нормально?

– Не прикасайся ко мне! – крикнула она с такой яростью, что из ее рта во все стороны полетели брызги, как у первобытного животного.

– Я понимаю, это тяжело наблюдать... – проговорил Гай сдержанно и неловко, словно не мог позволить себе говорить свободно. – Но не могу постичь, что тут происходит, почему миссис Кристи сделала это. А ты в каком-то шоке, сама не знаешь, что говоришь.

– Я очень хорошо знаю, что говорю, ты не понял?

– Что не понял?.. – Глаза его смотрели с недоумением, на лбу выступили бусинки пота.

Ее громкий смех был жесток.

– Ты всегда был восхитительно туп, Гай. Тебя легко уговорить и очень удобно манипулировать тобой.

Он опять хотел притронуться к ней, но она отпихнула его с пугающей силой.

– Успокойся, Хелен! – в панике бросил Гай. – Сделай глубокий вдох и

прими свою таблетку. – Он обернулся ко мне. – А теперь нам надо немедленно позвать Нуньеса. Похоже, мы только что слышали признание человека, ответственного за все эти убийства. – Он оглядел гостей, растерянных и выбитых из колеи, как ищущая развлечений публика, по ошибке забредшая в театр, где показывают жуткую кровавую драму. – Очевидно, все слышали, что сказала миссис Кристи?

При упоминании моего имени Хелен резко выпрямилась. Вид у нее был абсолютно безумный, в глазах горела ненависть, которая устрасала. В следующее мгновение она кинулась ко мне и схватила за горло крепкими руками, привыкшими работать с мрамором и камнем. Она сжимала мою шею со сверхъестественной силой. Я чувствовала, что лицо мое покраснело, а глаза вылезают из орбит. Я хотела заговорить, но губы не слушались.

– Я убью тебя за то, что ты сделала с ним! – прохрипела Хелен. Руки ее все крепче сжимали мое горло. – Ты от меня не отделаешься.

Дэвисон подскочил к нам и хотел оторвать ее от меня, но она выхватила из кармана маленький резец и подняла над моей головой. Лезвие злоеще блеснуло в свете свечей.

– Если вы прикоснетесь ко мне, она умрет! – крикнула Хелен, продолжая держать мою шею другой рукой.

– Мисс Харт, у меня пистолет, – предупредил Дэвисон, стараясь говорить как можно спокойнее. Достав пистолет из кармана, он направил его на Хелен. – Если вы сейчас же не отпустите миссис Кристи, мне придется стрелять.

В этот миг все мои чувства обострились. Я слышала каждый слабый шепот, каждый глубокий вздох.

– Что?! – произнес Гай. – О нет, ради бога, не надо.

– Да что все это значит? – воскликнул профессор. – Это ужасно!

– Неужели миссис Кристи... – пробормотала совершенно сбита с толку Вайолет. – Нет, этого не может быть.

– Так-так... – медленно проговорил Джерард Гренвилл. – Картина начинает вырисовываться.

– Я сказал, отойдите, – произнес Дэвисон твердым тоном. – Я больше не буду повторять, мисс Харт.

Мы с Дэвисоном заранее обсудили, что будем делать, если возникнет подобная ситуация. Он прицелится в плечо или ногу Хелен. Но хотя он и утверждал, что стреляет хорошо, я понимала: пуля все же может задеть и меня.

– Я настаиваю! Бросьте резец и отойдите. Считаю до трех.

В ответ Хелен еще сильнее сдавила мое горло левой рукой и приблизила резец вплотную к моему лицу, глядя с ненавистью.

– Раз... – начал считать Дэвисон, – два...

Я почувствовала, как холодное лезвие впивается в кожу.

– Три!

– Хелен! – закричал Гай.

Не успел Дэвисон нажать на курок, как Гай ринулся вперед и закрыл своим телом Хелен. Раздался крик, брызнул фонтан крови, попавшей мне на лицо. Схватив меня и оттолкнув в сторону, Дэвисон вырвал резец у Хелен. Горло мое освободилось, я почувствовала огромное облегчение и глотала воздух, широко открыв рот. Гай, схватившись за плечо, повалился на пол, а Хелен отступила назад с таким видом, словно все происходящее вдруг поразило ее.

– Я участвовал во всем этом только ради тебя, Хелен, – с трудом выдавил Гай, зажмурившись от боли. На его белой рубашке расплывалось кровавое пятно. – Если бы не ты, я не стал бы ничего делать – ни с Джинной, ни с этой девушкой на пароходе. О, Хелен, как было бы...

– Прекрати болтать, идиот! – бросила она, увидев, что в комнату входит Нуньес с двумя помощниками.

– Не надо было начинать, – проговорил Гай, задыхаясь, – ничего бы этого не случилось. Но ты сказала, что все будет очень просто. Во-первых, бедная Джина в таком безнадежном состоянии, сказала ты, что избавить ее от унижения будет чуть ли не благотворительным актом. Но вскоре все пошло не по плану и запуталось. Ты сказала, что надо сбить людей со следа. Надо найти какую-нибудь женщину и выдать ее за Джину.

Вид у гостей был ошарашенный – и неудивительно. Все знали, что Джина спрыгнула с парохода в море. Пора было объяснить им кое-что.

– И вы нашли такую женщину, мистер Тревельян, не правда ли? – произнесла я, лишь постепенно обретая нормальный голос. Слова терли горло, вызывая острую боль. Дэвисон протянул мне стакан воды, но она не помогала. Однако говорить надо было. – С парохода спрыгнула вовсе не Джина, не так ли? Эту убитую вами девушку звали Сьюзен Саундерс. Вы очень предусмотрительно выбрали ее, потому что она была такого же плотного телосложения, как Джина. Интересно, где вы нашли ее? Я полагаю, ходили в Сохо вокруг залов, где дают дешевые эстрадные ревью, высматривая подходящую кандидатуру. И вот однажды вы увидели Сьюзен. Я думаю, ее нетрудно было соблазнить. Вы сказали, что она вам нравится, купили ей выпивку. Разумеется, она не устояла против красивого мужчины высокого происхождения. Наверное, вы что-то ей пообещали. Думаю,

несмотря на излишнюю полноту, она втайне мечтала стать балериной, – какая девочка не мечтает? В любом случае у нее была вся жизнь впереди, которую вы с мисс Харт безжалостно прервали.

– Я... Мне очень жаль... – пробормотал Гай, борясь с болью и стыдом и зажмурив глаза. – Доктор, помогите! Я истекаю кровью.

Дэвисон прошептал что-то Тренкелю, и тот, склонившись над Тревельяном, стал его осматривать. Отогнув рубашку, доктор раскрыл рану на правом плече.

– Пулю мы извлечем; большая потеря крови, но рана не опасная, – сказал он. – Я дам ему обезболивающее.

– Но сначала надо получить от него еще кое-какую информацию, – предупредил Дэвисон.

– Все, что он говорит, – смешно, – заявила Хелен, стараясь не терять самообладания. Она нервно оглянулась на Нуньеса, державшегося в глубине комнаты. – У него что-то сдвинулось в мозгах, и он несет всякую чушь.

– Вовсе нет, – сказала я. – Он говорит правду – возможно, впервые после долгого периода лжи.

У Хелен Харт был такой вид, словно она вот-вот опять накинется на меня, но она осталась на месте и лишь провела рукой по белокурым волосам. Думаю, именно тогда она поняла, что проиграла. Деваться ей было некуда. Но она была женщиной не того склада, чтобы броситься к ногам инспектора и умолять о пощаде.

– Скажите, что в вас осталось от женщины? – кинула она мне жестокие слова, желая уязвить. – Стоите тут, упиваясь своим благородством и могуществом, а ничего настоящего не чувствуете. Неудивительно, что у вас нет мужчины, который любил бы вас, – разве что этот ваш «друг». – Она показала неприличный жест Дэвисону.

Это было уже чересчур.

– Зато я не потеряла человека, который был моей единственной любовью, – парировала я, вытирая кровь с лица. – Это настоящая трагедия. Гай сознался, что был готов совершить убийство ради вас, но вы на самом деле никогда его не любили, не так ли? – Пора уже было раскрыть Тревельяну секрет, утаиваемый Хелен. – Человек, которого вы действительно любили когда-либо, – Эдмунд Фоссе.

При этих словах Гай округлил глаза:

– Фоссе? Но он же калека. Точнее, был калекой.

– Он даже мертвым остается мужчиной в гораздо большей степени, чем ты можешь стать, сколько ни проживи, – бросила Хелен, глядя на Гая.

– Хелен! Что такое ты говоришь? – произнес Гай. – Не могу поверить, что это правда. Я был готов умереть за тебя. Мы строили столько планов на будущее.

– Планы на будущее! – безжалостно расхохоталась Хелен. – Жить вместе долго и счастливо? С тобой?! У нас с тобой все было фарсом с самого начала.

– Но подожди... – Осознание правды, казалось, ранило его сильнее, чем пуля. Лицо его побледнело, как у мертвеца.

– Нет смысла скрывать что-либо теперь, когда... – Она посмотрела на безжизненное тело Эдмунда в инвалидном кресле. – Да, разумеется, я вышла бы за тебя, как мы договаривались, – сказала она Гаю. – Но через год-полтора мы с Эдмундом планировали избавиться от тебя – точно так же, как избавились от других, – стали бы свободны и поженились бы.

– Других? К-каких других? – выдавил Гай.

– От Говарда Винниата и миссис Брендел.

– Эдит? – Имя, казалось, застряло у него в горле, и он не сразу смог продолжить. – Боже! Ты собственноручно убила Эдит?! Как ты могла? И Говарда?

– Да! – Произнесла она с триумфом. – И не надо так лицемерно обвинять во всем одну меня. Ты соглашался, что это необходимо сделать.

– Но ты говорила, что найдешь какого-нибудь головореза из порта.

– Да, сначала я так и собиралась сделать. Но после того, как мы убили Джину в Лондоне, а потом разыграли комедию с девушкой на пароходе, я... мне показалось это захватывающим. А Эдмунд был отличным учителем.

Былое обожание, с которым Гай смотрел на Хелен, сменилось теперь ужасом и отвращением.

– Меня тошнит от тебя! – сказал он. – Значит, тебе нужно было всего лишь заполучить наследство Джинны? Все это – только ради денег?! – Он попытался подняться – несомненно, желая прикончить Хелен, – но пронзившая боль вновь повалила его бесформенной кучей на пол.

– Что вы имели в виду, сказав, что Эдмунд был отличным учителем? – спросила я Хелен, хотя знала ответ. – Учителем чего?

– Искусства убивать, разумеется, – ответила она таким тоном, словно это было самым заурядным и естественным делом на свете. Лицо Нуньеса, который строчил в блокноте в своем углу, исказилось от ужаса. – Весь этот замысел с самого начала принадлежал Эдмунду, – продолжала Хелен. – Это он запланировал все, вплоть до мельчайших деталей. У него был блестящий ум. И он даже голодал, чтобы стать похожим на умирающего. Но этим его таланты не исчерпывались. Он был сказочным любовником, –

да, да. Надеюсь, это видно в скульптуре «Радость соития», которая, как считал бедный Гай, прославляет его сексуальные достоинства.

– Но ведь... Я думала... как – этого не может быть – нет, нет... – неожиданно вмешалась Вайолет.

Все происходящее так ее поразило и парализовало, что она не могла вымолвить ни одной связной фразы.

– Бедняжка, – обратилась к ней Хелен. – Неужели ты всерьез верила, что Эдмунд любит тебя? Он лишь жалел тебя. И ты была, откровенно говоря, очень полезна. Подожди, как он называл тебя? Подсадная утка? Да, именно так.

Глаза Вайолет заблестели от слез, и она обрела наконец дар речи:

– Я все же не понимаю. Вы собирались пожениться? Эдмунд и вы?

– Ну да, я же сказала, – нетерпеливо бросила Хелен. – Мы собирались отделаться от Гая, я унаследовала бы его состояние, и мы с Эдмундом уехали бы на маленький остров в Карибском море или в какое-нибудь совсем экзотическое место вроде Занзибара или Танганьики. Во всяком случае, далеко отсюда.

– И вы верили, что вам это удастся? – спросила я.

Ее голубые глаза блеснули; обращенный на меня взгляд выражал странную смесь противоречивых чувств. Она напоминала своевольную девчонку, получающую выговор за незначительный проступок, которым втайне гордилась.

– Только не воображайте, что обладаете необыкновенными способностями, – заявила она мне вызывающе. – Нет никакой особой заслуги в том, что вы наконец поняли правду. Честно говоря, мне жаль вас. Вы целиком погружены в свои книги, живете жизнью других людей. Это какая-то жизнь, бывшая в употреблении, а не ваша собственная.

– Это уж слишком, – вступился за меня Дэвисон.

– Нет-нет, пусть выговорится, – остановила я его.

– Я полагала, что одно из главных качеств, необходимых писателю, – наблюдательность, – продолжила Хелен. – Если это действительно так, то вы, несомненно, неудачница.

– Вы правы, – ответила я, прокашлявшись. Говорить стало немного легче. – С самого начала были странности, которые я просмотрела. – Я повторила строчку из «Герцогини Мальфи». – Я тоже была ослеплена, когда вы разыграли эту сцену на пароходе, как в театре, и лишь впоследствии поняла, что с палубы «Джелрии» спрыгнула вовсе не Джина Тревелиян.

В комнате стояла тишина, все смотрели на меня.

– С убийством Джини ваши планы несколько нарушились, не так ли? Вы хотели, чтобы оно выглядело как самоубийство, но Джина оказала сопротивление. Гай не случайно сказал, что все запуталось. Если бы полиция нашла ее тело, его заподозрили бы в убийстве. А вам, Хелен, Гай был нужен – точнее, нужны были деньги, доставшиеся ему после смерти жены. С одной стороны, нужно было избавиться от тела Джини, а с другой – без тела невозможно оформить передачу наследства – или, по крайней мере, можно было сделать это далеко не сразу. И тогда вам пришла в голову идея – безусловно, блестящая – найти женщину, которая сыграла бы роль Джини. Мне как-то вспомнилась глупая ссора между двумя малышами, Реймондом и Розалиндой, из-за одинаковых плюшевых медведей, а также приснившийся вскоре после этого сон, и это подсказало мне разгадку смерти Джини. Вы решили, что несчастная Сьюзен Саундерс прекрасно сыграет роль Джини на пароходе. Удобство этого плана заключалось в том, что вам не требовалось предъявлять тело, – вы были уверены, что его не смогут выловить из воды. А девушке вы, очевидно, дали атропин. Приняв его, она уверовала, что может летать.

– Ах, как проицательно с вашей стороны! – резко бросила Хелен. – Ну да, Эдмунд достал для меня атропин и объяснил, как он действует и что позволяет сделать. В то утро я дала его этой девице – Сьюзен, вы говорите? Толстушка сидела в сундуке связанной, с кляпом во рту и ничего не ела с самого отплытия из Англии, так что средство быстро подействовало. Я вывела ее на палубу и нашептала в ухо, что она прима-балерина в составе Королевского балета и сейчас выступит перед самыми знатными и выдающимися людьми королевства. Фантастический бред, но она всему поверила.

– А после вы стали кричать, пытались якобы удержать ее от прыжка, – сказала я. – Тело вам было ни к чему, но нужен был посторонний свидетель ее смерти.

– И вы прекрасно сыграли эту роль, миссис Кристи, – саркастически заметила Хелен.

– Но какое отношение имеет ко всему этому Дуглас Грин? – спросил Нуньес, оторвавшись на миг от записей.

– Вы не объясните, миссис Кристи? – обратилась ко мне Хелен небрежным тоном, каким просят знакомого напомнить правила игры в бридж. – Вы, похоже, знаете все, что происходило, лучше меня.

– Мне неизвестны детали, – ответила я, – но я думаю, что Дуглас Грин узнал правду об Эдмунде Фоссе. – Все в комнате слушали меня с напряженным вниманием, и я чувствовала себя крайне неловко.

– А в чем заключалась эта правда, миссис Кристи? – спросил Нуньес.

Я колебалась, так как предпочла бы сообщить это Вайолет наедине, но инспектор не оставил мне выбора.

– Правда в том, что туберкулез у него есть, но в легкой форме, далеко не фатальной.

– Но ведь доктор Тренкель наблюдал за ним и определил, что надежды нет, – прошептала Вайолет. – Сам Эдмунд сказал мне это.

– Боюсь, это было обманом – не так ли, доктор? – обратилась я к Тренкелю, приглашая его объясниться.

– Да, боюсь, это так, – сказал Тренкель. – Эдмунду не грозила смерть, по крайней мере в ближайшие годы.

– Но я не понимаю... – заговорила Вайолет возбужденно. – Ему оставалось жить всего несколько месяцев, даже недель... Значит, мы все-таки могли пожениться?

– Пусть доктор объяснит, дорогая, – произнес ее отец успокаивающим тоном.

– Я не думал, что это кому-то навредит, – сказал доктор. – Боюсь, я был тогда в довольно трудном положении. Мистер Фоссе держал меня на крючке. Ему была известна кое-какая информация, которой он мог шантажировать меня. Он пообещал не раскрывать владельцам «Таоро» эту информацию, если я поставлю ему ложный диагноз. Такое предложение меня устраивало. Он ведь не просил у меня денег или долю в доходах, ему был нужен только диагноз неизлечимой формы туберкулеза. Он сказал, что это позволит ему избавиться от некой преследовавшей его женщины, не предпринимая каких-либо действий против нее. Что я мог иметь против?

– А что это за информация, которой вас можно было шантажировать? Выкладывайте начистоту, доктор, – потребовал Нуньес.

– Ну хорошо. Эдмунд знал, что я воровал драгоценности в «Таоро».

– В том числе жемчуг миссис Винниат?

– Да, а также изумрудную брошь и браслет с бриллиантами и сапфиром. Понимаете, у меня были долги из-за азартных игр, которые с годами только возрастали, и...

– Мы вернемся к этому позже, Тренкель, – сказал Нуньес. – Итак, миссис Кристи, вы говорили правду насчет кражи жемчужного ожерелья. Простите, что я вам не верил. Но откуда вы знали о сговоре между доктором и мистером Фоссе? И как это связано с Дугласом Грином?

– Я понимаю, вам трудно было поверить мне сразу, инспектор, – сказала я. – Ведь доктор Тренкель был уважаемым служащим «Таоро», спасшим, как вы сказали, не одну жизнь. Но снова и снова приходится

признавать, что нельзя судить по наружности. Всегда надо думать, что лежит под внешним слоем любой, даже самой респектабельной личности. Что касается отношений между доктором Тренкелем и Эдмундом Фоссе... У меня возникли некоторые сомнения, когда я увидела, что история болезни Фоссе написана аккуратным почерком, совсем не таким неразборчивым, каким доктор Тренкель пишет обычно. Я нашла в библиотеке книгу, которая, несомненно, есть и у доктора, и убедилась: он просто переписал из нее несколько строк. Вроде бы незначительное упущение, а оказалось важной уликой. Я права, доктор?

Тренкель кивнул:

– Если бы я мог предвидеть, к чему все это приведет, я, конечно, ни за что не стал бы связываться с Эдмундом. Мне хотелось бы объяснить...

– Позже, позже, Тренкель, – прервал его Нуньес. – Сейчас нам надо разобраться в главном. Миссис Кристи, расскажите, пожалуйста, все, что вам известно по делу Дугласа Грина.

– У меня пока нет никаких доказательств, но полагаю, Грин узнал о том, что болезнь Фоссе не фатальна. Грина послала на остров разведывательная служба в качестве секретного агента, чтобы выявить людей, занимающихся подрывной деятельностью. Он, несомненно, стал спрашивать Фоссе о причинах его симуляции и тем самым подписал себе смертный приговор. Фоссе убил его и перетащил в пещеру недалеко от своего дома, где постарался придать ему вид жертвы оккультного ритуала, для чего начал процесс мумификации, покрыл тело Грина «драконьей кровью» и оставил рядом фигурку Тибисены. Все это должно было бросить тень подозрения на Джерарда Гренвилла.

– Ах вот почему вы вели себя так странно, когда были у меня в гостях! – дошло наконец до оккультиста.

Но я не могла смотреть на него спокойно. В моих глазах он был если не убийцей, то столь же отталкивающим монстром.

– Фоссе нашел применение крови, выкачанной из тела Дугласа Грина, – продолжила я. – Он смачивал ею носовые платки, чтобы создать иллюзию, будто кашляет кровью, как умирающий. Я не удивилась бы, если бы после того, как у него кончился запас крови Грина, Эдмунд ранил бы себя и набрал в пузырек собственную кровь. Он прикидывался невинным очень талантливо. Кому придет в голову заподозрить инвалида?

– А почему убили Говарда Винниата и Эдит Брендел? – спросил Нуньес.

– Бывают детали столь незначительные, что мы их не замечаем, а если замечаем, то отбрасываем как не представляющие интереса, – сказала я. –

Эти детали – обрывки разговоров, отдельные услышанные фразы, замеченные уголком глаза сцены – проплывают в глубине нашего сознания, как облака на горизонте. Так и я не обратила внимания на некоторые факты, посчитав их слишком мелкими и несущественными. Вам может показаться, что меня сейчас занесло в сторону, но это не так. С Говардом Винниатом вышло вот что. Он был обуян страстью протоколировать все, что происходило вокруг, и обратил внимание на вес сундука Гая Тревельяна: при погрузке на пароход в Саутгемптоне он был так тяжел, что лица грузчиков, тащивших его, покраснели, как свекла. Тревельян – геолог, и его объяснение, что он везет образцы горных пород, ни у кого не вызвало подозрений. Однако при разгрузке в Лас-Пальмесе сундук был пуст. Дело в том, что в сундуке лежала бедная Сьюзен Саундерс, которую усыпили, чтобы не шумела. Во время первого же обеда в «Таоро» Винниат, очевидно, сказал что-то Тревельяну о разнице в весе сундука, – я обратила внимание, как Гай изменился в лице, но решила, что Винниат со свойственной ему бесцеремонностью неудачно высказался по поводу Джинны и ее самоубийства. Эдит Брендел во время пикника также бросила вызов судьбе, сделав замечание о багаже Тревельяна и не сознавая всего значения сказанного. От нее тоже пришлось избавиться, не так ли, мисс Харт?

Хелен Харт совершенно хладнокровно выслушивала все выдвигаемые против нее обвинения, оставаясь спокойной и невозмутимой; внешний вид ее, как всегда, был безупречен.

– Она была всего лишь надоедливой старой сплетницей, совавшей нос куда не следует. Она уже достала всех болтовней о ее драгоценностях, о «Титанике» и золотом времени до войны.

– И заслуживала, чтобы ее утопили в ванне? – спросила я.

– Я знала, что она боится воды, и это послужило ей уроком.

О господи, подумала я, да она законченный садист. Я ничуть не жалела ее.

– А как насчет мистера Винниата? – спросил Нуньес. – Каким образом он умер?

Хелен Харт посмотрела на меня, приподняв бровь.

– Ну ладно, если вы не собираетесь рассказывать об этом, придется мне, – вздохнула она. – У меня оставалось немного атропина, который дал мне Эдмунд для Сьюзен. В то утро Винниат вышел на прогулку, а я встретила его. Было жарко, он хотел пить, и я предложила ему хлебнуть вина из моей фляжки. Вскоре после этого у него начались галлюцинации. Я сказала, что помогу избавиться от них, и повела его на мост. Он сразу забрался на парапет, сказал, что будет летать, и бросился в овраг. Так что

фактически это было самоубийством.

– А зачем надо было втыкать ему в глаз цветок райской птицы? – спросила я.

– Господи, да ради шутки, – обронила она. – У Говарда была несносная привычка непрерывно шпионить за другими, следить, чем они занимаются, и все записывать. Прямо как у вас, миссис Кристи. Но у вас, в отличие от него, хотя бы есть какие-то зачатки таланта. Я воткнула ему цветок в наказание за то, что он все вынюхивал и шпионил.

– А каковы были ваши планы в отношении меня? – спросила я.

Хелен собиралась ответить, но тут Эдмунд застонал. Все гости повернулись к нему.

– Папа, смотри! – воскликнула Вайолет. – Он открывает глаза. Эдмунд, дорогой мой! – Она любила его по-прежнему, несмотря на все, что узнала. – Он не умер! – Она погладила его по щеке.

– Не надо трогать его, – предупредил ее отец.

– Хелен... – пробормотал Эдмунд.

Хелен прикрыла рот рукой. Впервые за все время нашего знакомства она растерялась, не зная, что сказать или сделать.

– Да, он жив, – сказала я. – Я впрыснула ему не морфий, а снотворное, чтобы выключить его на время из разговора. Смерть была бы для него слишком легким выходом. Он должен ответить перед судом за свои преступления, как вы, мистер Тревелиян, и, разумеется, вы, мисс Харт.

Инспектор Нуньес приблизился к нам. В глазах Хелен Харт вспыхнула паника, безудержная паника загнанного в угол зверя. Она лихорадочно осматривалась в поисках чего-нибудь, что можно использовать как оружие. Взгляд ее перебежал с лежавшего на полу резца на стоящую в нише скульптуру птицы с расправленными крыльями, пистолет в руках Дэвисона, даже вилки и ножи на столе. Казалось, она выбирала, что схватить. Но входную дверь сторожили люди Нуньеса, так что оставался один путь: бежать в студию и броситься с утеса в морские волны и на острые скалы. Однако тщеславие и гордость не позволяли Хелен расстаться с жизнью таким образом.

– Арестуйте меня, – произнесла она, протягивая Нуньесу руки для наручников. – Я готова.

Нуньес замкнул наручники на ее руках, и я вздохнула было свободно, но тут Руперт Мэйби широким шагом пересек комнату и, прежде чем кто-либо успел остановить его, изо всех сил врезал Эдмунду.

– Это за то, что ты сделал с моим братом, ублюдок, – выпалил Руперт. – Если бы у меня был пистолет, я пристрелил бы тебя, как собаку.

Оставить его там в таком виде – это варварство. Когда я пошел посмотреть на то место, где ты... – Он замолчал и замахнулся опять.

Возможно, он и был тем незнакомцем, чьи шаги я слышала в пещере у пляжа Мартианес.

Эдмунд попытался поднять руку, чтобы защититься от удара, но ему не хватило сил. Вторым ударом Руперт разбил ему губу.

– Остановитесь! – закричала Вайолет. – Это невозможно. Эдмунд никогда не сделал бы такого. Он не мог сделать ничего плохого другому человеку. Я не верю ни одному слову этой ужасной женщины, – добавила она, глядя на меня.

Нуньес подошел к девушке и успокаивающе обнял ее за плечи, она же в этот миг выхватила пистолет из его кармана.

– Отойдите от меня, – велела она инспектору, наставив пистолет на него. – Вы ничего не понимаете. Я не люблю вас, вы мне даже не нравитесь. Я люблю Эдмунда и всегда буду любить.

– Вайолет – мисс Гренвилл, – вы не владеете собой, – сказал Нуньес.

– Отойдите, – повторила она.

Когда инспектор отошел на два шага, Вайолет повернула пистолет в сторону Хелен Харт. Ее руки неудержимо тряслись.

– Да не сможешь ты выстрелить, – ухмыльнулась Хелен. – Пороху не хватит. Знаешь, как еще Эдмунд называл тебя помимо «подсадной утки»? Пугливая Вайолет – да, да! – Глядя, как Вайолет съежилась, Хелен рассмеялась. – За твоей спиной мы смеялись над твоими глупыми улыбками и старомодными платьями. А уж как ты боготворила Эдмунда – лопнуть со смеху можно было. Неужели ты всерьез думала, что он полюбит тебя? Ты дура – Эдмунд на дух не переносил девиц вроде тебя. – Хелен сделала паузу для пущего эффекта и добавила: – Девственниц. – Она выплюнула это слово, будто яд.

Лицо Вайолет преобразилось. Глаза ее ожесточились, в них сквозь слезы вспыхнула ненависть – не только к Хелен Харт, но и, без сомнения, к отцу. Из болезненных чувств разочарования, подавленности, гнева и ревности выкристаллизовалась решимость. Пришло время отыгаться за все. Сделав глубокий вдох, она приготовилась спустить курок. Хелен, со своей стороны, приготовилась к смерти и смотрела на собирающуюся убить ее девушку с триумфом.

– Уберите пистолет, Вайолет! – крикнул Дэвисон и направил на нее дуло собственного оружия. – Я не хочу в вас стрелять, но придется. Пусть те, кто совершил все эти преступления, ответят перед судом. Уверен, их ждет смертный приговор.

– Эдмунд не сделал ничего плохого, это она во всем виновата, – ответила Вайолет. – Это она должна умереть.

Пистолет ее нацелился в грудь Хелен Харт. Но в тот самый миг, когда Вайолет уже была готова нажать на курок, а Дэвисон был готов выстрелить ей в плечо или в ногу, массивная фигура Гренвилла метнулась вперед и закрыла девушку. Вдохновленный попыткой Гая Тревельяна спасти Хелен, Гренвилл заслонил своим телом Вайолет от пули Дэвисона. До сих пор он поступал со своей дочерью отвратительно, однако, без сомнения, любил ее.

Брызнула кровь, раздался крик боли. Отец с дочерью рухнули на пол. Подбежав к ним, Дэвисон выбил ногой пистолет из руки Вайолет в мою сторону и с помощью Нуньеса приподнял тучное тело Гренвилла, освободив лежавшую под ним девушку. Рубашка и пиджак Гренвилла запятнала кровь, в его глазах угасала жизнь.

– Прости, Вайолет, – прошептал он. – Пожалуйста, прости меня.
Это были его последние слова.

Глава 43

Дэвисон открыл дверь своего номера в «Таоро». В окно, глядевшее на океан, лилось солнце, окутывало все теплым золотистым сиянием.

– Роскошная погода, не правда ли? – сказал он, жестом приглашая меня сесть на диван у окна. – Такой четкий, ясный горизонт. Самое время приступить к новой работе.

– А для некоторых – заканчивать старую, – отозвалась я. – От Нуньеса вестей не поступало?

– Было кое-что. Эдмунд Фоссе полностью признал свою вину – сказал, что разработал весь план преступления. Что ему оставалось после всего сказанного мисс Харт?

– Так что у инспектора теперь достаточно данных, чтобы предъявить всем троим обвинение?

– Да, вроде бы, – ответил он, разливая чай. – Гай Тревельян распелся, как канарейка, и рассказал, как именно он разделался с женой. Полиция обшаривает Темзу в районе доков в поисках ее тела или того, что осталось от него. Похоже, Тревельян искренне сожалеет о содеянном и раскаивается.

– Я верю ему, – согласилась я. – Только вряд ли ему это поможет. – Я вспомнила, как горячо Гай рассказывал на «Джелрии», что самки разных видов смертоноснее самцов, и добавила: – Уверена, он жалеет о том, что связал жизнь с Хелен.

– А Хелен наверняка жалеет, что вы оказались одновременно с ней на «Джелрии» и здесь, в Оротаве, – сказал он, потягивая чай.

– Возможно, хотя действовала она очень изобретательно. Ей нужен был свидетель того, что женщина, которая была якобы Джиной Тревельян, сама прыгнула в воду. И действительно, выглядело так, будто Хелен делает все возможное, чтобы предотвратить самоубийство. Но на самом деле ее внезапный рывок в сторону мнимой Джини напугал Сьюзен и заставил прыгнуть. Когда я сказала помощнику капитана, что, может быть, женщину еще можно спасти, Хелен испуганно вскрикнула, притворившись, будто сдерживает рыдания. Но я забегаю вперед.

Помолчав, я продолжила:

– Конечно, эта авантюра была чрезвычайно рискованной, но Хелен Харт относится к женщинам, обожающим опасность. Ведь на «Джелрии» была пассажирка, которая знала Джину Тревельян, – миссис Брендел. Она сразу увидела бы, что это вовсе не Джина. Думаю, Хелен и Гай места себе

не находили, узнав, что миссис Брендел в последнюю минуту тоже купила билет на «Джелрию». Но менять планы было слишком поздно. Они знали, что миссис Брендел поднимается утром не рано, однако не удивлюсь, если накануне вечером на всякий случай подсыпали ей в питье снотворного. Я помню, она жаловалась в то утро, что ей не по себе. Кроме того, для выполнения плана Хелен ждала наступления ненастной погоды, когда труднее выловить тело из воды. Представляю, как она злилась, когда мы спокойно пересекли славящийся бурями Бискайский залив, словно пруд на птичьем дворе. И когда после Лиссабона на горизонте появились штормовые тучи, Хелен сразу ухватилась за этот шанс на рассвете.

– Да, чудеса изобретательности, – заметил Дэвисон.

– Плюс необыкновенная жестокость, – добавила я. – Кроме того, она решила притвориться, что считает себя виновной в смерти Джини, и уж тогда никто не заподозрит у нее недобрых намерений. Для верности она отправилась с «признанием» к капитану парохода. Все было тщательно продумано и разыграно, как театральная спектакль, включая трогательную сцену, подслушанную мной позже на пароме. Они наверняка знали, что я их слышу. И все сошло бы им с рук, если бы не пара неосторожных замечаний, сделанных Винниатом, а затем миссис Брендел.

В первый же вечер на острове Гай за обедом неожиданно сильно расстроился. Он объяснил внезапную смену настроения тем, что вспомнил о Джине. Но на самом деле это было вызвано замечанием Винниата о разнице в весе сундука Тревельяна при погрузке и разгрузке. Хелен Харт беспокоилась, не услышал ли это замечание кто-нибудь из обедавших. Миссис Брендел, сидевшая рядом с Винниатом, действительно слышала что-то, но не придавала значения – у нее не было для этого оснований. Но Гай и Хелен понимали, что, став известной всем, эта незначительная деталь может погубить их. Они были уверены, что Говард занесет эту деталь в блокнот, и потому, убив Винниата, Хелен, должно быть, вытащила блокнот из его кармана и сожгла опасное свидетельство.

– И все ради денег, ради наследства Джини? – спросил Дэвисон.

– Да, а также, безусловно, ради любви, любви Хелен Харт к Эдмунду Фоссе. – Я вспомнила замечание Хелен о том, что любовь превращает нас в животных. – Комбинация поистине взрывоопасная.

– А Гренвилл был абсолютно ни при чем.

– Да, к убийствам он не имел отношения, – ответила я, ограничившись этим.

После ареста Эдмунда Вайолет говорила, что у нее не осталось, ради чего стоило бы жить. И даже вроде бы обратилась к Нуньесу с просьбой

выдвинуть против нее обвинение в попытке убийства Хелен Харт и непредумышленном участии в смерти ее отца, но инспектор ответил, что до этого не дойдет. Что ждало Вайолет в будущем? Может быть, она смягчится и оценит Нуньеса – единственного человека, который действительно любил ее?

Я надеялась также, что мадам Жиру со временем доверит свою судьбу какому-нибудь мужчине. Это будет, конечно, трудно, как я сказала ей сегодня за завтраком, но возможно. Я поделилась с ней также некоторыми деталями своего так называемого психического коллапса в прошлом году. Рассказала о том, как тяжело переживала утрату матери и разрыв с Арчи: о наших ссорах, о своей ненависти к его любовнице мисс Нил, о снедавшей меня ревности и убеждении, что без Арчи я не смогу прожить. Но теперь, подчеркнула я, могу представить себе жизнь без него и вскоре, наверное, сниму обручальное кольцо, которое пока все еще красовалось на пальце.

– Вас что-то беспокоит, Агата? – участливо спросил Дэвисон.

Я подозревала, что он знает, о чем я думаю, – он относился к тем редким мужчинам, которые каким-то образом угадывали даже глубоко запрятанные помыслы женщин, – однако я была не в настроении поддерживать столь интимный разговор.

– Нет, я лишь подумала, нет ли новых известий о Руперте Мэйби.

– Он пока молчит. Но у нас есть способы заставить людей разговариваться. Кроме того, мы ждем информацию из министерства о его связях с АРКОСом, Всероссийским кооперативным обществом. Помните, я говорил о нем, когда впервые предложил вам помочь нам в расследовании смерти Грина? Мы подозревали, что кто-то снабжает АРКОС кое-какими данными. Мы тогда и вообразить не могли, что на Тенерифе произойдут еще убийства. Кстати, сегодня утром я получил телеграмму от Хартфорда.

– Вот как?

– Он чрезвычайно высоко оценивает вашу работу и хочет встретиться с вами, когда вы вернетесь в Англию.

– Правда? Зачем?

– Думаю, он хочет поблагодарить вас лично за то, что вы сделали. Я, естественно, тоже благодарю вас.

После ареста преступников начальство Нуньеса также высоко оценило его работу. Я была рада, что заслугу в расследовании преступлений приписали ему. В ответ я попросила только об одном: уничтожить все имеющиеся у него свидетельства, компрометирующие Дэвисона. Он и без того достаточно пострадал из-за потери Дугласа Грина. Не хватало только, чтобы он потерял к тому же репутацию или работу.

– Все, что я сделала, ерунда по сравнению с тем, что вы спасли меня от смерти, – ответила я.

Дэвисон улыбнулся и подлил мне чая.

– Хартфорд хочет наградить вас приличной суммой, а также оплатить ваш небольшой отдых. Это минимум того, что министерство обязано для вас сделать.

– Под отдыхом вы не имеете в виду еще одно задание?

– Нет, на этот раз нет, – рассмеялся он.

– «Таоро», конечно, замечателен, но я немного устала от туманов по утрам и от того, что здесь негде поплавать.

– Как насчет Мадейры? Говорят, там...

– Не уверена... – ответила я.

Мы с Арчи должны были посетить Мадейру во время Имперского кризиса, но я провалялась все это время в каюте из-за морской болезни, и мне не очень хотелось пробуждать грустные воспоминания.

– Тогда, может быть, Гран-Канария? В Лас-Пальмесе живет мой знакомый, восхитительный человек, доктор Лукас.

Я состроила притворно-испуганную гримасу.

– Ох, не надо докторов, – отозвалась я, думая о Кёрсе и Тренкеле. – Общения с медиками мне в последнее время вполне хватило.

– Доктор Лукас – это нечто совершенно особое. Очень жаль, что я не мог познакомить вас сразу по приезде на острова, но у нас была впереди работа. Лукас – прирожденный целитель и к тому же, пожалуй, самый приятный и дружелюбный человек из всех, кого я знаю. Возможно, общение с ним как раз то, что вам в настоящее время нужно больше всего. Он живет очень тихо и мирно с женой-австралийкой и сестрой, миссис Мик. Бурной светской жизни у вас не будет, но выспитесь вы вволю, и не исключено, что там есть очень неплохие места для купания.

– Ну что ж, сменить обстановку – хорошая идея, да и для Карло с Розалиндой это будет развлечением, – сказала я. – У меня горло побаливает, а уж отдохнуть мне точно не помешает. – Горло мое все еще не могло опомниться от железной хватки Хелен Харт, а нервы звенели, когда я вспоминала ее взгляд, излучавший злобу и ненависть. Я была уверена: она, не задумываясь, убила бы меня, если бы Дэвисон не стал угрожать ей пистолетом. – Отсутствие же светских развлечений как раз то, что мне надо. У меня на руках незаконченный роман.

Столько событий произошло с той минуты, когда я увидела, как несчастная женщина бросилась в воду с палубы «Джелрии». Столько смертей, столько несчастья обрушилось на людей. Помимо Дугласа Грина,

погибли Говард Винниат, Эдит Брендел и Джерард Гренвилл. А после судебного разбирательства смерть ожидала Гая Тревельяна, Хелен Харт и Эдмунда Фоссе. Я надеялась, что зло наконец искоренено, с ним покончено, но не была уверена в этом.

Старые грехи отбрасывают очень длинные тени. На все последующее.

Факты

- После широко освещавшегося в прессе исчезновения Агаты Кристи в декабре 1926 года и развода с Арчи писательница чувствовала, что не может оставаться на Британских островах. «Я столько всего пережила, что не могла найти покоя в Англии. <...> Жизнь здесь стала невыносима для меня», – пишет она в автобиографии.

23 января 1927 года Агата Кристи вместе с дочерью Розалиндой и секретаршей Карло села на пароход «Джелрия», направлявшийся в Лас-Пальмас на острове Гран-Канария. Оттуда они перебрались в Пуэрто-де-ла-Крус на острове Тенерифе и прожили в отеле «Таоро» с 4 по 27 февраля.

Затем Агата вернулась в Лас-Пальмас, где встретилась с доктором Лукасом и пожаловалась ему на «изъязвленное горло». Впоследствии она отзывалась о докторе как о «прирожденном целителе». Доктор Лукас сказал ей: «Вы обладаете большой силой и мужеством. Ваша жизнь будет радовать вас».

- Агата полагала, что ее мать отличалась исключительной интуицией, и сама писательница интересовалась какое-то время оккультизмом. К описываемому в книге моменту она опубликовала, помимо нескольких детективных романов, ряд произведений о сверхъестественных явлениях, в том числе рассказ «Женщина, укравшая привидение» (впоследствии переименованный в «Последний сеанс»). Эти рассказы были опубликованы в сборнике «Гончая смерти» (1933). На Тенерифе она написала рассказ «Вышедший из моря», включенный в сборник «Таинственный мистер Кин» (1930).

- АРКОС (Всероссийское кооперативное общество) открыл торговлю в Лондоне в октябре 1920 года. Британская разведка подозревала, что организация занималась подрывной деятельностью, и 12 мая 1927 года в ее штаб-квартире, располагавшейся в Лондоне по адресу Мургейт, 49, была совершена облава. Обнаруженные там советские телеграммы были расшифрованы и частично зачитаны премьер-министром Стенли Болдуином в парламенте. Они позволили Болдуину утверждать, что русские занимались шпионажем.

- На Канарских островах Агата закончила свой восьмой роман, «Тайна

„Голубого экспресса“», и опубликовала его в 1928 году. «Сама не знаю, каким образом мне удалось-таки написать эту чертову книжку», – заявила она. Это был поворотный момент в ее жизни: отныне ей приходилось зарабатывать писательским трудом на жизнь. «В тот период я перешла из любителей в профессионалы», – пишет она в автобиографии. Развод с Арчи Кристи был юридически оформлен в апреле 1928 года. Романы Агаты по-прежнему бьют все мировые рекорды продаж за всю историю книгопечатания.

Благодарности

Прежде всего следует поблагодарить саму Агату Кристи, доставившую столько приятнейших часов читателям во всем мире, в том числе и мне самому.

Это вымышленная история, но при ее написании я пользовался источниками, обогатившими меня очень ценной информацией.

Данные о Тенерифе и его жителях я почерпнул из замечательного труда «Туризм в истории Пуэрто-де-ла-Круса», написанного Николасом Гонсалесом Лемусом и Мелесио Эрнандесом Пересом и изданного Высшей школой туризма Ириарте (2010), а также из книг «Тенерифе, конец путешествия» Аны Дж. Эрнандес («Эдисьонс идея», 1995) и «Властители: британцы на Тенерифе» Остина Байона («Эдисьонс идея», 1995). Книга Дж. П. Камачо «Гуанчи: легенда и реальность» («Вестон», 2012) посвящена культуре гуанчей, а работа Милагроса Альвареса Сосы и Айрин Морфини «Страны мумий: увековечивание мертвых в Египте и на Канарских островах» («Эдисьонс ад Эгиптум», 2014) излагает технику мумификации.

Неоценимую помощь в моих исследованиях на севере Тенерифе, в районе Пуэрто-де-ла-Круса, мне оказали Ана Э. Кастильо, Рамон Мишан, Гортензия Эрнандес и вся команда Центра культурных инициатив и туризма, занимающаяся организацией фестивалей Агаты Кристи.

Подробности путешествий на океанском лайнере в золотую эпоху туризма я почерпнул у покойного Джона Макстона-Грэхэма, прежде всего в его книге «Единственный способ пересечь океан» («Макмиллан», 1978).

Среди множества людей, усердно трудившихся над публикацией книги, мне хотелось бы выделить в первую очередь моего необыкновенного агента Клер Александер, а также сотрудников «Александер Эйткен ассошиэйтс»: Лайзу Бейкер, Лесли Торна, Лию Мидлтон, Ништу Харри, Николу Чана, Анну Уоткинс и Бена Куарши.

Благодарю сотрудников английской редакции издательства «Саймон энд Шустер» – блестящего Иэна Чапмена и фантастическую Сюзанну Бабоно, неизменно оказывавших мне поддержку в публикации данной серии романов. Приношу также благодарность Джо Дикинсону, Карле Джозефсон, Анне Перри, Мейзи Лоуренс, редактору английского издания Салли Партингтон, Жюстин Голд, как и сотрудникам отдела рекламы и маркетинга Эмме Харроу, Джесс Баррат, Харриет Коллинз, Джемме Конли-Смит, Джилл Ричардсон, Клер Беннет и Ричарду Хоутону, а также всей

чрезвычайно деятельной команде книготорговцев, художнику Марку Смиту и дизайнеру обложки Пипу Уоткинсу.

Большое спасибо замечательному персоналу американской «Атрии», в особенности Джудит Кёрр, моему редактору Питеру Борланду, Шону Делоне и Даниэле Векслер. Благодарю также ответственного редактора Изольду Зауэр, редактора Нэнси Инглис, Альберта Тэнга за макет обложки и все того же Марка Смита за чудесную красноречивую картинку на ней.

Моя благодарность поклонникам Агаты Кристи – филологам и прочим исследователям, которых заинтересовала моя серия романов: доктору Джону Каррену, Майку Линейну, доктору Джейми Бернталу, Скотту Уолласу Бейкеру, Тине Ходжкинсон, Эмили и Одри, создавшим блог «Год Агаты», и многим другим.

Наконец, я хочу сказать сердечное спасибо всем членам моей семьи и друзьям, а главное, Маркусу Филду, соучастнику моих преступлений и партнеру во всем остальном.

---

notes

Примечания

1

Морская болезнь (фр.).

Имеется в виду роман «Тайна „Голубого экспресса“». – *Здесь и далее примеч. перев.*

Алистер Кроули – английский поэт, оккультист, каббалист и таролог.

4

Строка из песни Ариэля в пьесе У. Шекспира «Буря».

5

Водка (*фр.*, *букв.*: живая вода).

Речь идет о стихотворении Р. Киплинга «Самки разных видов» («The Females of the Species»), которое посвящено женскому первоначалу.

Строка из стихотворения Р. Киплинга «Самки разных видов».

«И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла» (Быт. 2: 9).

Ребята, чемоданы (*исп.*).

10

Хочу умереть! (исп.)

Великий труд (*лат.*).

А. Кристи написала на этот сюжет рассказ «Лампа».

Омар Хайям. Рубайят.

14

Verde (*исп.*) и green (*англ.*) – зеленый.

Джон Уэбстер. Герцогиня Мальфи. Перевод П. Мелковой.

Добрый день и добро пожаловать (*исп.*).

Бутылку коньяка, пожалуйста (*исп.*).

Чарльз Фредерик Миллс – американский врач, гомеопат и ботаник.

Густав Шенк – немецкий писатель, фотограф.

Матье Жозеф Бонавантюр Орфила (1787–1853) – испанский химик, один из основоположников токсикологии.

Консуэла, спасибо за все (*исп.*).

«*Золотая заря*» – магический орден, действовавший в Великобритании во второй половине XIX – начале XX в. Проповедовал теургию, магию, алхимию.

Патюс – французский оккультист, масон, розенкрейцер.

Violet – фиалка (англ.).

«*И цзин*» – Книга перемен, наиболее ранний из китайских философских текстов (ок. 700 г. до н. э.).

Суккуб – в средневековых легендах демоница, посещающая по ночам молодых мужчин и вызывающая у них сладострастные сны.

У. Шекспир. Гамлет. Перевод Б. Пастернака.

Моя малышка (фр.).

Твою мать! (*исп.*)

Я в порядке, ничего не случилось (*исп.*).

Жизнерадость, интерес к жизни (*фр.*).

Гостиница (исп.).

Да, да. Вам нужна комната? (*исп.*)

Да, сеньор Джонс. Я их знаю. Джентльмен. Но, к сожалению, сеньор не здесь (*исп.*).

Espiritu Santo – Святой Дух (*исп.*).

Богоматерь в Канделярии считается покровительницей Канарских островов.

Каньядас – горный массив на острове Тенерифе. Лас-Каньядас – национальный парк.

Входите (*исп.*).

Пожалуйста! Кровь. Смерть. Смерть! (*исп.*)

Ученик превзошел учителя (*фр.*).